

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Москва 2019

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертез (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь *С.А. Максимов*

Верстка *В.А. Козак*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)»
и частных пожертвований.*

Содержание

№ 1–2(76) 2019

К читателю

Послание родителям 5
Юрий Сенокосов

Семинар

Какое будущее ждет Европу?
Калипсо Николаидис
Ширли Вильямс 7
Джон Ллойд

Берлинский форум

Европейский дух — дух открытости и свободы 19
Катрин Лалюмьер

Возвращение к демократии? 23
Норберт Ламмерт

Вызов для всех нас 27
Тома Гомар

Очень важно искать общий язык 31
Денис Волков

*Политические системы в Восточной Европе
и противоречия публичного и социального* 34
Михаил Минаков

Демократия, верховенство права, права человека 37
Фредрик Лойдквист

Дискуссия 40

Тема номера

«Мы выбираем, нас выбирают...» 51
Борис Макаренко

Вызовы и угрозы

Россия и Европа после распада СССР 60
Карл Бильдт

Общество и СМИ

Объективность журналистики 65
Кадри Лийк

Гражданское общество

*Гражданское образование в истории
отечественной общественно-политической мысли* 69
Александр Согомонов

Три фронта «общества граждан»: усиление конфликтности 110
Андрей Колесников

Точка зрения

Гражданское общество после 2018-го: есть ли шанс? 120
Владимир Рыжков

«Крымская пятилетка» 126
Андрей Литский

Хочешь мира — готовься к миру 133
Ольга Ирисова

Горизонты понимания

Правление 138
Л.Л. Блейк

Наш анонс

Выборы Макрона, или Выбор Франции: французская политика в 2017–2018 годах 152
Игорь Бунин

Люди казенного века 156
Алексей Макаркин

Книги

Дорога к несвободе 164
Андрей Захаров

Контрапункт 166
Владимир Рыжков

Nota bene

Несколько вопросов самому себе 187
Екатерина Жилиякова

Если в вашей работе есть правда, добродетель и красота 193
Леон Конрад

*В оформлении номера использованы работы авторов из
Германии, Испании, Италии, Мексики, США, Франции.*

Послание родителям

Уважаемые и дорогие родители! Как и вы, мы тоже родители. Но мы решили обратиться к вам от имени детей, которых никогда не спрашиваем (и понятно почему), хотя бы они родились. И очень редко говорим, зачем мы их зачали и родили.

Разумеется, биология сильнее наших родительских чувств, но и об этом дети узнают, когда уже поздно.

Им, только что родившимся и беспомощным, уже поздно протестовать и возражать, спорить и возмущаться, кричать и бунтовать. Но они кричат и протестуют.

А что испытываем мы, родители?

Вот лишь один российский пример.

74% от числа опрошенных респондентов в России (данные Левада-Центра) на вопрос «Чего вы больше всего боитесь?», предлагавший 15 вариантов ответа, ответили, что испытывают постоянный страх за детей. Это самое высокое — намного выше, чем страх мировой войны (44%), — среднее значение за 20 лет (1996–2017).

Почему для нас как родителей так важен этот пример? Потому что страх за детей — это наше естественное отношение к жизни как к абсолютной и непреходящей ценности. Именно отношение, поскольку определить жизнь иначе невозможно. Ведь если бессмысленна жизнь, то бессмысленна и смерть, писал Лев Толстой в своей повести «Смерть Ивана Ильича». Каким же образом тогда вернуть жизни и смерти осмысленность?

Формально логически просто: надо лишь заменить определение «бессмысленная жизнь» на противоположное — «осмысленная». Но человек — это всегда только попытка стать человеком.

Толстой своей повестью отвечает: человеческая жизнь имеет смысл только тогда, когда она честно и достойно прожита.

*Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»*

Но что означает честная и достойная жизнь, когда речь идет о человеке как о члене общества? Что такое общественное благо? На какой основе возможно соединение личных жизненных интересов и установок в общественную, а затем и политическую волю? Разумеется, на основе ответственности, то есть способности личности соотносить свою жизненную программу с жизненными программами других людей и искать союзников для реализации своих планов. А для этого нужен прежде всего сам план, видение перспективы. Ответственное мышление основано на желании и готовности планировать завтрашний день. И наоборот: чем больше союзников, тем легче дается эта работа — планирование будущего. Социальность и ответственность за свою судьбу — взаимодополняющие категории.

Вернемся к цифре — 74%.

Конечно, под «страхом за детей», по словам директора Левада-Центра Льва Гудкова, люди имеют обычно в виду их здоровье (отсутствие болезней), безопасность, защиту от несправедливости и т.д. Это не какие-то конкретные причины для беспокойства, а некая общая, диффузная тревожность, не имеющая конкретных поводов и оснований. А «дети», что не менее важно, это скорее родительская проекция собственного положения на будущее, перенос своей тревожности и неопределенности положения в модальное будущее, которое мыслится иллюзорно как свободное от проблем и желаемое состояние. Тревожные родительские реакции можно рассматривать, следовательно, как выражение ценностных установок о здоровье детей, обще-

ственной безопасности, справедливости и т.д.

Другой опрос Левада-Центра тоже показателен: только 15% граждан готовы планировать свою жизнь на пять и более лет вперед. И почти половина — 46% — не могут представить себе, как их жизнь сложится даже в ближайшие месяцы. Отсутствие картины личного будущего отражается неустроенностью в дне сегодняшнем. Неизвестное, туманное будущее сковывает и пугает. Оно не дает платформы для соединения интересов.

Приведенные цифры — из российской действительности, но проблема универсальна, и, чтобы рассеять туман тревоги, мы, родители, должны вместе учиться ответственности, гражданственности, солидарности, развивать их. В этом заключается наша общая миссия — миссия родителей тех, кому предстоит жить в завтрашнем дне. Это мы — родители — должны уметь не подменять сегодня жизнь имитацией жизни, верховенство права диктатурой закона, отличать ложь от правды и справедливость — от государственной опеки. Перестать бояться и вместе строить наше общее будущее. Тогда мы станем не компанией незнакомых людей, случайно оказавшихся в одном зале, в одном городе или в одной стране, а обществом современных граждан.

Жизнь самоценна, а наши ценностные установки продиктованы, конечно же, естественным желанием эту самоценность сохранить, в том числе и во имя детей. И самое главное — понимать, какую ответственность мы — родители и граждане не только по паспорту — действительно несем за наших детей.

28 января — 1 февраля 2019 г. в колледже Святого Антония, Оксфорд, состоялся семинар Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы. Публикуем выступления участников сессии, посвященной теме будущего Европы.

Какое будущее ждет Европу?

Калипсо Николаидис, профессор, директор Центра международных исследований, колледж Святого Антония, Оксфорд:

— Мы рады вас приветствовать. И Оксфордский университет, и колледж Святого Антония существуют как некий остров, на котором нет брексита. Многие сейчас думают, что Британия закрывается, но мы открыты миру. Мы космополиты. В нашем колледже вы можете встретить студентов из Латинской Америки, из Азии. Здесь 7 региональных центров, представлены практически все страны мира.

Сегодня мы поговорим о Европе и брексите, о том, что для нас это значит. Поговорим о вызовах глобализации и о том, кто в результате выигрывает, а кто нет. Каким образом мы можем ответить на стремление к национальной автономии? Это те вопросы, которыми мы задаемся здесь, в Британии, и вы в России. Поэтому будем говорить о том, что для нас важно.

А теперь слово баронессе Ширли Вильямс. Она мой старый друг, мы дружим уже 30 лет со времен, когда вместе преподавали в Гарварде.

Баронесса Ширли Вильямс, политик, почетный профессор Школы управления им. Кеннеди, Гарвард:

— Большое спасибо, я очень рада здесь присутствовать и приветствовать вас.

Я член Палаты лордов — это верхняя палата британского парламента. И мы сейчас, как вы знаете, переживаем серьезный кризис. Поэтому, к сожалению, я вынуждена буду уехать после обеда в парламент, где мы будем обсуждать поправки, которые были предложены по поводу разных законов. И целый день, по сути, посвятим обсуждению брексита. Это неприятная ситуация, совсем не простая, но в известной степени, похоже, весь мир переживает в наши дни неуверенность в отношении будущего. Фактически мы участвуем в его пересоздании и не вполне уверены, каким он будет завтра. Не понимаем, на каких основах он может быть пересоздан. Говорим о различных правовых принципах, законах, хотя в действительности речь идет об изменении качества жизни для десятков и сотен миллионов людей. После Второй мировой войны Советский Союз и Соединенные Штаты были руководящими центрами мира.

Тогда как в 90-е годы США стали воспринимать себя как единственного серьезного игрока на геополитической арене. А сегодня мы наблюдаем часто противоречащие друг другу тенденции в Европейском союзе.

Позвольте сказать несколько слов о брексите, коль скоро мы говорим в стенах Оксфордского университета. Моя подруга Калипсо об этом уже упомянула. Итак, старые структуры потеряли свою гибкость. И, к сожалению, новый порядок еще не создан. Мы наблюдаем точки геополитической напряженности в разных частях света между различными странами и организациями. Это относится и к отношениям между Россией и Китаем, между Соединенными Штатами и Китаем, к внутриевропейским отношениям, к отношениям между бывшими колониями и метрополиями. И в ряде случаев говорим о проблемах, которые могут быть с легкостью решены при наличии желания. В других случаях обсуждаем проблемы, которые действительно представляются неразрешимыми. Поэтому «туман неизвестности», пожалуй, наиболее подходящий образ, которым можно определить сегодняшнюю геополитическую реальность. Поиск диалога, умение вести беседу и говорить в том числе о самых чувствительных проблемах, пожалуй, единственное, в чем мы можем видеть залог завтрашнего мира.

Я не сомневаюсь, что у вас будут вопросы к нам, так же как у нас есть вопросы к вам. Многие из этих вопросов непростые, они вызывают тревогу и заставляют думать. Но поэтому мы все сюда и приехали. В этом сила и смысл существования университета Оксфорда. Мы рады приветствовать вас в Великобритании на английской земле и надемся на свободный обмен мнениями. Мы восхищаемся той деятельностью, которую уже более четверти века ведут Лена и Юрий, ведет Школа. Я считаю, что приверженность безопасному миру — залог нашего успеха.

Калипсо Николаидис:

— Прежде чем мы перейдем к сегодняшней программе, мне бы хотелось задать вопрос: что вы думаете о современном мире? И, учитывая, что мы в Англии, а мир не особенно волнует тема брексита, как вы к нему относитесь? Я, например, соединяю в себе три идентичности — французскую, греческую и теперь британскую, и меня это сильно беспокоит.

Карина Саввина, корреспондент информационного агентства *Regnum*:

— У меня есть несколько вопросов о брексите, и я хотела бы задать их вам и баронессе Вильямс. Полагаете ли вы, что национализм — это корень брексита? Думаете ли вы, что именно из национализма вырос

брексит? Каким образом происходит манипулирование общественным сознанием в контексте брексита в последние два года?

Калипсо Николаидис:

— Замечательно. Это те вопросы, которые мы хотели бы задать вам. О том, как эти процессы разворачиваются и происходят. Но я бы хотела услышать ваше мнение.

Куралай Абылгазина, корреспондент информационного агентства Интерфакс-Казахстан:

— Наша страна пытается дружить со всеми, и ей это удается. Ругаемся мы только с Кыргызстаном. Мне как наблюдателю очень интересно, почему не сработала идея глобализации. Мы часто слышали, что глобализация хороша и несет кучу благ. Но в итоге почему-то эта идея не сработала. Все больше стран пытается получить автономию, ищет новые национальные идеи. Почему глобализация не работает? И действительно ли она принесла какие-то блага? Это то, что мне интересно. Почему популизм так популярен сегодня?

Екатерина Дунцова, главный редактор независимой студии RuT, г. Ржев:

— Нас тоже посещают мысли о том, что хорошо бы, чтобы был мир во всем мире. В начале двухтысячных мы думали, что вот-вот будем везде ездить без виз и общаться и что будет все хорошо. Но когда мы смотрим на историю, в частности, Великобритании, на историю с Шотландией, Уэльсом, то видим, что все очень сложно. Сложно настолько, что дружить не получается и мне лично от этого очень грустно.

Роман Красильников, профессор, руководитель курса «Культура массовых коммуникаций Вологодского государственного университета»:

— Я имею представление о брексите в связи с различными информационными потоками. С одной стороны, у нас есть русская служба ВВС и Euronews. Это, условно говоря, объективные сведения, которые мы получаем. Они довольно холодные, сухие и строгие, в них нет какой-то дополнительной аналитики. И есть мощный информационный поток, который мы получаем из наших СМИ. И когда мы их сопоставляем с тем, что есть в европейских медиа, видим, что господствует некое злорадство. Поскольку отношения между Великобританией и Россией холодные, то зачастую это служит одним из аргументов в пользу того, что в России все по-другому и гораздо лучше. И это серьезная проблема, что какие-то неудачные с точки зрения нашего правительства моменты в зарубежной политике влияют на политику внутри России, на создание в стране определенной идеологии.

Ксения Вахрушева, пишущий редактор, Экологический правовой центр «Беллона», Санкт-Петербург:

— В настоящее время я живу в Болгарии. Я надеюсь, что произойдет второй референдум в Великобритании. И как человек из Европы хотела бы задать об этом вопрос: что думаете вы о втором референдуме? И второй вопрос. Полагаете ли вы, что норвежский вариант сосуществования с Евросоюзом приемлем для Великобритании?

Кетеван Тутберидзе, журналист, участник проекта «Информационный легион», Грузия:

— Я происхожу из страны, которая фактически была разрушена национализмом в 90-е годы после распада Советского Союза. Грузия сегодня — это молодая демократия, но у нее большие проблемы с национализмом. Страна, где, к сожалению, мы видим очень опасные тенденции. Это же мы видим на Украине.

Асель Аяганова, руководитель проектов консалтингового агентства *Digital Media*, Казахстан:

— Для меня большая честь здесь говорить. У меня вопрос о том, каким видят обычные граждане Великобритании свое будущее после брексита?

Руслан Коцаба, журналист телеканала *NewsONE*, Украина:

— У нас сейчас в стране, как вы знаете, вооруженное противостояние. И, к сожалению, несамостоятельность украинской власти показывает, что стороны, которые заинтересованы в конфликте, находятся не внутри страны. Поэтому если вас интересует взгляд на брексит и то, что сейчас творится в Евросоюзе, наверное, эту ситуацию можно сравнить со зверьками, которые попали в одну яму и начинают пожирать друг друга. Это взгляд из страны, которая сама в такой же ситуации. Мелкие зверьки только и могут, что быть дерзкими. А большие ленивы, потому что знают, что могут всегда позавтракать маленькими. У нас в Западной Украине говорят, что если все упали в яму, то выбираться нужно по очереди. А все вместе разом выбраться не смогут. Поэтому, возможно, такая ситуация сравнима с брекситом.

Калипсо Николаидис:

— Спасибо. Ваши вопросы группируются вокруг трех тем. Первая соотносится с источниками, корнями всей этой ситуации. Например, можно ли сказать, что брексит присущ только Великобритании? Имеет ли это отношение к собственно британскому национализму или это связано с глобализацией и соотношением между глобализацией и национализмом? И можно ли сказать, что глобализация как таковая провалилась? Как мы ее воспринимаем? Екатерина, кстати, задала вопрос о чрезвычайно запутанной системе отношений.

Затем, вторая тема — брексит как таковой — модель будущего граждан. Мы к этому перейдем позже.

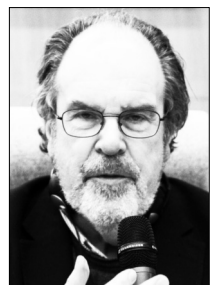
И третья — это своего рода злорадство. То есть как это воспринимается, например, в России или в других странах. Есть при этом страны, у которых злорадства нет. И, например, есть Украина, где боль от сегодняшней политической ситуации отзывается в сознании людей и так или иначе пересекается с ситуацией в Европейском союзе и брекситом. Мы должны понимать, что евроцентризм — тоже зачастую сковывающая позиция. Внешний мир несет столько же уроков для Европы, сколько и для иных регионов.

Джон, я хотела бы теперь вас попросить сказать несколько слов по интересующим нас предметам.

Джон Ллойд вряд ли нуждается в представлении. Это один из видных британских журналистов. Автор книг и журналист.

Джон Ллойд, редактор «Файнэншл Таймс»:

— Большое спасибо! Тут сложно говорить о чем-то конкретно. Вопросы ваши довольно сложные и многосоставные. И в то же время это вопросы, которые мы в Британии ежедневно обсуждаем: о брексите, о будущем Европы, о глобализации. В связи с брекситом уровень напряженности внутри Великобритании по поводу ее места в мире постоянно нарастает после референдума двухгодичной давности. И многие люди в комментариях в Интернете, на телевидении и радио описывают сегодняшний политический процесс в стране как хаос, как слом демократических институтов. Мне кажется, это совершенно неверная точка зрения. На мой

взгляд, сегодня в Великобритании, как в известной мере и в других странах, мы наблюдаем скорее демократические дебаты, столкновение идей. Дебаты, которые, может быть, запоздали, но которые на протяжении определенного времени были и остаются необходимыми.

Мне в целом представляется положительным явлением то, что так называемый правящий класс — если угодно, называйте это истеблишментом, элитой — должен получить встряску от общества, от народа. Великобритания испытала совершенно неожиданный шок. Правительство не ожидало такого исхода референдума. Но, на мой взгляд, это целительный урок. Конечно, результаты референдума спорны, как и результаты всех референдумов. Но сложно отрицать, что это, безусловно, акт народного волеизъявления.

И еще по поводу одного из ваших вопросов — будет ли новый референдум? Многие хотели бы провести второй референдум, чтобы повернуть реку вспять, чтобы британцы проголосовали за то, чтобы остаться в составе Европейского союза или сделать брексит фактически настолько же мягким, как, например, норвежская модель членства в ЕС. Может быть, это имело бы смысл. Может быть, жесткая блокировка этого со стороны британского парламента является политически оправданным шагом. Но речь, повторяю, о народном волеизъявлении. Большинство британцев проголосовали за выход из состава ЕС. И если результаты референдума почему-то воспринимаются негативно, проведение повторного референдума вряд ли сможет на это повлиять.

Дело в том, что не существует пути простого изменения политической обстановки посредством нажатия кнопки. Вопрос о втором референдуме сложный. Это все равно, что сказать людям: «Вы проголосовали неправильно, давайте теперь проголосуйте правильно». Может быть, это и есть единственный выход из почти безвыходного положения, в котором оказался парламент.

Второе замечание, которое я хочу сделать. Был вопрос: может быть, корни проблемы лежат в национализме? В известной степени это так. Потому что в Великобритании — но и Италия немедленно приходит на ум, и, может быть, Франция — избиратели воспринимают деятельность национальных парламентов и правительств как понятные, в то время как европейскую политику они не всегда понимают. И это неудивительно, поскольку это сам по себе сложный институт. По большей части люди даже не знают, кто именно от их территории является депутатом Европарламента и кто в Брюсселе всем управляет. Это организация, которая вызывает отчуждение. Она была основана на высоких идеалах теми людьми, кто хотел, чтобы страны Европа никогда больше не воевали друг против друга. Эта организация очень быстро развивалась в течение последних 10–15 лет. Она предоставила членство таким странам, которые раньше входили в Восточный блок, и таким, как Испания и Португалия, которые раньше были диктатурами. Она оцени-

вала свой путь как очень успешный, несмотря на недостатки и неудачи. В известной степени она переродилась в элитарный институт. И это частично одна из причин отчуждения.

Я бы остался в ЕС. Я считаю, что для Британии лучше остаться в ЕС. Великобритания рада, что она не входит в Шенгенскую зону и зону евро, но тем не менее есть и преимущества единого экономического рынка. При этом люди, которые проголосовали за брексит, это те, кого беспокоит миграция, а также насколько далеко простирается их личное влияние на этот процесс, слышат ли их голос. Именно в этом суть лозунга, с которым выступали сторонники брексита: «Возьмем контроль в свои руки!». Это, как мне кажется, хорошо выражает чувство разочарования и даже отторжения не только по отношению к Европейскому союзу, но и к своим элитам, которые были равнодушны к ситуации, в которой себя обнаружили простые люди. Как раз эти люди проголосовали против того, чтобы Великобритания оставалась в ЕС, в основном это рабочий и средний класс. Это люди, которые чувствовали, что преимущества ЕС обходят их стороной. Они использовали референдум, чтобы выразить свой протест. Не против собственно ЕС, а против системы, которая игнорировала их интересы. Это видно и в Италии, и во Франции.

Можно задать вопрос: а что будет, если эти популистские настроения действительно победят? Вернется ли Европа к прежнему состоянию? Возможно, произошло что-то важное, что мы называем популизмом. Но может быть, это стоит называть иначе. Позволило ли это выпустить некую силу, которая в действительности теперь изменит природу политического как в демократических странах, так и в недемократических? Мне кажется, мы не совсем это понимаем. Мы не понимаем, какая будет политика. Но в ближайшие годы политическая жизнь будет меняться, если демократия и гражданское общество будут работать.

Задача Школы как раз в продвижении демократии. Если мы продвигаем эти идеи, тогда чувства, настроения людей, которые сейчас проявились, должны быть учтены в демократической гражданской политике.

Ширли Уильямс:

— Я согласна с тем, что сказал Джон, но хотела бы добавить к сказанному. Очень важно помнить, благодаря чему появился Евросоюз. Благодаря лидерам стран периода после Второй мировой войны. Многие из них пережили ее ужасы и видели, к чему привела война, когда были уничтожены целые города, как, например, Гамбург, который бомбили британские и американские летчики. И после войны политики решили, что в Европе больше не должно быть войны.

Об этом очень важно напомнить, потому что многие люди в Европе, будь они из процветающих и богатых стран или из бедных южных

Джонатан Борофски. Без названия. 1982

стран, полагают, что должна появиться новая Западная Европа. Я использую термин «Западная Европа», потому что именно она наделяется универсальной преданностью демократии. Чего нельзя сказать о Восточной Европе. Об этом важно помнить.

Когда Жак Делор, который был выдающимся руководителем Европейского союза, встречался с одним из ведущих политиков того времени, Маргарет Тэтчер, она совершенно ясно дала понять ему, что для нее главным в общеевропейской структуре является беспопытный открытый рынок. И что она не намерена поступаться национальными интересами. Каждое национальное государство, вступившее в ЕС, должно стать более устойчивым. Для нее национальное развитие было выше, чем создание более мощного экономического союза. Сравнивая 60–70-е годы с нынешним временем, мы видим развитие политического измерения Европейского союза. Различия в национальных подходах к ЕС были с самого начала, я имею в виду различия в убеждениях.

Джон совершенно прав, но я добавлю, что еще больше, видимо, усложнит для вас понимание проблемы брексита. Если рассмотреть результаты референдума, то они показывают четкую поддержку «за» выходом голосовавших на севере Англии (это промышленные районы, где живут люди победнее). Они склонялись к тому, что Великобритания должна выйти из ЕС, в отличие от южной Англии, которая побогаче, которая процветает. Это не то чтобы разрыв между севером и югом, но явный разрыв между бедными и богатыми.

Но есть и иное, куда как более важное, на мой взгляд, измерение. Во время референдума был большой разрыв между молодежью и старшим поколением. Молодые люди, которые никогда не воевали, хотели остаться в ЕС. Различия в том, как голосовали поколения, просто огромны. И если сегодня вы проведете какое-либо голосование среди молодежи 20 лет и сопоставите его с людьми, скажем, старше 50 лет, то разрыв будет огромным. И он будет нарастать.

Другими словами, за брексит голосовали те, кто помнит Великобританию как центр империи, которая управляла в Азии и Африке, помнит себя частью империи. Имперская память очень важна для старшего поколения. Точно так же, как и в России сейчас. Именно люди старшего поколения очень хорошо представляют, с какой Россией хотят себя идентифицировать. В том числе и со страной ранних коммунистических лет. И это один из тех факторов национального сознания, который предопределил выход из ЕС.

И по поводу глобализации. Это по-прежнему во многом неясная идея, которая связана с технологиями, а не с политикой. То, с чем мы имеем дело ежедневно, — цены на продукты, на жилье — это сфера социальной политики. И это значительно отличается от глобализации как некоего концепта, далекого от повседневности. Реальностью она становится, если вы много путешествуете. Но у большинства людей другая жизнь и нет этого глобального видения.

И еще, что я хотела бы сказать в этой связи. Для вас, сидящих в этой аудитории, глобализация — это перспектива вашей жизни в течение,

скажем, ближайших 10–15 лет. А для таких, как я, это кажется странным. Сегодня говорят уже о частных путешествиях в космос, но мы пока не очень хорошо представляем мир, в котором живем, мы его не очень хорошо понимаем.

Но если мы заглянем в долгосрочную перспективу, мы скорее представим, что наша страна уникальна, что она отличается от других. Это особенно касается жителей богатых стран. Им кажется, что именно их страна самая важная. Но это не всегда так. И это особенно чувствуется сейчас, в этом Джон совершенно прав. Есть одно качество Европейского союза, которое пока не преодолено. Европейский союз не является сам по себе демократическим институтом. По своей природе это бюрократическое учреждение. Если речь, например, о людях, которые занимают должности комиссаров ЕС, мало кто из них активно участвует в политической и публичной деятельности в своих странах, они не отчитываются перед гражданами, которых они представляют. По большей части их никто не выбирал, их просто назначали правительства, чтобы они их представляли.

Я согласна с Джоном в том, что слабая сторона Европейского союза — это именно то, что демократия не работает или работает плохо, что подрывает саму идею, которая была движущей силой его создания, ведь идеалы демократии были основополагающими для Европы. Было убеждение, что демократия лучше всех иных способов устройства общества. Но на практике оказалось, что она не так уж хорошо работает.

В России у вас такая же проблема. Проблема в том, как вы будете выстраивать свою историю.

Последнее, что я хочу сказать. Если вдруг мы (британцы) решим остаться частью ЕС, вполне возможно в результате второго референдума, то основополагающим станет то, что мы вынесем из этой ситуации. И несколько слов о США. Все, что говорили о Европе, еще более уместно в отношении США. В настоящее время мы наблюдаем, что существует кризис американской демократии.

Калипсо Николаидис:

— Спасибо Ширли, спасибо Джон. Я хочу подвести итог дискуссии.

От ответа на вопрос, почему произошел брексит, всегда можно перейти к вопросу, кто проголосовал за брексит. Из выступлений Джона и Ширли мы слышали о трех категориях людей, о которых стоило бы задуматься, о тех, кто остался в стороне от европейских процессов, или о тех, кто остался в прошлом. В академических кругах мы задаем вопрос: при каких условиях эти люди выражают недовольство? Часто это зависит от вовлеченности людей в происходящее в их стране, от экономической ситуации, от коррупции.

Вторая категория — это люди, которые считают, что они остались за бортом ЕС, потому что их голос не слышен в политическом простран-

стве. Поэтому вопрос, который мы в Британии задаем: люди, которые сказали «нет» Брюсселю, проголосовали так, потому что они хотели сказать «нет» собственным элитам, или они действительно голосовали против Брюсселя? Это «нет Брюсселю» во многом имеет отношение к тому, что сказали Ширли и Джон в отношении восприятия в национальных сообществах демократического характера ЕС. В академическом смысле многие считают, что ЕС имеет демократическую структуру: там есть система сдержек и противовесов, в дискуссиях, переговорах достигается согласие, консенсус... Но в XXI веке демократия должна переизобрести себя, потому что в век Интернета каждый человек, каждая группа специфически реагируют на то, что происходит. В некоторых странах переизобретение демократии получается лучше, а в некоторых — хуже.

Третья категория — «имперские люди». Это относится и к России. Так называемое эхо империи, когда люди помнят, как было раньше в Британии, России, в других странах.

Насколько сейчас эта память влияет на нашу возможность интеграции? Наш университет например, как он интегрирует людей с юга, из бывших колоний? Мне кажется, Великобритания еще не провела до конца этот разговор, по крайней мере в меньшей степени, чем некоторые другие страны.

Были также вопросы о том, что будет с брекситом дальше. Ксения задала вопрос о норвежской модели. Но это узкоспециальные аспекты, и я не хотела бы, чтобы мы в них погружались. Потому что нет ничего сложнее, чем предсказание будущего.

Но чего следует ожидать, если все же брексит произойдет? Вы слышали, что у Джона и Ширли разное отношение по поводу повторного референдума. Джон скорее скептичен, а Ширли считает, что нам спустя два года нужно новое голосование. Я тоже надеюсь, что если состоится голосование, то проголосуют за то, чтобы все же остаться в ЕС.

Джон Ллойд:

— Вы сказали, предсказать будущее сложно. Я думаю, многое зависит от характера договоренности о брексите. Даже отсутствие договоренности предполагает договоренность. Я думаю, что скорее будет нечто более похожее на предложение премьер-министра. Будет некий компромисс между теми, кто хочет выйти, и теми, кто хочет остаться. Этим недовольны все, как часто бывает в случае компромисса. Однако появляются опасения, что брексит произойдет без каких-либо договоренностей вообще. К этому все больше склоняется бизнес, корпорации и банки, равно как и профсоюзы. Хотя тех, кто хотел бы такого результата мало и в парламенте, и в стране.

Если говорить о договоренности, например, как в норвежском варианте членства в ЕС, то здесь все будет зависеть от того, насколько

Великобритания будет успешным независимым актором в глобализированном мире. По этому поводу тоже существуют расхождения.

Одни уверены, что глобализация превратила ЕС в архаичную организацию, лишенную перспективы. Сторонники брексита полагают, что Великобритания вполне способна заключать взаимовыгодные сделки и вести взаимовыгодную деятельность с Китаем, Индией, Россией и другими государствами.

С другой стороны, в современном мире, который переживает экономическую рецессию, нет страны или объединения стран, где экономика выглядела бы здоровой. Поэтому выход из ЕС в это время, по мнению критиков, крайне осложнит Великобритании достижение каких-либо экономических успехов, о которых говорят сторонники брексита.

Однако пока их прогнозы относительно того вреда, к которому приведет выход из ЕС, кажутся маловероятными. Нет предпосылок для катастрофических последствий. Но и сбрасывать их со счетов тоже не стоит.

В конечном итоге мы оказались между крайностью иллюзий о некогда достигнутых успехах Великобритании и их катастрофическими последствиями. Сегодня мы, пожалуй, находимся посередине. В политическом и социальном смыслах для Британии наступают сложные времена. Но то же можно сказать и о европейском континенте.

Ширли Вильямс:

— Я в целом согласна с Джоном. Но добавлю короткий комментарий. Многие британцы говорят о так называемом правящем классе, об элите, о высшем сословии в политике. На мой взгляд, это заблуждение. Хочу обратить внимание на то, что произошло не только в Британии, но и в других странах: знаменитые влиятельные британские профсоюзы сегодня с гораздо большей охотой говорят о том, чтобы остаться в ЕС, нежели о том, чтобы выйти. Учитывая огромное значение, которое профсоюзы всегда имели в нашей стране, это существенно.

Если посмотреть на пример Скандинавии, Нидерландов, Германии, то мы видим законодательство, которое нацелено на защиту трудящихся с точки зрения техники безопасности, здравоохранения и т.д. В Германии и Нидерландах сегодня, пожалуй, лучшее законодательство для трудящихся за последние 100 лет. И это важно с точки зрения сегодняшнего политического момента. Несмотря на очевидный цинизм, связанный со всеми дебатами о брексите, не надо забывать, что профсоюзы больше настроены на отношения с ЕС.

Почему я об этом говорю? Потому что нам следует относиться более критически к элитам. Мы наблюдаем изменения в мироустройстве, заслуживающие более пристального внимания.

26–27 ноября 2018 г. Ассоциация школ политических исследований при Совете Европы провела в Берлине IV международный форум «В поисках утраченного универсализма», посвященный развитию гражданского общества. Ниже публикуется часть выступлений, прозвучавших на форуме.

Европейский дух – дух открытости и свободы

Позвольте сообщить новость, которая, возможно, вам уже известна.

На прошлой неделе в Страсбурге Ассоциация школ политических исследований при Совете Европы избрала нового президента. С чувством искреннего уважения я передаю эстафету господину Нилу Муйжниексу. Это замечательный правовед, который с 2012 по 2018 год был комиссаром Совета Европы по правам человека. Я не могла бы желать преемника более знающего, уважаемого и деятельного и благодарна ему за готовность возглавить Ассоциацию в историческое время, которое представляется достаточно сложным как для Совета Европы, так и для тех ценностей, которые служат фундаментом европейского дома.

Я счастлива видеть господина Муйжниекса в качестве президента, хотя и не могу не испытывать грусти, оставляя Ассоциацию. Все же в моем почтенном возрасте пора задуматься о других горизонтах. Конечно, я постараюсь быть в курсе событий, которые происходят в ваших странах, и всегда буду испытывать сердечную привязанность к Школам политических исследований.

В этом году мы обсуждаем тему: «Все мы разные, но мы граждане». Эти слова вызывают в моей памяти кампанию Совета Европы 1990–1993 годов, которая проводилась под девизом «Все разные — все равные».

*Катрин Лалюмьер,
президент Ассоциации школ
политических исследований
Совета Европы*

Все — разные?

Да, люди неповторимы и отличны друг от друга.

Права человека основаны на идее, что каждый имеет права, которые подлежат защите и заслуживают уважения со стороны общества.

Не во всех культурах, не всеми политическими партиями разделяются эти принципы гуманизма. Так, согласно коммунистической идеологии, «группа» стоит выше отдельной личности.

Европа, то есть все 47 государств — членов Совета Европы, в разное время сознательно выбрали гуманистическую философию в качестве основы своей деятельности. Речь идет о нашем основном документе — о Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1953).

Все государства — члены Совета Европы обязаны соблюдать конвенцию, так как они ратифицировали ее, вступая в Совет. Следовательно, признается, что каждый человек обладает личностными качествами, заслуживающими уважения и защиты. Все мы отличаемся друг от друга, и в этом состоит благо. Каждый человек вправе защищать свою личность, идентичность и культуру.

Совет Европы и, как следствие, Европейский союз признают и поощряют принцип «культурного разнообразия». Разумеется, мы говорим о европейской культуре и даже о европейской цивилизации. Однако таковая не должна привести к исчезновению национальных, региональных культур и местного уклада.

Культура разнообразия находится под защитой целого ряда конвенций и межгосударственных договоров Совета Европы, а также ряда статей Лисса-

бонского договора Европейского союза (2007).

К концепции «культурного разнообразия» примыкает и понятие поликультурности, или мультикультурализма.

Сказанное призвано напомнить о том, что европейские организации определяют «европейский дух» как дух открытости и свободы, терпимости и уважения к каждой человеческой личности. Не могу не упомянуть в связи с этим несколько славных имен, которые в черед других приходят мне на память, — Дени де Ружмон, Эдгар Моран, Ульрих Бек, Юрген Хабермас, Ян Паточка, Вацлав Гавел. Философия века Просвещения, XVIII века, пронизывает историю европейского континента до наших дней.

Увы, наследие гуманистических ценностей не было непрерывным. Мы видим в истории страшные пустоты и бреши — я говорю о религиозных войнах, о тоталитарных режимах XX века... В эти тяжелые периоды истории над Европой нависали идеологическая нетерпимость и деспотия.

Сегодня, к сожалению, мы вновь наблюдаем беспокоящие нас течения, которые характеризуются закрытостью и стремлением к изоляции. Мы видим это в проявлениях сектантства и нетерпимости (например, неприятие мусульман, евреев; рост враждебности по отношению к иммигрантам, которых все чаще обвиняют во всех мыслимых бедах общества). Конечно, эти обстоятельства требуют от нас бдительности, чтобы не позволить опасным тенденциям выйти из берегов. Беспокойство вызывают и попытки обратить во зло сеть Интернет и социальные сети.

Европа обязана уважать различия, множественность культур, неповторимость

каждой личности, ибо европейский дух есть дух открытости и свободы. Так не позволим погибнуть этому драгоценному наследию!

Все различны!

Но все мы — граждане!

Что есть гражданин? Человек (мужчина или женщина), который несет ответственность за других людей, человек, который осознает свои права, но и свои обязанности в городе, в государстве, в политическом сообществе, к которому он или она себя относит.

Все мы, собравшиеся здесь, граждане соответствующих государств. Многие из присутствующих также имеют дополнительное гражданство, гражданство Европейского союза, подразумевающее некое «общеевропейское гражданство». Последнее не относится к Совету Европы, который, как известно,

не имеет статуса наднациональной политической организации.

Родившееся в Древней Греции понятие гражданства совершило, на сегодняшний день, кругосветное путешествие (не без вклада, если позволите напомнить, Франции, где в дни революции 1789 года была провозглашена знаменитая «Декларация прав человека и гражданина»).

Итак, у гражданина есть права и обязанности в отношении сообщества и государства, как и в отношении сограждан. Права граждан дополняют права человека и в известном смысле относятся к одной категории прав.

Однако противоречия несут угрозу и стабильному обществу. В сложившейся ситуации мы видим пример таких противоречий. Гражданин может испытывать желание защитить свою территорию и идентичность, не позволяя иммигрантам пересекать границу; в свою очередь, гуманист, озабоченный

защитой прав человека, стремится границу открыть.

Кому отдать предпочтение?

Понятие гражданства подразумевает существование группы, коллектива, сообщества лиц, имеющих общее гражданство. Означает ли это, что воля и желания группы должны иметь первенство во всех случаях, пусть даже в ущерб интересам и правам личности?

Разумеется, каждая группа, каждое сообщество вправе защищать свои интересы, собственное выживание. В целом выглядит вполне логичным, когда люди придерживаются принципов солидарности, коллективизма, а не узких, эгоистичных интересов. Но значит ли это, что группа или большинство в группе всегда правы, что большинство всегда должно преобладать над меньшинством?

Грустно сознавать, что сегодня во многих странах — в Турции, в России, в Венгрии, в Польше, но также и в других государствах Европы, пусть в разной степени, все чаще происходят нарушения прав человека, в особенности когда правительства этих государств, часто пользуясь поддержкой большинства населения, отходят от принципов европейской конвенции, апеллируя к интересам общества. Фактически «коллективное» начинает довлеть над «индивидуальным». Интересы общества, скорее мнимые, ставятся выше, чем права человека.

«Все мы разные и все мы граждане» — вот две справедливые реальности. Однако, если мы откажемся от компромисса между ними, могут возникнуть тяжелые противоречия. Именно поиски равновесия были и остаются целью европейской государственной мысли в

истории как Совета Европы, так и Европейского союза.

Европейцы — разные, и они желают оставаться свободными личностями.

Однако все мы одновременно граждане, несущие ответственность за мир и благоденствие сообщества, к которому принадлежим. Очевидно, что человечеству необходимо искать компромисс и точки равновесия.

Сегодня в Европе мы наблюдаем регресс. После распада СССР и коммунистической системы, после вхождения восточноевропейских государств в Совет Европы мы наблюдали невиданное в истории движение за права человека, плюралистическую демократию, свободу и открытость. Иными словами, мы наблюдали движение «европейского духа». Одним из проявлений этого стало рождение Московской школы политических исследований.

С тех пор ситуация изменилась. Поднимает голову национализм и авторитаризм. Мы видим это в Центральной и Восточной, но также и в Западной Европе. Я вижу это во Франции. Я с беспокойством и тревогой ожидаю результатов выборов в европейский парламент в мае 2019 года.

Сегодняшняя наша встреча в Берлине предоставляет замечательную возможность осознать и выразить отношение к сложившейся ситуации. Не может быть и речи о том, чтобы опустить руки. Думая о будущих поколениях, мы обязаны остановить регресс, отстаивая гуманистические ценности и принципы демократии, которые, несмотря на все препятствия, остаются подлинной «солью земли».

*Перевод с французского
Марка Дадяна*

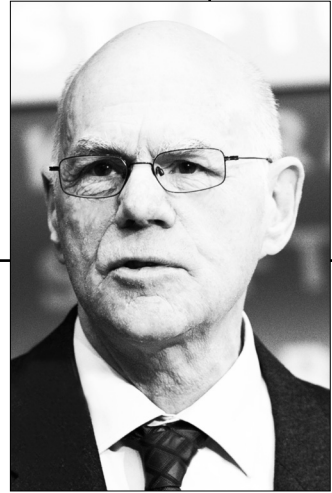
Возвращение к демократии?

Я воспринимаю тему форума как отсылку к вехам нашей недавней истории, начиная с Всеобщей декларации о правах человека, принятой в 1948 году, после окончания Второй мировой войны в ознаменование учреждения Организации Объединенных Наций. Зададимся вопросом: могла бы ООН принять такую декларацию сегодня, 70 лет спустя?

Я не очень хорошо помню, как проходило принятие Декларации, потому что в тот год только появился на свет. Однако судя по тому, что я впоследствии читал, тогда активно обсуждалось, сколько времени потребуется, чтобы претворить в жизнь универсальные ценности и принципы права, которые в ней декларировались. Сейчас, 70 лет спустя, более актуальным вопросом является — продолжаем ли мы разделять эти принципы? Или же мы переживаем период истории, когда они подвергаются эрозии и утрачивают актуальность?

Вторая точка отсчета в моих размышлениях связана с событиями 25-летней давности. Речь идет о времени после распада Советского Союза и беспрецедентной трансформации политического пространства Центральной и Восточной Европы после крушения авторитарных социалистических систем, после появления свободно избранных органов власти в центрально- и восточноевропейских странах.

Именно в этом историческом контексте американский ученый опубликовал книгу, которая сразу стала бестселлером. Я имею в виду Френсиса Фукуяму и его вышедшую в 1992 году книгу «Конец истории и последний человек». Конечно, он понимал ее заглавие не как «конец человечества как вида». Он имел в виду, что ответы на все фундаментальные вопросы о том, как должны быть организованы современные

*Норберт Ламмерт,
президент Фонда
имени Конрада Аденауэра*

общества, найдены. И надо сказать, что эта книга не стала бы бестселлером, если бы не встретила отклика по всему миру: тогда люди действительно полагали, что единственная приемлемая политическая система для современного общества, для современного просвещенного общества — это демократия. Поэтому выводы господина Фукуямы представлялись очевидными. Ответы найдены, вопросы исчерпаны: для политической организации современной общественной жизни всем нужна демократия.

Другой вопрос, который, на его взгляд, также не нуждался в дополнительных пояснениях, состоял в том, что рыночные отношения — единственно возможный вариант для современной экономики. Тогда, после решения Коммунистической партии Китая о совмещении авторитарной политической системы с рыночной экономикой, казалось, что даже развивающиеся экономики стремятся к рыночным механизмам и больше не могут быть организованы командно-административными методами.

С тех пор прошло всего 25 лет, но у меня нет сомнений, что сегодня такая книга вызвала бы скорее раздражение, а не аплодисменты. Большинство из нас задали бы вопрос: быть может, господин Фукуяма, вы не обратили внимание на тенденции последнего десятилетия, когда все вопросы, на которые, казалось бы, уже найдены ответы, вновь стоят в повестке дня в развивающихся странах? Завершенность модели, построенной на демократии и рыночной экономике как «единственно возможной системы» организации общества, вызывает дискуссию.

Модель устройства человеческого общества, именуемая демократией, существует уже тысячелетия. Но при этом следует понимать, что условия «демократии» древних греков настолько отличаются от наших сегодняшних, даже минимально понимаемых критериев демократии, что, пожалуй, общего с Древней Грецией у нас только сам термин. А современная демократия — это гораздо менее давняя история. Но это все же достаточно длинный путь, который прошла так называемая западная цивилизация. Потребовалось от 200 до 300 лет, чтобы понимание основных демократических принципов укоренилось в большинстве стран Запада. Сегодня мы живем в Европе, где страны управляются свободно избираемыми органами власти. Даже такие страны, как, например, Китай, Россия, и множество других стремятся к тому, чтобы их считали демократиями.

Чтобы проиллюстрировать это на примере, скажу, что, будучи спикером парламента Германии, я в течение более десятилетия представлял страну в Межпарламентском союзе — старейшей неправительственной организации парламентов разных стран. Вы не поверите, но в этой организации представлено почти столько же государств, как и в ООН. Хотя очевидно, что в мире относительно ограниченное число настоящих парламентов. Тем не менее ни одна страна не желает, чтобы ее обвиняли в том, что у нее нет настоящего демократически выбранного

Джеральд Мерфи. Оса и груша. 1929

парламента, что она не демократия. Привлекательность понятия «демократия» распространена гораздо более широко, чем стремление быть тем, что этот термин предполагает.

Таким образом, я подхожу к понятию «универсализм». Каковы для нас универсальные принципы права? Каковы универсальные критерии, позволяющие считать общество демократическим? Позвольте мне сослаться на очень интересное исследование, результаты которого были опубликованы летом 2018 года. Его провели два норвежских института, изучавших восприятие гражданами политических систем и форм правления в 50 странах мира. Исследование проводилось методом опроса, в котором участвовало не менее 120 тысяч людей. Оно принесло несколько поразительных результатов.

Первый результат состоит в том, что большинство опрошенных в 50 странах заявили, что их интересы не имеют почти ничего общего с интересами органов власти; они не чувствуют, чтобы политики разделяли их цели и интересы.

Но это было не единственным сюрпризом. Возможно, что эти ощущения значительно больше распространены в тех странах, где люди все

еще чувствуют приверженность принципам демократии, чем в тех странах, которые пока от этих принципов далеки. Более 60% граждан западных демократий жаловались на разрыв между их интересами и политикой, продвигаемой органами власти. Не будет преувеличением сказать, что мы столкнулись с серьезным кризисом доверия к власти в развитых демократических системах. Причем любопытно, что это недоверие нарастало ровно тогда, когда демократия должна была бы установиться как единственно приемлемая политическая система.

Расскажу о другом интересном результате этого исследования. Когда исследователи задали вопрос о том, что граждане думают о своих политических системах, самые высокие проценты одобряющих политическую систему своей страны были в Египте, Саудовской Аравии, Турции и Китае. Таким образом, мы столкнулись не только с совершенно очевидным кризисом доверия в демократических странах, но и с тем, что в других частях мира люди оценивают свои политические системы совсем не по тем критериям, которые мы исповедуем.

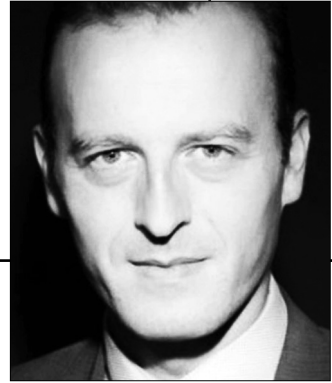
Поэтому еще раз возвращаюсь к тому, с чего начал. 70 лет назад, после травматического опыта двух мировых войн, которые прошли по европейской земле, мы полагали, что определились с единой системой принципов и ценностей для человеческого общества, хотя и понимали, что еще далеки от претворения этих принципов и ценностей в жизнь в большинстве стран. Теперь мы оказались в ситуации, когда эти принципы ставятся под сомнение.

Что это значит с политической точки зрения? Что мы поставили слишком амбициозную задачу и должны от нее отказаться, потому что она оказалась нереалистичной? Лично я отказываюсь с этим соглашаться! У меня нет иллюзий в отношении того, что в обозримом будущем мы сможем достичь таких же результатов, как 70 лет назад. И очень сомневаюсь, что сейчас мы могли бы принять такой документ, как Всеобщая декларация прав человека, учитывая, что многие крупные страны, например Китай, открыто заявляют, что у них совершенно другие ориентиры, отражающие иную культурную традицию и иной политический опыт.

Однако хотя мы не можем утверждать, что существует не подвергаемая сомнению и оспариванию система универсальных ценностей и принципов права, мы не должны от них отказываться. Наша задача состоит в том, чтобы продолжать придерживаться тех принципов, которые, как мы считаем, имеют силу. Все зависит только от нас.

Я не рассказывал вам о преимуществах демократии по сравнению с другими политическими системами. Но время от времени мы должны напоминать себе, что один из самых больших недостатков демократии заключается в том, что эта не автоматически самоподдерживающаяся система, она зависит от вовлеченности граждан. Именно мы — это те, от кого зависит будущее тех принципов, которые мы воспринимали и, я надеюсь, продолжаем воспринимать как универсальные.

Вызов для всех нас

*Тома Гомар,
директор Французского
института
международных отношений*

Наш аналитический центр занимается экспертизой для людей, принимающих решения.

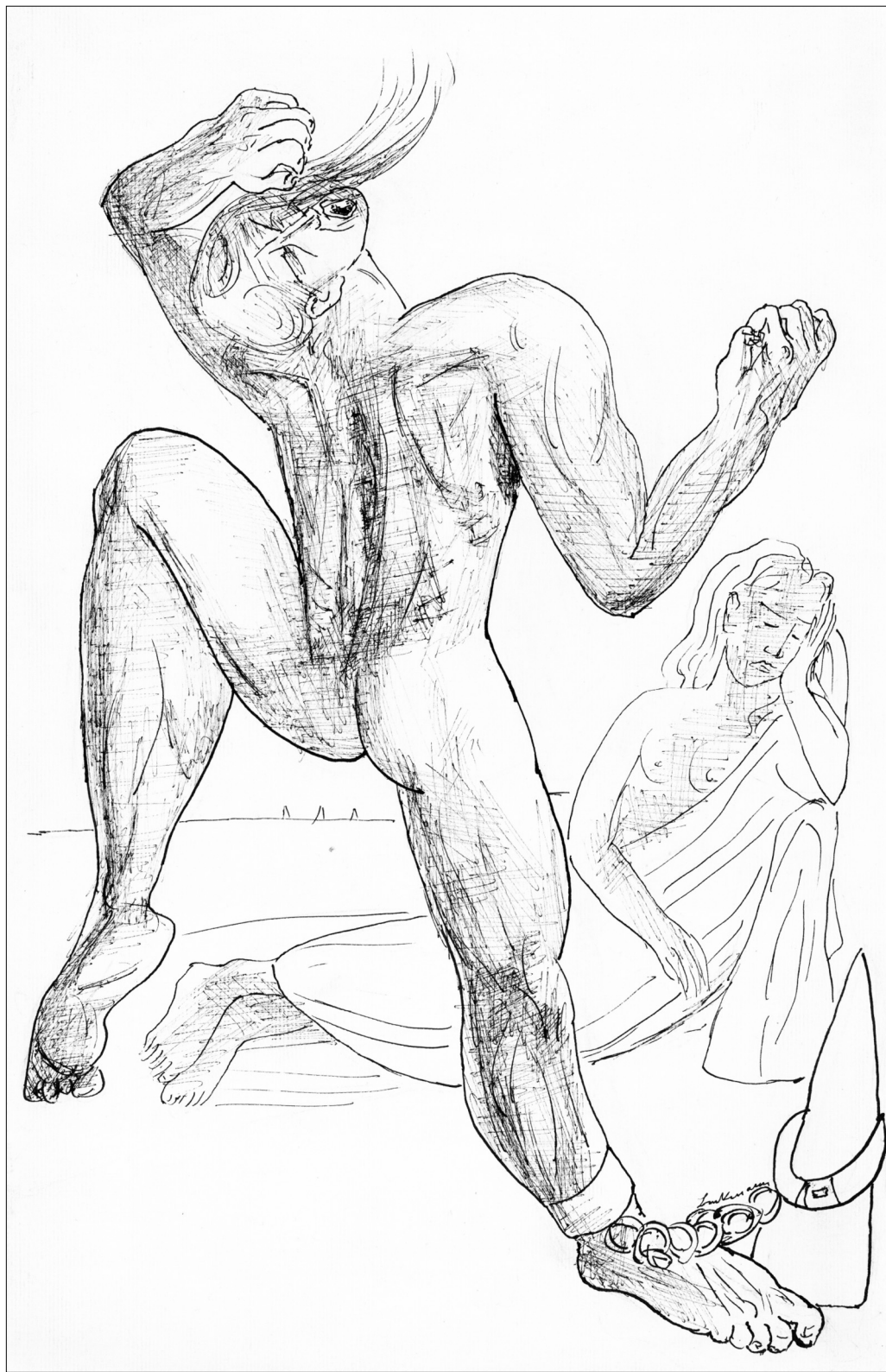
Мы предоставляем результаты наших исследований не только опытным элитам, но и начинающим политикам. Поэтому начну с парадокса, с которым столкнулись аналитические центры в последнее время. А именно — с высоким уровнем скептицизма со стороны политиков в отношении наших экспертных оценок.

Это означает одно из двух: либо мы плохо справляемся со своей работой и должны над этим задуматься, либо происходят какие-то перемены в отношениях между экспертами и политиками. Я полагаю, что дело именно в этом.

Сейчас уже сам факт нашего внимания к некоторым проблемам вызывает критику со стороны различных социальных сетей, политических ведомств, групп интересов и т.д. Это вызов для всех нас. Как защитить экспертизу, основанную не на личном мнении или предпочтении, а на фактах, данных, информации?

Вторая проблема, с которой мы сталкиваемся, — манипуляции с информацией. Этим весьма серьезно занялись многие страны, включая вмешательство в выборы. В этом мы также видим проблему для аналитических центров, потому что порой сами становимся мишенью атак и должны анализировать происходящее, корректировать нашу работу.

Несмотря на то что мы сталкиваемся с такими трудностями, я полагаю, что анализ, основанный на фактах и ценностях, сегодня особенно важен для дебатов на самых разных уровнях. На местном и национальном (так как мы продолжаем жить в мире национальных государств) и, конечно, на общеевропейском — поскольку мы понимаем, какую роль играют надгосударственные структуры Европейского союза.

Макс Бекман. Прикованный цепью. 1944

Тезисно назову особенности, важные для анализа и понимания современного мирового контекста и геополитических особенностей, которые влияют на общую ситуацию в мире.

Начну с трех основных.

Первая. Сегодня мы живем в мире, в котором в целом меньше бедности и больше неравенства. Благодаря глобализации удалось вытащить из нищеты более миллиарда человек, что замечательно. Но при этом беспрецедентно возросло неравенство. Примерно 1% жителей планеты обладает примерно 43% мировых богатств. Неравенство — проблема, которая сегодня представляется неразрешимой.

Вторая. Мы наблюдаем мир, который ограничен с точки зрения материальных ресурсов, но практически не ограничен в плане доступа к сведениям, в том числе индивидуального пользования. Говорят, что информация сейчас — как энергетические ресурсы, но мне кажется, это неудачное сравнение, поскольку запасы энергоносителей истощаются, а вот информация действительно безгранична. И это серьезный вызов для Европы, которая занимает достаточно дискомфортное место между Соединенными Штатами с их мощными интернет-платформами и растущими ИТ-технологиями Китая.

Третья — конфликт между действительно впечатляющими возможностями, которыми обладают технологии, и теми возможностями, которые они предоставляют для глобального контроля населения. В Китае это становится все более очевидным, учитывая внедрение комплексной ИТ-системы общественной безопасности, построенной на тотальной сети слежения и распознавания лиц, где связь между технологиями

и стремлением к мониторингу, надзору, сбору персональных данных приобретает все большее значение. Мы видим эту тенденцию всюду в мире.

Следующие тезисы относятся к геополитическим факторам.

Четвертая реальность касается треугольника США — Китай — Россия. Эти три страны, три державы, входящие в Совет Безопасности ООН, в разной мере ослабляют всемирную систему многосторонних отношений. Конечно, случай Соединенных Штатов особенный. США являются союзником европейских государств по НАТО, там есть давняя традиция разделения властей и активное гражданское общество, но мы видим, как администрация президента Трампа противодействует сегодня достижению международных соглашений, например по климату, иранской ядерной программе и т.д. Поэтому ее уже нельзя воспринимать как воплощение либеральных свобод, но всего лишь как государство, стремящееся стать первой из сверхдержав.

На примере Китая мы видим политику достижения паназиатской гегемонии. Что касается России, то здесь тоже достаточно негативных примеров: присоединение Крыма, дестабилизация в Донбассе, использование права вето против резолюций, нацеленных на разрешение сирийского кризиса.

Пятая зона напряжения — ситуация на Ближнем Востоке. Здесь я бы хотел вернуться на 40 лет назад, в 1979 год, ставший очень важной вехой для данного региона. Именно в 1979 году образовалась Исламская Республика Иран, и, по сути, началось соперничество между Саудовской Аравией и Ираном за гегемонию в мусульманском мире. Тогда же все увидели коллективную

неспособность мира разрешить палестинский кризис; тот же 1979 год породил радикальный джихадизм; тогда же началось вторжение советских войск в Афганистан. Нынешняя проблема состоит в том, что через несколько лет после «арабской весны» во всех арабских государствах, пожалуй за исключением Туниса, мы видим неутраченное противостояние. И сирийский конфликт все еще далек от разрешения.

Шестая реальность связана с неопределенностью ситуации в самой Европе. До недавнего времени Европа воспринималась как островок стабильности. Сегодня стабильность становится все более хрупкой, а будущее неопределенным. Достаточно упомянуть брексит и рост популизма.

Кстати, скажу несколько слов о корнях нынешнего популизма. Я полагаю, что проблема во многих европейских странах состоит в отсутствии реакции на референдумы 2005 года и на события 2007–2008 годов, когда последовательно были отвергнуты сначала Европейская конституция, а потом первоначальная версия Лиссабонского договора. На мой взгляд, европейские политические круги попросту не обратили должного внимания на события 12-летней давности с точки зрения учета общественного мнения.

Седьмая — вызов терроризма, в том числе европейского, «доморощенного» терроризма, когда мы говорим об организациях и людях, которые выросли и получили образование в европейских странах.

И наконец, *восьмая проблема* — это массовая иммиграция, которая, к сожалению, воспринимается не как инклюзивная, а как эксклюзивная сфера. И миграционная политика все больше деле-

гируется третьим странам — Турции или Ливану. Для Европы огромной проблемой остается создание рабочей формулы взаимоотношений с африканскими и ближневосточными странами.

Что можно предпринять?

Во-первых, следует поощрять политические дискуссии на всех уровнях — местном, региональном и национальном — на основе фактов, а не спекуляций. В мире достаточно много интеллектуальных центров, которые этим занимаются. Но одно дело, когда подобные вопросы обсуждаются в рамках экспертного сообщества, и совсем другое — распространение политического диалога на все уровни общества.

В связи с этим возникает вопрос: что ожидает либеральный миропорядок в ближайшие годы? Какую систему мы увидим? Сегодня в Европе мы должны постоянно думать об этом, помогая политикам и правительствам понимать последствия структурных изменений, а также расшатывания существующей политической системы. Роль интеллектуальных центров состоит в том, чтобы не повторять ошибки прошлого.

Нам не следует быть пессимистами, надо сосредотачиваться на положительных изменениях, на той трансформации, которая может помочь в преодолении названных проблем. Не случайно девизом нашего форума является замечательная фраза: все мы разные, но все мы граждане. Мы действительно не можем отказаться ни от одного, ни от другого. Мы не можем отказаться от различий между нами, мы принимаем это как единственное условие нашего существования, и одновременно не можем и не вправе отказаться от гражданства и гражданственности.

Очень важно искать общий язык

Остановлюсь на проблемах российского гражданского общества, о качествах, которые его характеризуют, его масштабах.

Сегодня уже звучали слова о защите прав, солидарности, гражданской активности. Если оценивать ее в этом плане, то по крайней мере половина населения России участвует в различных сетях коллективных действий. Например, Роберт Патнэм в изданной Школой книге «Чтобы демократия сработала» включает в гражданское общество и дворовые футбольные команды, и хорошие кружки, и другие объединения по интересам. Если использовать этот подход, то в России гражданское общество — это около половины населения...

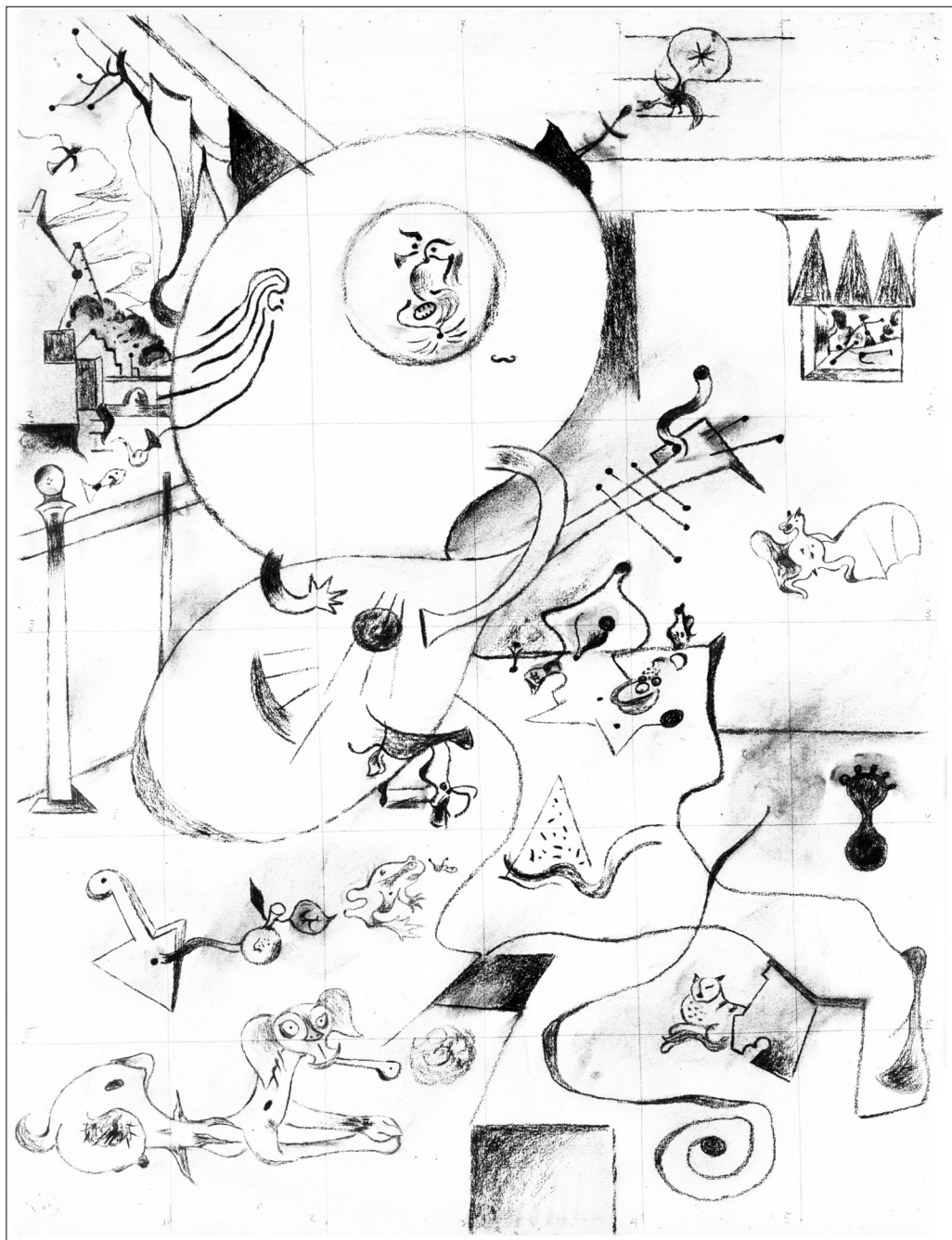
При другом критериальном подходе — например, помощь другим, жертвование денег и вещей — количество россиян, вовлеченных в гражданскую активность, исчисляется третью взрослого населения страны.

Наконец, когда речь идет о защите прав в различных сферах, о постоянной работе в этом направлении, то можно насчитать не больше 10% граждан, кто хоть как-то вовлечен в такую деятельность.

При этом защиту прав большинство наших граждан понимают как устранение нарушений социальных прав, когда государство недодает чего-то, что должно обеспечить. Политические права на последнем месте. Однако на вопрос, чувствуют ли они себя защищенными от произвола властей, считают ли, что власть подотчетна обществу, 80% респондентов отвечают отрицательно. Получается, что на языке политических прав многие граждане свои проблемы не формулируют. Хотя в то же время в фокус-группах многие респонденты считают, что их конституционные права часто нарушаются.

*Денис Волков,
социолог, руководитель
отдела прикладных
социологических исследований
Левада-Центра*

Жоан Миро. Эскиз для голландского интерьера II. 1928

Регулярно на протяжении 10 лет мы измеряем разные аспекты гражданской активности, но лучше изучили качественные изменения в этой сфере, потому что количественных сдвигов не так много. Качественные показатели очень важны: используя современные способы коммуникации, мобилизации ресурсов, приобретая опыт,

неравнодушные люди достигают потрясающих результатов. Например, это касается организации работы хосписов, палиативной помощи больным.

Несколько лет назад на радиостанции «Свобода» я обсуждал с Валентиной Мельниковой, председателем Союза комитетов солдатских матерей России, острые проблемы российской армии, призыва. Недавно, когда я ее спросил, можно ли сравнить сегодняшнюю ситуацию с тем, что было 15–20 лет назад, она ответила: «Ну, это небо и земля!» Важно, на каком временном отрезке отслеживаются происходящие изменения. В длительной перспективе многое можно изменить упорной работой.

Недавно обозначилась очень интересная реальность, которую мы обсуждали в кулуарах, — «новая искренность чиновников». В СМИ стало попадать все больше хамских высказываний чиновников, депутатов на тему «Мы вам ничего не должны». Кое-кто за это поплатился местом. Граждане всегда чиновников не считали благодетелями. Но в какой-то момент их наглость начинает по-настоящему раздражать. Я сравнил бы эту ситуацию с событиями 2011 года, когда людей вдруг стали раздражать фальсификации на выборах. До этого были, например, на выборах в 2009 году в Мосгордуму фальсификации, но это мало кого волновало. А потом вдруг люди начинают считать неприемлемым поведение чиновничества, властей.

Почему это происходит? Потому что объединяющий общество крымский эффект прошел, и мы словно вернулись на пять лет назад. Ведь за это время проблемы взаимоотношения общества и власти решены не были, просто мы о них забыли на какое-то время.

И здесь Россия вписывается в общий тренд нарастания популизма. Во многом это следствие глобализации мировой экономики, синхронизации экономических процессов в разных странах. Экономический кризис в большей или меньшей степени коснулся всех. Уровень жизни падает, и люди начинают все чаще обвинять власти в неспособности вести дела.

При этом протесты приобретают новые оттенки. В гражданском обществе накоплен определенный опыт работы. Появились сети взаимной поддержки среди единомышленников в крупных городах. Это тот опыт, который социологи и журналисты, может быть, раньше не замечали и пропустили, например, изменения в молодежной среде. А в 2017 году после весенних протестов Алексея Навального начали смотреть и увидели, что Интернет обогнал телевидение. Кризис обнажает те изменения, которые происходят подспудно.

Что из этого следует? На мой взгляд, важно проявлять эмпатию, солидарность. Когда накапливается социальное напряжение, люди от этого устают. Поэтому важны не только совместные действия, не только обмен опытом, но и эмоциями. И при этом нужно искать союзников и находить общий язык. Только общаясь, можно услышать и понять друг друга.

*Михаил Минаев,
доктор философских наук,
руководитель украинской
исследовательской
программы Института
Кеннана,
вице-президент
академического совета
Центра восточноевропейских
и международных
исследований в Берлине*

Политические системы в Восточной Европе и противоречия публичного и социального

О становлюсь на изменении качества публичной политики в восточной части европейского континента. И уже в этом контексте перейду к обсуждению дел на Украине.

Восточная часть континента еще не так давно была «посткоммунистической Европой». А сегодня этот регион мутировал в особый геополитический комплекс от Милана и Вены до Анкары и Москвы, в регион, переживающий общую тенденцию «иллиберального поворота».

Речь идет о странах, где проявляется национал-консервативный суверенизм и где общества все меньше ценят универсальные либеральные ценности и принципы права. В этой связи «национал-консервативный» означает, что правящие элиты в соответствующих политических системах действуют от имени некоего национального большинства и от его имени подавляют индивидуальные права и отрицают универсальные ценности.

Названный регион включает четыре типа политических систем.

1. Самые несвободные — это страны, составляющие восточноевропейский «авторитарный пояс», растянувшиеся от репрессивно-авторитарной Турции через Азербайджан и Россию до несвободной Беларуси. В 2019 году мы будем отмечать 25-летие установления режима персональной власти в Беларуси. В оптимистические 1990-е считалось почему-то, что Беларусь — это последняя диктатура Европы. Но оказалось, что эта страна является локомотивом истории, пролагающим путь для авторитарного поворота соседних стран.

2. Второй тип политических систем и режимов — иллиберальных демократий — пролегает от Риги до

Софии через Варшаву, Будапешт, Вену, Рим и Белград. Лидерами отказа от свободы в этом «поясе» в настоящий момент являются Венгрия и Польша со своей иррациональной эксклюзивной политикой, с нарушениями прав и подрывом конституционной системы, с распространением национал-консервативной идеологии и евроскептицизма.

Здесь находится страна, которая не попадает ни в одну категорию. Речь идет об Эстонии, которая демонстрирует рост индекса свободы на фоне всех соседних стран.

3. К третьему типу политсистем относятся так называемые дефектные демократии или дефектные автократии (спор о том, как их вернее назвать, продолжается). Речь идет об Армении (с недавних пор), Грузии, Молдове и Украине — обществах, которые в постсоветскую эпоху несколько раз пытались строить демократические республики. Но их попытки подрывались неформальными клановыми структурами, неопатримониальными группами, которые приходили к власти, основанной на системной коррупции и национал-консервативном правлении.

4. И наконец, четвертый тип политических систем — постсоветские непризнанные государства, возникшие на периферии националеобразующих процессов в 1990-е годы и становящиеся все более магистральными в период подрыва стабильности европейских государств. Это изолированные политические образования, управляемые «атаманскими» режимами, военно-феодальным типом власти (warlordism) и

демонстрирующие стойкую тенденцию к росту и распространению. Если в 1994 году таких образований было четыре (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия и Приднестровье) и в них жило примерно миллион человек, то сегодня их шесть (плюс две донец-

Необходимо строительство свободных равноправных справедливых обществ, где будет установлен новый баланс публичных и социальных интересов.

Необходима новая левая идея, могущая указать на реалистичность такого баланса

кие «республики»), и в них живет более четырех миллионов человек. Этот тип гособразований связан с несвободными политикой и экономикой. Однако он жизнеспособен и «заражает» примером худшей политики другие общества в Европе.

Если рассматривать Украину в этом контексте, то она одна из немногих, пытавшихся противостоять всеобщей политической энтропии в Восточной Европе. В 2013–2014 годах мы пытались вернуть себя, а возможно и весь регион, на путь либеральной демократии.

В моих руках книга, посвященная описанию и анализу Евромайдана. Книга «Переломные годы. Страницы украинской революции» вышла совсем недавно. Один из ее авторов — Егор Чижов — присутствует на нашем форуме. Также среди нас Полина Лаврова, издатель этой книги.

«Переломные годы» — интересная и честная книга. Ее было тяжело писать, но еще тяжелее читать. Украина, после

попытки евромайдановской либерализации, прошла сложную пятилетнюю трансформацию. Европейская универсалистская программа Евромайдана, под влиянием войны, потери части Донбасса и «присоединения» Крыма, переживает не лучшие свои времена.

На Украине сейчас борются две политические программы: «европейская идея» и «программа войны». Если первая касается верховенства права, то вторая нацелена на мобилизационное общество, национал-консервативный суверенизм и подконтрольные СМИ и экономику. Война порождает несвободу и прекращение национального диалога именно тогда, когда он крайне нужен для успеха реформ и евроинтеграции.

За этой борьбой украинских «европейцев» и национал-консерваторов, собственно, уже забыты обещания Евромайдана. И эта книга крайне важна, поскольку возвращает читателя в трагедию, развернувшуюся на улицах Киева, Донецка и Одессы в 2014 году.

Я рад тому, что четверем авторам «Переломных годов» удалось найти спокойный, нейтральный язык для описания революционной попытки майдана и первых месяцев войны и реформ.

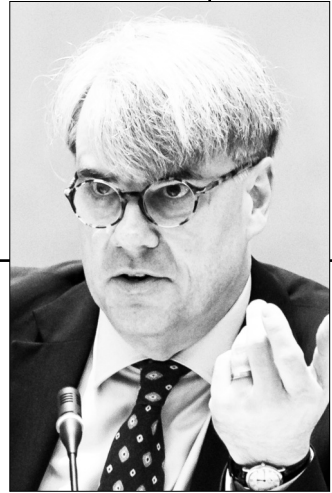
И повторю, это книга, которую мне лично тяжело читать, поскольку как читатель я невольно сравниваю те цели, которые преследовал Евромайдан, и то, к чему мы пришли пять лет спустя.

Закончу выступление, вернувшись к региональному контексту. Тома Гомар упоминал, что европейские либералы не обратили внимания на разрыв между национальными социальными потребностями и растущими возможностями наднационального центра в ЕС. В зазоре между этими двумя процессами как раз и возникают суверенистские напряжения.

Я назвал бы это парадоксом противостояния публичного и социального. Социальное начинает подрывать публичное. В конфликте публичного (движений за гражданские свободы, равенство и права) и социального (движений за культурные различия, естественность неравенства в разных его проявлениях) проявляется дефектность либеральных демократий в Центральной и Южной Европе. События в нынешних Италии и Австрии показывают, что и старые демократии не имеют иммунитета от конфликта социального с публичным.

Я согласен с Тома, что в критическом анализе надо указывать на позитивные возможности. И считаю, что конфликт социального и публичного открывает и позитивные возможности: речь идет о том, чтобы нынешние поколения европейцев продолжили строительство свободных равноправных справедливых обществ, где будет установлен новый баланс публичных и социальных интересов. Необходима новая левая идея, могущая указать на реалистичность и такого баланса.

Демократия, верховенство права, права человека

*Фредрик Лойдквист,
посол, Швеция*

Возвращаясь к названию нашей дискуссионной панели «Политика и гражданственность», я подойду к этой теме с точки зрения норм и нормативного порядка и вернусь к вопросу о сближении внутренней и внешней политики, то есть к двум датам — к 1975 году, когда были приняты 10 принципов Заключительного акта в Хельсинки, и к 1990 году, когда в ноябре была принята Парижская хартия для новой Европы на Совещании глав государств и правительств государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Предпосылкой для подписания хартии стал, как известно, приход к власти Михаила Горбачева, и на Совещании была достигнута договоренность о масштабном сокращении вооруженных сил ОВД и НАТО. Подписание Парижской хартии свидетельствовало об окончании враждебного противостояния в Европе.

Я полагаю, это был революционный документ в европейской истории и в истории международных отношений. Именно здесь корни идеи существования прямой связи безопасности в отношениях между государствами, с одной стороны, и тем, что происходит внутри государств, с другой, то есть о признании прав человека и верховенства права в деятельности государств. Эта идея была провозглашена на совещании в Хельсинки и четко прописана в Парижской хартии 1990 года. А отказ от нее приводит к тому, что мы видим теперь, наблюдая за российско-украинскими отношениями, начиная с 2014 года.

На мой взгляд, Совет Европы недостаточно уделял внимания основополагающим принципам хельсинкского Заключительного акта и Парижской хартии о политических обязательствах всех наших стран. Ведь это не только западная идея или некие особые

Энди Уорхол. Шелкография для портрета Сидни Дженниса. 1967

принципы, которые кем-то навязываются. Да нет, мы все под ними подписались, признавая их универсальными, общечеловеческими ценностями, которые базируются на основополагающих документах ООН.

Но как мы их соблюдаем? Мы должны их соблюдать, призывая друг друга к подотчетности и ответственности. Государство имеет не только право, но на него возложены и обязательства. Об этом говорится, в частности, и в Московской декларации 1992 года, потому что если в одной стране начинаются проблемы с правами человека и верховенством права, то рано или поздно это отразится и на межгосударственных отношениях.

Порой мы слышим о якобы незаконном вмешательстве в дела какой-либо страны. Я понимаю, что есть много причин, и историки об этом будут спорить, почему распался Советский Союз и коммунистический блок потерпел крушение. Но сама идея о том, что есть единые нормы, стандарты и принципы, на которые могут сослаться граждане любой страны, не исчезла. Как очевидно и то, что Заключительный акт совещания в Хельсинки был опубликован всеми государствами. Это не был какой-то культурный империализм, навязываемый из-за границы. Я считаю, что не только государства могут призывать к ответственным действиям друг друга, но и граждане, гражданское общество может требовать этого как от своего, так и от других государств.

Речь идет, повторяю, об ответственности в отношении принципов, которые приняты в результате консенсуса. Они иногда нарушаются, их ставят под вопрос, но мы должны стремиться их соблюдать, а не пытаться изобретать новую систему безопасности или новый миропорядок...

Мы можем говорить о разных причинах и мотивах того, почему так происходит. Я вижу по меньшей мере три мотива. Первый — выживание режима именно по тем причинам, о которых говорил Минаков в своем выступлении, по причинам Евромайдана. То есть первый мотив — внутренняя политика.

Второй мотив — возобновление политики силы и готовности применять военную силу. Это сфера влияния и неравного суверенитета. Сфера влияния означает, что одна страна будет решать судьбы других стран (более слабых). Я сам из небольшой страны, поэтому обеспокоен тем, что это может быть распространено и на мою страну.

И еще одно обстоятельство, которое меня беспокоит, — смута внутри западного мира в целом и в ЕС, Европе, в связи с чем встает вопрос: насколько мы верим в наши ценности и готовы соблюдать существующие нормы? Я полагаю, что каждый из нас как личность и гражданин несет ответственность за сохранение этих норм. Иначе какая альтернатива? Принять военное насилие как легитимное средство разрешения конфликтных ситуаций? Это будет означать, что некоторые государства будут более суверенными, чем другие, что принципы прав человека, демократии и верховенства права будут отвергнуты.

Часто эту проблему представляют в виде попытки достижения безопасности. С одной стороны, свобода, а с другой — безопасность, когда начинают обсуждать гибридные войны и безопасность, роль социальных сетей. В результате, на мой взгляд, вообще забывается, зачем нам свобода.

Чтобы сохранять существующий порядок как регулирующую идею. Так я возвращаюсь к кантовскому призыву *Sapere aude!* — Дерзай знать!

Дискуссия

Ивана Драгичевич, продюсер отдела международных новостей на канале *N1 TV* (Хорватия); специальный корреспондент телекомпании *CNN* на Балканах:

— Нормы и правила признанной и легитимной целесообразности нарушаются не только из-за роста популизма или стремления вернуться в странах ЕС к суверенитету, или с точки зрения нарушения гражданских прав и свобод, например, в России или в Китае, произвола радикалов во Франции и других странах, но и имеют, на мой взгляд, прямое отношение к стремлению людей к какому-то переформатированию свода норм и правил. Дисфункциональность Организации Объединенных Наций очевидна. Как очевидно и то, что в результате технологических инноваций и цифровизации будет расти социальное неравенство, число безработных и т.д. Тома говорил о новых проблемах, стоящих перед обществом. Приверженность принципам демократической гражданственности замечательна, но я убеждена, что нам действительно нужны новые нормы, потому что размыты основы послевоенного миропорядка.

Наталья Шейко, партнер юридического бюро «Кесарев и партнеры», Санкт-Петербург:

— У меня вопрос к господину послу. Разве это первое нарушение и трансформация границ со времен Второй мировой войны? А как же Косово? Может быть, я как-то не так это понимаю, но мне интересно, что вы скажете по этому поводу.

Эльмира Ногойбаева, исследователь общественно-политических и социальных процессов, Киргизстан:

— Я хотела бы спросить у спикеров. Когда вы говорите «мы», кого вы имеете в виду? Дело в том, что обычно дискуссия в основном идет о «них» — популистах, националистах, консерваторах. Но кто такие мы — демократы, либералы? Кто мы с точки зрения отношения к универсальным ценностям? Ведь если говорить о Европе, она сегодня далеко не едина и однозначна. Мне кажется, что «мы» даже в рамках нашей аудитории — довольно абстрактное определение. Например, когда вы говорите, что нужно поощрять дискуссии между разными аналитическими центрами, надо понимать, что и они могут держаться разных ценностей. Тогда кто мы?

Варузах Арутюнян, начальник отдела по связям с общественностью, Министерство территориального управления и развития Администрации Республики Армения:

— Я думаю, вопросы демократизации необходимо рассматривать с позиции решающей роли общества, когда социальная мобилизация и потребности гражданского общества опережают развитие институциональной сферы страны.

Александр Добровольский, директор Восточноевропейской школы политических исследований, г. Минск;

— Меня заинтересовал анализ Михаила Минакова. И я хотел бы задать ему вопрос по поводу таких режимов, как «атаманщина». Не кажется ли вам такое определение недостаточным, потому что у всех подобных режимов есть общие корни, все они являются осколками бывших империй и оказывают влияние на политику тех стран, с которыми имеют территориальные конфликты?

Фредрик Лойдквист:

— Я отвечу на два вопроса, которые были адресованы мне.

Первый вопрос о новых нормах или своде правил. Я думаю все же, что речь скорее о новых институтах, а не о новых нормах. Система ООН при всем ее несовершенстве предполагает совершенно разумные нормы. Когда мы говорим о нормах современного миропорядка, мы подразумеваем разные его источники. С точки зрения Кремля порядок в сегодняшнем мире должен следовать из Потсдамских и Ялтинских соглашений, и Россия может использовать право вето. А когда западные представители апеллируют к уставу ООН, то в первую очередь подразумевают Всеобщую декларацию прав человека. Поэтому я не уверен, что следует говорить о новом своде норм, речь должна идти скорее о новых, более совершенных инструментах соблюдения этих норм.

Что касается вопроса о Косово, то он часто поднимается. Мне несколько сложно проводить параллель между областью Косово и Крымом, потому что Косово не было аннексировано. Ни одна иностранная держава не ввела в Косово свои войска. Да, границы были изменены, но это не было аннексирование. Однако этот процесс был следствием серьезных нарушений прав человек и даже геноцида со стороны прежнего сербского правительства. Мне представляется, что Косово не самая удачная аналогия.

Тома Гомар:

— Вопрос о нормах, который вы поставили. Мне кажется, гораздо проще разрушать, чем созидать. Это банальность, которая тем не менее заслуживает того, чтобы ее повторили. Всеобщая декларация прав человека и основополагающие документы 1946–1948 годов не потеряли и не

могут потерять присущую им ценность и поэтому не нуждаются в изменении, редактировании или пересмотре. Это мой первый тезис.

Часто полемизируют о проблемах, связанных с Советом безопасности ООН, в частности о балансе сил в этом органе, но как только речь заходит о включении, например, в Совбез Индии, то Китай выступает против. То же касается Японии и некоторых других стран. То есть международная безопасность очень часто сводится к вопросу о равновесии сил. Поэтому, собственно, я считаю, что мы должны основываться на уже существующих, к счастью или к несчастью, основах.

Второе — Косово, я абсолютно согласен с господином послом. Мне кажется, пример Косово абсолютно неуместен, Косово не было аннексировано иностранной державой.

Что касается милитаризации и того, как ее избежать. Здесь, пожалуй, имеет место парадокс. Президент Макрон на Парижском форуме в ноябре 2018 года говорил о необходимости развития европейского гражданского общества в контексте празднеств по случаю 100-летия со дня окончания Первой мировой войны. На этот форум мира собрались главы европейских государств. Президент Трамп решил в общих мероприятиях форума не участвовать. При этом это главы стран, которые создавали международный миропорядок на протяжении последних 50 лет, участвуют в подобных форумах.

Денис Волков:

— Я могу объяснить, что говоря «мы», я имел в виду тех, кто присутствует здесь. С другой стороны, важно понимать, с кем и по каким вопросам объединяться, а это можно выяснить только в процессе общения. Я помню, как в разговоре с Виктором Леонидовичем Шейнисом спросил его: «Вот демократы победили в 1991 году, почему же тогда?...» Он ответил: «Никогда демократы не побеждали. Всегда была коалиция». Думая о том, с кем мы в России можем вступить в коалицию, надо самим искать ответ, а не ждать его от экспертов.

Михаил Минаков:

— Не уверен, что стоит пересматривать нормы международного права. Я обратил внимание на применение этого права. Да, Совет Европы и ООН находятся в кризисе. Обе организации не способны сегодня выполнять свои основополагающие цели и задачи.

Для решения проблем мироустройства необходимо реформировать ООН. Но для этого нужно не увеличивать количество стран с правом вето, а отказаться от него вообще. Выполнить это будет сложно. Мы уже видели попытки Кофи Аннана провести реформу, когда США заблокировали изменения и предложения реформаторов. Но этот опыт не означает, что нужно отказаться от ООН. Потенциал организации велик, и на его основе необходимо создавать ООН-2.

Что касается Совета Европы, то и здесь есть надежда.

Наша Школа — это тоже часть инициатив, которые реализует Совет Европы. Там, где Совет Европы не может прямо действовать через свои структуры, там он должен работать через сеть школ. Школы — это агенты, посредники изменения, выбора в пользу единой Европы. И это, кстати, авторитарные режимы понимают очень хорошо.

Да, Совет Европы не справился с первым проектом Большой Европы. Это означает, что нужно делать новый проект Единой Европы. И дискуссия о том, каким этот проект должен быть, как мне кажется, — одна из задач Школ.

Что касается примера Косово, то это — первый случай изменения границ Европы. Он нарушил немало послевоенных правил и принципов, но проходил правовым образом, с поиском консенсуса между сторонами конфликта. Сравнить ситуации Косово и Крыма — недобросовестно.

Что касается непризнанных государств, то сводить их устройство к «военно-феодалному» неверно. За непризнанными государствами лежат сложные региональные политические процессы. Они связывают собственно непризнанные государства, государства-спонсоры и материнские государства. Непризнанные государства, повторю, — это Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, две донецкие «республики» и Приднестровье. Государства-спонсоры — это Армения и Россия. Материнские государства — это Азербайджан, Украина, Грузия и Молдова.

Сецессия, отделение сообществ и территорий от материнского государства, усиливает антидемократические силы как на территории непризнанных государств, так и в родительских обществах. В последнем случае националисты и консерваторы получают право сказать: «Смотрите, мы всегда говорили, что меньшинства подозрительны. Мы всегда говорили, что нельзя давать волю этим меньшинствам. Мы должны усилить права большинства и контролировать меньшинства». Это, в свою очередь, усиливает сецессионистов, утверждающих, что «политика большинства» не давала им возможности для свободного развития в пределах родительской политики. Это диалектика самовоспроизводства конфликта между сецессионистским сообществом и большинством. Государства-спонсоры часто целенаправленно подрывают потенциал родительских государств, используя сецессию для управления или структурного ограничения их возможностей (например, Украины или Грузии).

Из шести стран «Восточного партнерства», пять имеют проблемы с территориями, а значит, и своим суверенитетом. И лишь одна страна — Белоруссия — показывает себя социально-экономически, политически и с точки зрения суверенитета стабильным государством.

Так или иначе, мне кажется, перед нами — очень опасная ситуация в Восточной Европе. Это не алармизм, но рациональный анализ происхо-

Давид Альфаро Сикейрос. Рыдание. 1939

дящего. Ситуация опасна тем, что наши народы инвестируют в войну и не инвестируют усилий в ее предупреждение. За последние пять лет растут инвестиции в военные структуры Восточной Европы. Фактически именно в нашей части мира готовится большая война. И мы не пытаемся подготовить политико-правовые структуры, которые могли бы уменьшать напряжение и разрешать конфликты.

Это — прямой путь к большой войне в Европе. И тогда война не ограничится Восточной Европой. Общий интерес наших народов состоит в том, чтобы найти противовес милитаризации, и найти его как можно скорее.

Кадри Лийк, *старший научный сотрудник Европейского совета по международным делам; модератор панели:*

— Я не могу удержаться, чтобы не ответить на вопрос «кто мы?» Пару лет назад я выступала в Школе, и меня спрашивали о том же самом. И я поняла, что действительно обобщение «мы» бывает очень разным. Иногда это европейцы, иногда Европейский союз в целом, иногда эстонцы, иногда, пожалуй, москвичи (я бывшая москвичка, жила в городе шесть лет), иногда космополиты, иногда провинциалы. И, по-моему, это не всегда плохо. Наверное, такое гибкое самоощущение не помогает структурировать политический ландшафт, но, с другой стороны, это помогает понять других людей и вести дискуссию. В Советском Союзе демократизация обрела очертания, когда часть номенклатуры и диссиденты начали разговаривать. Я этот вопрос понимаю, но, с другой стороны, я бы советовала не особенно волноваться, а пользоваться всеми своими идентичностями, потому что в итоге это полезно. И Школа, по-моему, очень хорошее для этого место.

Идрис Юсупов, *корреспондент социально-политического еженедельника «Новое дело», Дагестан:*

— Мой вопрос возник после выступления господина посла, но он связан и с выступлениями Михаила Минакова и Дениса Волкова. Не кажется ли вам, что многие проблемы, о которых вы говорили, связаны с соотношением политического и гражданского. Политическое отдано на откуп элитам, политически активным группам, в то время как гражданское общество занимается социальной инженерией, не вмешиваясь в политику напрямую. Не будет ли решением многих проблем активное участие гражданского общества, например, в политическом просвещении? Потому что и популизм, и конфликты, и приход к власти радикалов связаны с тем, что широкое общество недостаточно информировано, недостаточно образовано в элементарных политических вопросах. Но многие люди, активные в своих гражданских действиях, сторонятся политической деятельности. И достигнув какого-то начального уровня реформ, люди в дальнейшем отдают все на откуп полити-

кам, которые и создают проблемы. Это касается и России. По тем данным, которые приводил Денис, 80% чувствуют проблемы, но только 10% занимаются проблемой прав в обществе.

Сергей Кошман, *исполнительный директор некоммерческой организации «Мы — европейцы», Украина;*

— Я бы хотел спросить о разрыве и фрагментации коммуникативных практик, которые были до эпохи Facebook. И о том, как мы увидели трансформацию от большой утопии до современного состояния, когда большие корпорации нанимают черных лоббистов и т.д. Об этом аспекте, мне кажется, не говорили. Я бы хотел услышать, как вы видите важность общего коммуникативного пространства. Насколько наши нормы нарушаются, насколько мы превратились в «рассерженных граждан», когда желание поругаться в Facebook превалирует над смыслом?

Елена Галкина, *политолог, Москва:*

— Сегодняшняя дискуссия складывается таким образом, что мы обсуждаем вопросы, требующие оперативного решения. Не кажется ли вам, что мы уделяем недостаточно внимания просвещению детей и молодежи? Интересно, насколько большое внимание уделяется этому вопросу в наших странах, какие инструменты используются, учитывая развитие технологий и сегодняшние тренды. Мне кажется это важным.

Светлана Петракова, *наблюдатель и член Российского отделения международного общества по правам человека ЮНЕСКО:*

Прежде всего позвольте воспользоваться возможностью, чтобы поблагодарить всех участников этой дискуссии за очень интересные выступления. Мой вопрос адресован Тома Гомару. Несколько лет назад мне довелось быть свидетелем нескольких демонстраций: в Париже демонстрации проходили в рамках Форума мира. Не так давно в Нормандии я наблюдала демонстрации «желтых жилетов». Скажите, пожалуйста, почему французы так любят бастовать? Что сделало правительство Франции, чтобы стабилизировать ситуацию с «желтыми жилетами»?

И вопрос господину Минакову. Как вы думаете, что общего между протестными демонстрациями во Франции и на Украине?

Михаил Минаков:

— Между протестами «желтых жилетов» и Евромайданом общего немного. Майдан был движением за гражданские права; он касался публичного интереса. А французские протесты связаны, насколько я понимаю, с социально-экономическими требованиями.

На Украине, на фоне бедности и болезненных реформ, социально-экономические протесты тоже возникают. Но таких масштабных протестов и такого жесткого их подавления на Украине нет.

Также я бы хотел ответить на два вопроса, касающихся гражданского общества и образования.

Гражданское общество. Одна из проблем, с которой мы сталкивались в связи с «майданами», состоит в том, что гражданские организации пересекли границу между сферами гражданского и политического, что приводило к ослаблению легитимных функций государства и усилению клановых.

Границу между областями деятельности гражданского общества и политической власти необходимо уважать. Когда гражданские организации, со своей специфичной легитимностью, пытаются выполнять политические функции, начинается социальный хаос, подрывается государственность. Государство должно быть эффективным и подотчетным в действиях в пределах своей ответственности, не нарушая прав граждан. То же касается и гражданского общества.

Образование и идеология. Когда распался Советский Союз, поколения того времени оставили во многих конституциях свой след в виде статей, запрещающих идеологическую монополию. В украинской Конституции 15-я статья запрещает создание такой монополии. Это урок наших отцов и дедов, которые пережили страшный XX век и который мы должны уважать.

Но, увы, во всех постсоветских государствах воссоздаются государственные идеологии, в первую очередь стремящиеся подчинить СМИ и образовательные системы. Нынешние системы образования и управления коллективной памятью действуют как новые единые идеологические монополии. Это крайне опасный процесс, который работает, как правило, против верховенства права. Этот же процесс способствует установлению национал-консервативной гегемонии.

Денис Волков:

— Если говорить о гражданском и политическом, то в России проблема, как мне кажется, в том, что государство вообще выталкивает граждан из политики. То есть занимайтесь своими котятками, больными детьми и т.д. Это с одной стороны. И не только выталкивает, но и дискредитирует альтернативное политическое действие, альтернативных кандидатов. Власть постоянно повторяет: политика — оставьте это нам, потому что другие будут еще хуже.

С другой стороны, в авторитарном государстве любому гражданскому действию можно придать политический характер. Отсюда и закон об иностранных агентах, и другие ограничения. То есть однозначно сложно ответить, где грань между гражданским и политическим. Но мне нравится позиция Френсиса Фукуямы, который считает, что в переход-

Джино Северини. Бронепоезд. 1915

ные моменты гражданские активисты должны идти в политику и менять ситуацию изнутри. На профессорских и экспертных должностях никогда этого не сделать. Поэтому если хочется этим заниматься, если вы считаете это необходимым, то нужно идти и заниматься политикой.

Тома Гомар:

— В связи с заданными вопросами, хочу напомнить о медийной политике Берлускони. К чему она сводилась? По сути, это было разрушением традиционных медиа и вытеснение бесконечными развлекательными шоу. К слову говоря, мне кажется, это вдохновило и Владимира Владимировича Путина.

Теперь в отношении популизма. Я думаю, что мы должны понимать, что популизм это тактика, позволяющая получить власть. Это не политическая альтернатива. Многие популисты принадлежат к политическим элитам. Например, Марин Ле Пен во Франции никогда в своей жизни не работала. Но она выступает от имени «народа», чтобы прийти к власти. И если популисты приходят к власти, то уже не отдадут ее народу. Пример России в этом отношении очень красноречив. Так что все зависит от соответствующей политической культуры конкретной страны.

В отношении вмешательства в Косово. Я бы хотел напомнить, что то, что происходило в бывшей Югославии связано с функционированием Совета безопасности. Как вы помните, были попытки остановить войну, а это подразумевает внешнее вмешательство. И очень важно об этом помнить, потому что многие страны хотели бы играть куда как более значимую роль в Совете Безопасности ООН, но это предполагает и более высокую ответственность, и необходимость соблюдения прав. Все ли страны готовы к этому? Я в этом не уверен.

Так что в Косово не все было идеальным, нужно помнить и о многих миротворцах, погибших при выполнении миссии по поддержанию порядка.

Этот вопрос напрямую связан с отношением к НАТО. Я участвовал в свое время в переговорах ОБСЕ по вопросам наращивания доверия и безопасности, когда были заключены договоры «Открытое небо» и другие. С тех пор почти вся договорная структура была уничтожена: большинство соглашений о контроле над вооружениями. Последняя инициатива США по выходу из договора РСМД это подтверждает.

Это можно рассматривать как вызов. У нас есть инструменты, о которых упоминали, но их постепенно уничтожают. Поэтому нам следует задуматься о важности ОБСЕ, потому что это панъевропейская организация, которая создавалась, чтобы контролировать военный потенциал друг друга и, исходя из этого, принимать взвешенные решения.

И последний вопрос — склонность французов к забастовкам. У нас долгая политическая история, которая началась еще задолго до революции 1879 года. Сегодняшние события я мог бы сопоставить с событиями 1950-х годов, когда малый и средний бизнес просто страдал из-за колоссального налогообложения. Сейчас ситуация сложная наряду с другими факторами еще и потому, что цена энергии, особенно в Европе, постоянно растет. Мы стремимся к «зеленой энергетике», но не говорим, что она будет дороже. Есть люди, которые хотят спасти планету, сделать ее лучше, но стоимость вызывает протест. Это первая проблема.

Вторая проблема касается того, что протестное движение спонтанно. Им не руководят ни профсоюз, ни политические партии. Это прямой протест части граждан против проводимой властями в стране политики.

Поэтому скажу коротко о соотношении политики и гражданского общества. Думаю, что тем, кто относит себя к политическим элитам, следует критически оценивать свои действия. Может быть, стоит разобраться в том, что мы упустили и не поняли в своих обществах за последние десятилетия. Думаю также, что публичная сфера нуждается в перестройке. При этом эмоции не должны преобладать над здравым смыслом. Их нужно проверять фактами и не считать, что всегда есть симметричный ответ на любые вызовы.

О системе безопасности. Есть общеевропейский принцип, согласно которому каждая страна вправе выстраивать систему безопасности по своему усмотрению. Американский президент отвечает за систему безопасности только в США, но не в Швеции и не в Польше. Это суверенный выбор самой страны.

Доверие может быть выстроено заново только за счет восстановления уважения принципов диалога, которые были приняты в Хельсинки, и было запрещено применение военной силы и даже угрозы применения силы. Нельзя военным путем менять границы, необходимо уважать суверенитет стран. Все еще действует Венская конвенция 1969 года, есть Договор по «Открытому небу», который касается военной прозрачности и предсказуемости.

Только что в Норвегии прошли крупнейшие за последние десятилетия военные учения, где применяли все те инструменты, которые у нас есть. Они были абсолютно прозрачными, присутствовали наблюдатели из всех стран, включая Россию. И есть предложение о продолжении дискуссии на эту тему. Но Россия пока отказалась участвовать в такой дискуссии.

«Мы выбираем, нас выбирают...»

*Борис Макаренко,
президент Центра
политических технологий*

В название темы я решил вынести строчку из песни, которую в фильме «Большая перемена» исполняет Светлана Крючкова на слова известного советского поэта Михаила Танича: «Мы выбираем, нас выбирают, как это часто не совпадает».

Можно подумать, что речь пойдет о фальсификациях на выборах. Нет, не совсем про выборы, скорее про партии. Про электоральную проблему. Даже там, где чистота процедур не вызывает сомнений, очень часто люди выбирают своих представителей, вроде бы достойных и лучших, а потом оказываются недовольными результатами их политической деятельности. Нет счастья в жизни. Почему так? И в чем тут порок? И порок ли? Вот об этом и пойдет речь. Но сначала несколько общих замечаний.

Во-первых, какой главный выбор мы в России — и не только — делаем, приходя на выборы? Выбор «за» или «против» власти? Но это не первая, и даже не вторая функция. Первая функция — мы выбираем себя как представителей единого политического сообщества. Будь то одна деревня, если мы выбираем сельсовет, или политическая нация, если мы выбираем из одного и того же набора кандидатов в президенты или одного из кандидатов в депутаты парламента. Это самая массовая форма политического участия.

Второе вводное замечание. Выборы конкурентны. Иначе все сводится к очень важной, но лишь ритуальной функции. Мы выбираем из соперничающих политиков. В чем смысл этой конкуренции? К сожалению, в России под конкуренцией понимается только одна важная составляющая — та, которую в англосаксонском мире принято называть horse race, лошадиные скачки. Какая лошадь на полкорпуса впереди, на каком из жокеев камзол ярче, кто подрезал сопер-

ника на повороте. Если вся конкуренция сводится к этому, мы получаем грязные политтехнологии, случайный выбор — и тогда разочарование почти неминуемо.

У нас в России, к сожалению, всегда было мало, и сейчас не становится больше, второй важной составляющей конкуренции — конкуренции идей и программ. Не просто опередить своего соперника, а доказать части общества, что верна именно твоя политическая программа.

Третье вводное замечание: выборы — это по определению выборы представителей в какой-то орган. В большинстве случаев мы выбираем людей, которые нас будут представлять во власти. И будучи избранными, они на самом деле абсолютно свободны в своих политических действиях. Они нам ничем не обязаны за то, что мы один раз за них проголосовали. Мы их можем наказать за то, что они неправильно себя ведут, только через 4–5 лет на следующих выборах, выбрав кого-нибудь другого.

Как формируется политическое представительство, многопартийность? Откуда берутся партии? Классическая модель, описанная в литературе на примере Европы и Северной Америки: в обществе существует естественное размежевание интересов, главное из которых социально-экономическое — «богатые и бедные». Есть противостояние людей религиозных и светских, жителей города и села, центра и периферии и много других. В каждом обществе существует специфический набор противостояний. Соответствующим образом формируются и партии, которые отражают тот или иной набор предпочтений. Политологи уже давно научились опре-

делять, сколько партий нужно в зависимости от размежевания по тем или иным разделительным линиям миропонимания, различных страт населения. Забегая вперед, скажу: во всех классических демократиях эта формула выдерживается практически идеально. Точнее, она идеально выдерживалась во второй половине XX века, я чуть позже скажу, какие хаотические процессы пошли в стабильных демократиях. Но все равно эта формула в целом выдерживается. А на всем посткоммунистическом пространстве, в том числе и в России, эта формула не работает. Значит, с нашим политическим представительством что-то не то.

Современная многопартийная система представительства интересов складывается после войны, когда западный мир пережил кошмар Второй мировой войны и решил обезопасить себя от угрозы фашистского экстремизма справа и угрозы экстремизма слева — от коммунизма. А партии занялись формированием рыночной экономики, конкурентной среды и социальной демократии. Вот на этом был построен и счастливо жил, со всеми оговорками, весь западный мир. Главным становилось размежевание социально-экономическое: как распределять общественный продукт. И (опять же в обобщенном виде) классовый конфликт, о котором говорили классики марксизма-ленинизма, которым наше старшее поколение пичкали в школах и университетах, западный мир из эпохальной борьбы превратил в рутинный торг по перераспределению ресурсов. Этот процесс лежит в основе формирования классической либеральной демократии и неолиберализма как современной модели. Казалось, что ее ареал ограни-

чен традиционным Западом, плюс какие-то очаги типа Японии. Но в конце XX века стали происходить два разных интересных процесса.

Во-первых, западный мир стал жить так хорошо, так либерально, что в нем появились новые ценности, их называют «постматериалистическими». Это в первую очередь экология (отсюда бурный рост числа зеленых партий), это ценность «недискриминации» и толерантности ко всем меньшинствам, в том числе этническим, конфессиональным, по признаку сексуальной ориентации. Мир стал более терпимым. Старые партии — левые, правые, консервативные, либеральные — не всегда эти новые веяния улавливали.

Появились новые игроки. Сначала левые, зеленые, и они поймали своего избирателя, это так называемый новый левый. Традиционный левый — это синий воротничок, член профсоюза, рабочий класс. Он голосовал всегда за социал-демократов. А новый левый — это скорее образованный горожанин, средний класс, неплохо живущий, которому хочется комфортного качества жизни. Он озабочен и экологией, и терпимостью, и всем набором гражданско-го участия. Где-то этот новый левый пришел к традиционным социал-демократам и либералам, где-то он сформировал свои партии.

Новые правые, цепляющиеся за старую повестку дня... не хочу повторять ошибку за Хиллари Клинтон и называть это «корзиной отбросов»... Там есть действительно деклассированные люди и люди реакционных взглядов. Но в основном это просто те, кто от перемен в мире проигрывал, а не выигрывал. А это и тот же нижний средний класс, и синие воротнички — те, кто терял рабо-

чие места, потому что их выдавливали в Китай и в «третий мир».

До последнего времени «новые правые» оставались совершенно маргинальным сообществом. «Национальный фронт» во Франции — одна из самых давних новых правых партий — долгое время не была серьезным игроком на французской политической арене. Все сломал кризис 2008–2009 годов, потому что после него либеральный миропорядок перестал приносить людям удовлетворение в виде материальных благ, гарантию рабочего места. Плюс именно в это время из-за кризисных явлений и на Ближнем Востоке, и в Северной Африке в Европу хлынула не волна, а цунами мигрантов, которые нарушили привычный уклад жизни. Используя трудности демократических процессов в западном мире, новые правые смогли подхватить и многократно усилить крик отчаяния низов. Они стали их представителями. Если посмотреть, кто голосовал за Трампа, — это синие воротнички, которые раньше голосовали за демократов. То есть левые голосуют за правых, вот один из парадоксов. Либо это люди, которые раньше вообще не голосовали. Новейшее же проявление этого же феномена — «желтые жилеты» во Франции, которые не нашли себя, голосуя и за Марин Ле Пен, правую популистку, и за Жан-Люка Меланшона, левого популиста. Те проиграли, и их чаяния оказались неудовлетворенными. А Макрон их не устраивает — слишком радикальные реформы он начал. И они вышли на улицы, уже не претендуя на то, что их представит кто-то в парламенте, они в это не верят. Вот такая новая форма участия, политического процесса, и, конечно, интересно, что из этого получится.

Бальтос. Улица. 1933

Второй процесс, который начался в конце XX века, это третья волна демократизации. Конкуренционные выборы и многопартийность появляются в трех десятках стран посткоммунистического лагеря. Главная особенность традиционной партийной системы на Западе — ее отступление под натиском правых и левых популистов, но все-таки там сохраняются левая и правая оси в их политике, в то время как коммунистический режим закатывал под асфальт все объективные размежевания. Люди были разными, но сформулировать эту разность, развести свои интересы, объединиться по ним в легальном поле при коммунистическом

режиме было невозможно. Классовый конфликт был решен, и все были равно бедными. Никто не был очень бедным, но никто не был и богатым. Церковь была практически удалена из общественно-политической жизни. Уже прошло с тех пор более одного поколения, но устойчивых партийных систем, основанных на объективных размежеваниях, в посткоммунистических странах не появилось. Процесс был хаотичным.

Исследователи описывают обычно три, а я добавлю — четыре типа политических партий сформировались в западной части посткоммунистического пространства. Венгрия, Польша, Балкан-

ские страны. Там все же появились «программные» партии. И социалисты, и демократы. Но они тоже сейчас отступают перед натиском других партий.

Появились там и персоналистские партии. (В России яркий пример такой партии — ЛДПР во главе с Жириновским.) И таких политиков много. Кто захватил самую высокую кочку, кто громче всех крикнул, за тем и пошли.

Либо партии клиентелистские — с элитными фигурами, которые больше и убедительнее других своим избирателям что-то обещают. Выборы в этих странах по международным критериям свободные и справедливые; речь не идет о массовых фальсификациях. По словам болгарского политолога Ивана Крастева, в Центральной и Восточной Европе люди поняли, что можно иметь свободные выборы, можно отстранять политиков от власти и менять их на других, но политический курс и их жизнь серьезно от этого не меняются. Назову несколько политических партий, которые заседают в парламентах центральноевропейских стран: «Политика может быть другой» в Венгрии, «Акция неудовлетворенных граждан» (Чешская Республика), «Кому принадлежит государство» (Латвия). Это так называемые антипартийные партии. Партии, которые, как и в западноевропейских странах, говорят, что правящая элита прогнила и вас обманывает, а мы будем другими. Это помогает — с той точки зрения, что эти партии получают немалую долю голосов и проходят в парламенты (выясняется, что у популистов западных и центральноевропейских возможности «купить» голоса избирателей тоже есть), но я не знаю ни одного примера, чтобы, попав в парламент, какая-то из названных

партий предложила серьезную альтернативу другим программам.

Есть и исключения. Венгерская партия «Фидес», активистов которой я, кстати, помню с начала 90-х годов, в переводе на наш язык тогда это были «гайдаровские мальчишки», сторонники шоковой терапии, абсолютно либеральных западных взглядов. Но со временем они поняли, возможно цинично, что политика без цинизма не существует, что в Венгрии, стране консервативной, с сильными националистическими настроениями, социальный консерватизм более перспективен. И партия «Фидес» перекрасилась в консервативные тона, поглотила традиционных венгерских христианских демократов, и сейчас партия — один из оплотов правопопулистских сил, которую характеризует не только соответствующая риторика. Она серьезно демонтировала такие институты современного демократического государства, как независимая юстиция, независимые СМИ и т.д. Это негативный пример.

Но есть и позитивный — Греция, которая сильнее других пострадала от финансового кризиса 2008 года. Левая партия под названием «Сириза» выиграла выборы на жесткой критике Евросоюза, на угрозах выхода оттуда. Но именно эта партия сумела согласовать план вывода Греции из финансового кризиса в рамках Евросоюза. Они взялись за дело.

Так что опыт очень разный. Я не готов судить о том, насколько в каждом конкретном случае это соответствует чаяниям избирателей. Но вот так осуществлялось представительство.

А что на посткоммунистическом пространстве? К сожалению, все те же кризисные явления, что и у наших соседей,

плюс еще менее развитая многопартийность.

Две из бывших советских республик и сегодня не имеют партийных систем, даже номинальных. Это Белоруссия и Туркменистан. В некоторых странах многопартийность чисто фасадная. (Не в России. В России многопартийность и плюрализм существуют, хотя и ограничено.)

В большинстве из этих стран, включая Россию, появилась доминантная партия. Доминантные партии — не новость для западного мира. Очень часто именно при помощи доминирования одной партии, то есть некоего электро-рального ограничения конкуренции, странам удавалось преодолеть жесточайший кризис в своем развитии. Все три страны, проигравшие Вторую мировую войну, Германия, Италия и Япония, новый демократический строй создавали через доминантную партию. Либерал-демократы в Японии. В Италии христианско-демократическая партия до 1990 года не была полным монополистом, но возглавляла все правительства. Рухнула эта система тогда, когда распался коммунистический мир. Ну и когда все итальянские крупные партии попались на сверхмасштабной коррупции. Справа там, кстати (возвращаясь к персоналистским партиям), только такая спорная, но очень харизматичная личность, как Сильвио Берлускони, смог собрать нечто работающее.

Так что тенденции к персонализации партийного представительства не уникальны. Они очень сильны в Латинской Америке. Уго Чавес был таким. К сожалению, каждый чавизм вырождается в мадурство, что мы видим в Венесуэле сейчас.

В таких же странах, как Казахстан, Узбекистан и Россия, доминантные партии в отличие от названных выше, строятся не снизу как коалиция элит. Это партии, поддерживающие избранных всенародно, харизматичных, популярных президентов. Поэтому, по сути, они являются вспомогательным механизмом.

Я не люблю параллели политики и экономики с рынком, но иногда без них не обойтись. Есть в экономике понятия: «рынок покупателя» и «рынок продавца». В классической модели партийная система — это рынок покупателя. Есть в обществе религиозные и светские люди — у них будет запрос на партию религиозную и светскую, есть богатые и бедные — на партию богатых и партию бедных. Потому что все эти общественные размежевания складывались столетиями. Там же, где этих размежеваний нет, это рынок продавца: кто с самой высокой кочки крикнул, что моя партия, мой товар самый лучший, тот и получит. (Дай Бог здоровья Владимиру Вольфовичу Жириновскому! Не было бы его, в России была бы партия с националистической программой. Можно назвать в этой связи такие персоны, как Александр Лебедь, Дмитрий Рогозин. Они могли бы возглавить такие партии. Это были бы совершенно другие партии, не похожие на ЛДПР. С другой конфигурацией электората.) Когда на таком рынке появляется монопольный игрок, а доминантная партия — это как раз такой игрок, то с формированием адекватной системы отражения общественных интересов становится еще труднее.

И наконец, Россия, поговорим о ней. Во-первых, при существующей ситуации, монопольном игроке плохо с деле-

бирацией — конкуренцией программ. Власть свою политическую программу формулирует и продвигает. Вы можете быть с ней согласны или не согласны, это разговор не для сегодняшнего дня, но она есть. Другим в такой ситуации очень трудно сформулировать альтернативу. В отличие от 1990-х годов, когда масштабных политиков с опытом руководства регионами, министерствами, какими-то крупными структурами было много, если вы посмотрите на

сегодняшние оппозиционные партии, вы почти не найдете тех, кто когда-то чем-то крупным руководил и имеет соответствующий горизонт политического и управленческого мышления. Сейчас, когда я смотрю на программы наших партий даже на федеральных, и уж тем более на региональных выборах, иногда плакать хочется, оттого что они даже не в состоянии понять, сформулировать толком и донести до избирателя чаяния своего города, своего региона. Очень серьезная проблема.

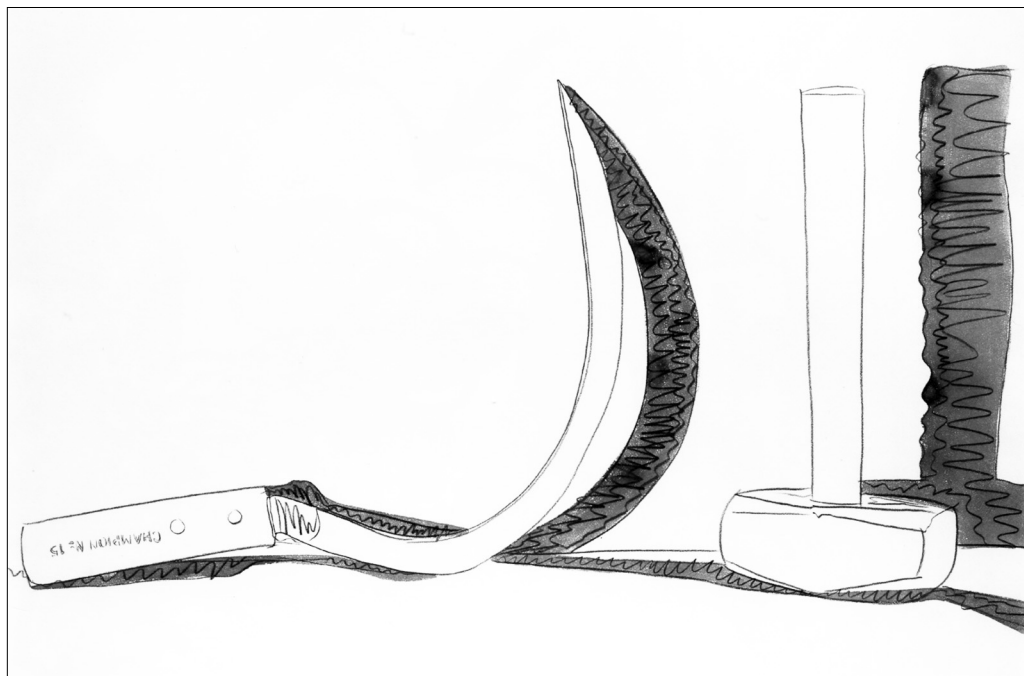
А что у нас есть? К сожалению, помимо такой модели политической культуры, как общество граждан, бывает и общество подданных. Подданный — это человек, который вполне может быть современным и образованным, разбираться в политике, но не мыслит себя участником этой политики. В российских условиях, где частной собственности, рынку еще очень мало лет, такой человек больше полагается в своей жизненной карьере на то, что ему даст государство, а не на то, что он заработает сам. Он не имеет положительного опыта, он слишком мало

вокруг видит примеров, как человек сам построил карьеру, достаток, дом в хорошем смысле этого слова.

Если посмотреть на наш электорат, с одной стороны, и на партийные программы — с другой, я бы сказал, что у нас идет конкуренция трех групп под-

Подданный – это человек, который вполне может быть современным и образованным, разбираться в политике, но не мыслит себя участником этой политики

данных. Из четырех наших парламентских партий, три — это партии, которые рассчитывают на голоса тех, кто ждет всех благ от государства. Я упрощаю. В «Единой России», безусловно, в электорате есть очень разные люди, которые очень успешно построили свой жизненный путь, но они идут за государством как за монопольным политическим игроком. «Единая Россия» — это электорат лояльных подданных, живущих по формуле: «Спасибо что мы это получаем, хорошо бы в два-три раза больше, но спасибо и на этом». Есть подданные разочарованные, которые к государству и ко всей системе относятся неплохо, но жизнь им приносила, особенно в последние годы, слишком мало радостей и слишком много проблем: «Ой, ну что ж так мало и почему меньше, чем вчера?!» Это электорат «Справедливой России». Есть электорат: «Ой, ну что ж вы с нами делаете, ну вы вообще!..» — это скорее электорат Компартии. Пока конкуренция идет между этими партиями, надежд на то, что программная конкуренция станет лучше и что-то прине-сет, у меня мало. Особо стоит партия

Энди Уорхол. *Серп и молот*. 1977

ЛДПР. У нее очень сложный электорат. И там тоже очень разные люди, в том числе много людей, носивших погоны. Но это партия с самым молодым электоратом. За ЛДПР мало кто голосует в пенсионном возрасте. Это либо студенты, либо такие же синие воротнички, которые голосовали за Трампа в Мичигане и принесли ему победу. Это преимущественно мужчины, отцы семейств, а они свою семью не могут нормально обеспечить, им не хватает квалификации, образования, соответственно нет достойной работы и невысокие доходы. Но это люди, которые рассчитывают на себя. Доля людей, которые работают в негосударственном секторе экономики, в электорате ЛДПР самая высокая. Это партия наименее патерналистская.

Можно сказать, но есть же в России новый средний класс, в основном это жители крупных городов, хорошо обра-

зованные, многие из них заняты в сервисной экономике, как предприниматели или наемные служащие. С политическим представительством этой страты дела совсем печальные. Либералы первой волны, а это и «Яблоко», и «Демократический выбор России», и СПС сошли со сцены. Тут сочетание двух факторов. С одной стороны, власти эти люди были наиболее неудобны как конкуренты, потому что они как раз представляют граждан — тех, кто требует для себя участия в политической жизни, в обсуждении принятия решений. И второе — при всем уважении к лидерам этих партий, слишком часто они наступали на одни и те же грабли, дрались сами с собой. Вспоминается выпуск программы «Куклы» на НТВ в 1996 году между двумя турами выборов президента. Они сделали выпуск программы про последствия якобы победы Зюганова. И в этом выпуске

Гайдар и Явлинский в таких черных телогрейках в лагере встречаются, катя друг на друга тачки со щебенкой. «Ну, Егор Тимурович, я же вам говорил, что объединяться надо!» — «Нет, Григорий Алексеевич, это я вам говорил, что объединяться надо!» И покатали тачки дальше. Вот, к сожалению, эта проблема у нас есть и сейчас.

Долгое время казалось, что результаты всех выборов у нас предreshены, пока в 2018 году единый день голосования не принес неожиданных результатов. Вот два моих наблюдения про это голосование. Первое — естественно, на настроениях сказалась пенсионная реформа и повышение пенсионного возраста. Это было не главной причиной, а триггером протестных настроений. С конца 2014 года, к сожалению, доходы наших граждан ползут вниз и за эти годы сползли пунктов на десять в среднем. И такого затяжного спада с начала 1990-х годов в экономике России ни разу не было. Слишком долго большинство россиян надеялись перетерпеть, верили, что все станет лучше, что этот кризис, как и кризис 1998 и 2008 годов, будет коротким, потом будет становиться лучше. Слишком долго они не отказывали самим себе и власти в надежде на то, что станет лучше. Повышение пенсионного возраста стало тем триггером, который переломил этот тренд. Здесь идеальных расчетов быть не может, но, грубо говоря, по сравнению с думскими выборами 2016 года «Единая Россия» потеряла на

выборах Законодательных собраний в субъектах Федерации порядка 15 пунктов. Эти 15 пунктов почти идеально точно распределились между КПРФ, «Справедливой Россией» и несколькими их клонами, коих у нас появилась добрая дюжина. ЛДПР получила практически столько же, сколько в 2016 году. То есть ее электорат остался таким же. Тот, кто разочаровывался, от «Единой России», от лояльного подданничества переходил к разочарованному или разгневанному.

И второе — губернаторы четырех регионов не смогли добиться победы в первом туре. Один из моих коллег, Александр Кынев, на следующий день назвал эту ситуацию так: «хоть за черта лысого, только не за “Единую Россию”». Цинично. Но два урока из этого. Первый: извините, я могу хорошо или критично относиться к «Единой России», но уж точно не хочу, чтобы ее во власти сменили «черти лысые». Ни у одной из этих партий программ, которые мне нравились бы больше, чем программы «Единой России», я не читал. Люди просто выразили свое недоверие власти, это был референдум о недоверии, в рамках, к сожалению, этой схемы. Конкуренция, которая ограничена по набору партий и игроков, и конкуренция, в которой очень мало программной составляющей, лишена спора по существу. Но то, что система сработала и настроения граждан были выражены и зафиксированы, дает мне некоторый оптимизм.

*Карл Бильдт
политик, дипломат,
премьер-министр Швеции
(1991–1994), министр
иностраннх дел Швеции
(2006–2014)*

Россия и Европа после распада СССР*

Мирный переход к новым отношениям

Я, как и многие другие представители шведских политических кругов, предпринимал попытки помочь мирному выходу СССР из имперского прошлого. Нам казалось, что этот политический процесс был фантастически успешным, так как вряд ли было много примеров в истории, когда крупные империи распадались без кровопролитных гражданских войн.

В тот период у Советского Союза приблизительно 90 дивизий находились в сердце Европы. Воссоединение Германии было исключительно важным процессом, а уход советских войск из Восточной Европы был сложным и многосторонним, затрагивающим жизни людей — военнослужащих, членов их семей. Я участвовал в этом процессе в прибалтийских государствах, будучи шведским премьер-министром, когда мы на деньги шведских налогоплательщиков строили дома для бывших советских военнослужащих.

Кроме того, мы участвовали в попытках установить новые отношения с Россией. В июне 1994 года я приветствовал Россию на саммите, который привел к подписанию договора о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским союзом. Если не ошибаюсь, тогда на острове Корфу собрались 14 глав стран Европейского союза, и я был в их числе. С нами встречался президент Ельцин, и я вспоминаю атмосферу дружелюбности, которая царила там. Безусловная готовность российского лидера и европейских правительств к сотрудничеству была тогда очевидна, но претворить в жизнь соглашение было, конечно, гораздо сложнее, чем подписать его.

** Текст подготовлен на основе выступления на международном семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы в Стокгольме 24 апреля 2018 г.*

Россия прошла через тяжелейший экономический спад в начале 90-х годов. Коллапс советской экономики был настолько полным, что нам приходилось поставлять в Россию гуманитарную помощь. Но и в этих непростых обстоятельствах мы обсуждали пути развития экономического и политического сотрудничества.

Концепция добрососедства

Примерно к 2004 году был завершен процесс вхождения в ЕС Польши, Чехии, Словакии и Венгрии. Для предотвращения риска точек напряжения и линий разлома в Европе мы инициировали программу партнерства с нашими новыми соседями, которые тогда еще не входили в ЕС. Стоял вопрос о выходе балтийских государств из бывшей советской системы, их уравнивание с точки зрения правовой основы с Европейским союзом. Это был огромный комплекс задач, которые нас занимали по меньшей мере до 2004 года.

Россия не намеревалась быть частью этого процесса. Не потому, что у нее тогда были какие-то возражения по существу, не в этом было дело. Россия просто не видела себя на том же уровне, как эти страны. Кремль, очевидно, не хотел быть на равных с небольшими государствами, рассчитывая на исключительные отношения с ЕС, что было, на мой взгляд, вполне логично. Менее логичным было то, что Москва не хотела даже обсуждать вопросы общего соседства.

Мы основывались на том, что новая Европа должна относиться с уважением ко всем государствам — малым или большим, будь то Португалия, Люксембург или Молдова. У всех должны быть одинаковые права на развитие. Но уже тогда начали проявляться определенные разногласия. Тем не менее была инициирована программа партнерства ЕС и России, согласованы формы взаимодействия, а на московском саммите Россия — ЕС в 2005 году были приняты «дорожные карты» четырех общих пространств. Это была примерно такая же программа, как с другими государствами постсоветского пространства.

Новая геополитика

К 2007 году встал вопрос о новом соглашении, потому что срок соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией 1994 года истек, и было нужно новое соглашение. После конфликта в Грузии 2008 года эти переговоры были остановлены, а спустя полгода возобновлены, но, к сожалению, ни к чему не привели. Стержень сотрудничества подразумевал гармонизацию экономического пространства, свободу торговли, экономические реформы. Но в то время Россия еще не была членом ВТО и не была реально заинтересована в создании зоны свободной торговли от Лиссабона до Владивостока. В результате

Фернан Леже. Три женщины за красным столом. 1921

переговоры зашли в тупик, а после событий 2014 года на Украине были окончательно прерваны. Поэтому мы сегодня говорим о фактическом отсутствии переговоров и нового соглашения.

На переговорах во время президентства Медведева царил атмосфера несколько отличная от той, что была при президентстве господина Путина. Я помню, как господин Медведев присутствовал в 2009 году на саммите в Стокгольме, когда мы стали говорить о партнерстве для модернизации. На саммите в Ростове-на-Дону в 2010 году эта тема была продолжена. Все в России тогда говорили о модернизации, и речь шла о ЕС как о самом важном партнере.

Во время третьего президентства господина Путина его усилия концентрировались на идее создания Таможенного союза стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что и привело к тупику в отношениях с ЕС, потому что в условиях таможенного союза нескольких стран мы не можем вести переговоры отдельно с Россией, а должны договариваться со всеми членами союза. Это было проблематично,

потому что в ЕС относительно низкие тарифы, а тарифы, установленные Россией от имени ЕАЭС, были достаточно высокими. Фактически мы видели создание протекционистского блока, что приводило к огромным сложностям в переговорах. Однако основным камнем преткновения к тому времени стала Украина. Соглашение ЕС с Украиной о свободе торговли совершенно не могло сочетаться с соглашением, которое тогда существовало между Украиной и Россией в рамках СНГ.

Конечно, можно иметь такие соглашения с самыми разными странами, в том числе и с Россией, и с ЕС. У Мексики или Канады, например, есть такие соглашения как с США, так и с Европейским союзом, и мы не

видели проблем несовместимости в углублении экономических связей между Украиной и ЕС, Украиной и Россией. Но у Москвы были свои планы.

Евразийский союз, в котором состояли бы только Россия, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан и Казахстан, скорее всего ее, видимо, не устраивал. Поэтому к лету 2013 года вполне неожиданно Россия начала оказывать беспрецедентное давление на Киев с целью выхода Украины из соглашения об ассоциации с ЕС. Мы знаем, что господин Янукович, не самый очевидный либерал, возглавлявший в то время Украину, отказался подписывать готовое соглашение, что стало поводом для массовых протестов и привело к смене режима на Украине.

Остальные события известны: майдан, убиты люди, Янукович бежал, погрузив золото или что там у него было в вертолеты. А потом оказался в России. Все остальное уже история. Президент Путин аннексировал Крым; в военном отношении операция прошла достаточно гладко. Действия Украины, на мой взгляд, были совершенно некомпетентны в плане безопасности. Операция привела к тому, что к августу 2014 года вся Новороссия оказалась на грани коллапса.

Тупик в отношениях

Радикальное улучшение взаимоотношений зависит от решения донбасского вопроса. Крым, похоже, будет оставаться спорным вопросом еще в течение долгого времени. Поэтому, думаю, именно Донбасс является ключом к возобновлению диалога и сотрудничества между Россией и Европейским союзом.

Мне кажется, Россия осознает, что для модернизации нужны отношения с внешним миром, в частности с Европейским союзом как многонациональным институтом, а конфронтация явно становится бременем

Можем ли мы договориться об осуществлении Минских соглашений 2014 года? Да, конечно, можем. Я предлагал это и ранее, чтобы был миротворческий контингент, который действовал бы в переходный период в этом регионе, как это было до выборов и передачи власти в Хорватии. Главное, на мой взгляд, создать в Донбассе систему безопасности, которой сможет доверять каждый. Необходимо разоружить различные формирования, которые воюют друг с другом. Нужно установить такой политический климат, когда появится возможность провести выборы и право выбирать тех представителей, которые начнут переговоры с Киевом.

А затем необходим отвод всех российских сил и контроль над российско-украинской границей. В принципе это исполнимо, но не сразу, конечно же. Потребуется три-четыре года, но это возможно, и это будет в интересах народа Донбасса, Украины и в конце концов в интересах России, поскольку это позволит двигаться к чему-то более конструктивному.

Россия и Евросоюз: перспективы диалога

Последние 25 лет начались очень оптимистически. Были искренние попытки со стороны Запада способствовать интеграции России, которые в течение какого-то времени были довольно успешными. Но затем недавно ставшие независимыми государства, которые прежде входили в Советский Союз, стали искать свои пути развития, которые не всегда устраивали Россию, что привело к острому конфликту на Украине. В результате постепенного отказа от политики модернизации Москва предпочла курс авторитарного правления.

Я был восемь лет министром иностранных дел и за это время в два раза чаще встречался с министром иностранных дел России, нежели с госсекретарем США. Я испытываю большое уважение к ряду российских дипломатов, с которыми работал достаточно тесно, и признаю их профессионализм.

Диалог постоянно идет на всех уровнях, в этом проблем нет. Проблема в том, что мы не согласны по существу. И я бы опять повторил: «Донбасс, Донбасс, Донбасс!» Это самый критический вопрос, который необходимо решить. Я бы не сказал, что он единственный, но пока этот вопрос не решен, мы застряли на уровне санкций.

России проще иметь дело с отдельными государствами, нежели с наднациональной структурой, подобной ЕС. Я это понимаю, потому что Европейский союз действительно сложное образование. Мне кажется, Россия осознает, что для модернизации нужны отношения с внешним миром, в частности с Европейским союзом как многонациональным институтом, а конфронтация явно становится бременем.

Объективность журналистики*

*Кадри Лийк,
старший научный сотрудник
Европейского совета по
международным делам*

Я хотела бы поделиться с вами некоторыми мыслями по поводу взаимосвязи журналистики и внешней политики, потому что мне довелось заниматься тем и другим. Буду говорить на русском с ошибками, но зато с удовольствием. Надеюсь, вы меня простите.

Начну, как ни странно, с эстетики. Итальянский художник Франческо Граначчи (1469–1543) творил во времена Ренессанса. Его кисти принадлежит картина «Иосиф представляет своего отца и братьев фараону Египта». Картина датируется концом XV — началом XVI века. До изобретения фотографии оставалось еще несколько веков. Так что мастер видит Египет таким, каким его представляет. Когда я первый раз увидела полотно в галерее Уффици во Флоренции, стояла долго и чуть ли не смеялась, потому что картина очень наглядно показывала, что происходит, если проецировать свое представление на чужую реальность. Итальянец изображает Египет, но на картине флорентийские дома, пейзаж с итальянскими холмами — другого, реального образа Египта у него не было.

Это, по-моему, очень внешнеполитическая история, потому что если мы пишем о внешней политике какой-то страны, всегда есть риск проецировать на нее свои стереотипы мышления, думая, что они работают и там. Это не обязательно так и иногда это может быть даже опасно.

Другая история. Во время августовского путча 1991 года корабли советского Военно-морского флота вдруг вышли в море. В Эстонии все решили: «понят-

* Выступление на международном семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы в Оксфорде 24 января 2018 г.

но, это сделано, чтобы предотвратить бегство эстонцев в Швецию». Ведь раньше бежать из Советского Союза мы не могли. А в Финляндии решили, что Советы хотят напасть на Финляндию. В Стокгольме тоже что-то свое предполагали. А оказалось, что причина была совсем в другом. Флот во время стоянки в прибалтийских портах подчинялся командующему в Риге, который поддерживал путч. А главнокомандующий в Калининграде не поддерживал, и корабли вышли в море, потому что в походном состоянии они подчинялись командующему в Калининграде. Поэтому корабли покинули порты, чтобы не стать орудием в путче.

Эту историю я рассказала, чтобы показать, насколько рискованно использовать информацию веб-ресурсов любого вида, особенно исходящую из частных источников, сайтов. Они дают в лучшем случае какую-то техническую картину, и то если она описывает реальные факты. Чтобы понимать суть происходящего, надо знать историю вопроса, мотивацию действующих лиц, разобраться в последствиях их действий. И с этим у нас очень большие проблемы — и в России, и на Западе. В России думают, что все действия Запада нацелены против нее: НАТО обложило Россию со всех сторон, двигается на восток. А на Западе опасаются, что Россия хочет развалить Европейский союз, что Трамп якобы агент Москвы, что политолог Иван Тимофеев из Российского совета по международным делам является каким-то специальным советником Путина. Хотя надо один раз увидеть Ивана Тимофеева, чтобы понять, что он просто молодой человек, который занимается наукой. Надо знать, что и как в России действует, кто есть кто. Не обяза-

тельно Кремль стоит за всеми действиями, есть и иные источники решений, инициатив. На Западе плохо понимают это. Думают, что Россия монолитная, что там есть точный план действий. На мой взгляд, Россия действительно представляет опасность по многим причинам. Но чтобы эту опасность разумно оценивать, надо понимать, как в России делается политика, а не демонизировать Россию. Конечно, можно всем внушить, что Путин — дьявол и хочет только зла. Полезнее, однако, понять, как он думает, чего хочет, какие цели ставит, каково его мировоззрение? А такого подхода в массе экспертного сообщества я пока не вижу.

Думать об этом, ставить вопросы и находить ответы на них очень важно во внешней политике и политической журналистике. В мире есть универсальные регулирующие принципы, Устав ООН, другие многосторонние обязывающие документы, которые все вроде подписали. Однако постоянно возникают локальные интересы, политики действуют против правил, и надо понять, почему это происходит. Причем делать это максимально объективно, в том числе на стадии работы СМИ.

Возможна ли объективная журналистика, объективный репортаж? Есть разные взгляды на объективность. Кто-то сразу говорит, что объективность невозможна; что нет никакой разницы между *New York Times* и *Russia Today*: они агенты правящих структур власти. Думаю, что абсолютной объективности действительно не бывает и быть не может. Почему? Потому что невозможно избежать субъективации повествования. У каждого своя ценностная система, понимание того, что хорошо, что плохо, какие цели ставятся в жизни и

Ги Пен дю Буа. Американки в Париже. 1927

какими средствами допустимо их достигать.

Долгое время на Западе считали, что Россия приняла нашу ценностную систему, что она хочет стать частью Запада. Во всяком случае, так казалось в ранние перестроечные годы. Я думаю, что в это искренне верили и Ельцин, и команда реформаторов. Потом оказалось, что все не так просто. Политические реформы, дрейф к западным ценностям оказались несовместимы с российскими традициями общинности и патернализма и 70-летним опытом социалистического прошлого. В путинской России довольно четко оформился так называемый особый путь развития страны. Ладно, это ваше решение. Вопрос: как уважая этот выбор России, Путина, сегодня писать о России, ее людях, ценностной системе, политике?

Во всем этом надо разобраться, по возможности непредвзято, в том числе понять намерения лидеров, влиятельных людей.

Есть марксистская парадигма, что людей мотивируют деньги, они хотят разбогатеть и готовы на все для этого. Думаю, это совсем не обязательно так. Такое мышление может мотивировать какого-то начинающего предпринимателя, а людей действительно богатых не мотивируют деньги, для них миллиардом больше или меньше — значения не имеет. Их мотивируют значимые достижения, признание в мире, высокая самооценка. Думаю в этой связи, что на Западе ложное представление о мотивации Путина: у него, говорят, 40 миллиардов уже есть и потому он держится за власть. Я в это не верю. Деньги — не самоцель. Если они есть, надо ими

пользоваться в каких-то обычно разумных целях. Разумеется, у Путина и Джорджа Сороса, например, цели очень разные, но у них и мотивация другая.

Расскажу об одном человеке, это мой бывший профессор из Тартуского университета. Теперь уже 10 лет, как он скончался. Он был настоящим отцом кафедры журналистики Тартуского университета — родом с острова Сааремаа, я оттуда же, но мы до университета друг друга не знали. Он служил в Красной армии и воевал, после войны поступил в университет и в итоге, когда стал профессором, основал кафедру журналистики, потому что решил: если журналисты получают образование в партийных школах Москвы или Ленинграда — это не очень хорошо. Нам нужна своя школа журналистики, говорил он. И его кафедра стала как бы оазисом в университете, за его спиной для нас, студентов, было легко, свободно. Мы занимались тем, что нам было по-настоящему интересно. Это было прекрасное место, прекрасные годы.

Как-то мы его спросили: каким должен быть журналист? В чем наше призвание? Он ответил, что журналист — это как солдат, марширующий на параде, крайний справа, кто смотрит прямо вперед, а все остальные смотрят на руководство. Журналисту не надо смотреть на генералов, надо смотреть в будущее и осмысливать жизнь независимо, избегая стереотипов. Я хорошо помню его последнюю лекцию, когда училась в 1988 году. В самом конце он сказал: знаете, если кто-то вам скажет или вас попросит написать о том, с чем вы не согласны, не делайте этого. И я это запомнила на всю жизнь. Это был своего рода катарсис. Я понимаю, что не имею морального права говорить о том,

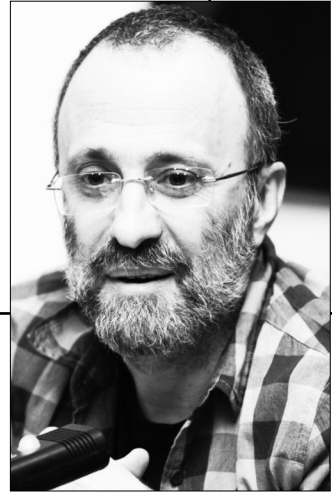
как журналист должен действовать, потому что моя жизнь другая. Времена менялись, но так никто и не попросил меня, чтобы я писала то, с чем я не согласна. А у вас в России вполне может быть это. Поэтому я не вправе давать вам подобные советы, а он — да, он знал цену таких компромиссов. Через компромиссы иногда можно было спасти студента от исключения из университета, или спасти кафедру, или газету. И это немаловажно для появления нормальных структур в легальной среде. Если все хорошее будет подпольно — это очень плохо. Но его вердикт, его слова «не делайте этого» я продолжаю помнить, хотя сейчас их можно понять и по-иному, задавая вопрос: а соответствуют ли они сегодняшней действительности? То есть надо смотреть все-таки вперед.

А что касается Путина, я видела его довольно близко во время пресс-конференции: по-моему, он устал. У нас в совете перед Рождеством бывают соревнования — все пишут хайку. Я написала хайку о Путине по-английски: Putin looking tired. I have done everything right. The world is still not grateful. — Путин выглядит уставшим. Я все правильно сделал. Но мир все равно не благодарен.

Вот так я выразила свое ощущение. Он сам думает, что все сделал правильно, а получилось все равно что-то не так. Мне кажется, что он твердый государственный. Разговоры о русском мире, православии — это фон. Для меня было показательно, что он в телеграмме соболезнования в связи со смертью Сергея Михалкова в 2009 году написал: «...он навсегда войдет в историю страны... как настоящий патриот России». Мне кажется, я всегда думала, что Путин хочет хорошего для России, но его видение, что такое хорошо, расходится с моим.

Гражданское образование в истории отечественной общественно-политической мысли

(Очерк 1. Просвещение и История:
у истоков дискурса. Часть 2)*

Александр Согомонов,
ведущий научный сотрудник
Института социологии
ФНИСЦ РАН

Быть или казаться европейцем: Карамзин и Просвещение

Перескочим теперь через одно поколение и переместимся мысленно в Россию рубежа XVIII–XIX веков — время смены политического режима и модели власти, наступления эры романтизма в искусстве и философии, нарастающего на верхах запроса на перемены. Позади остались многочисленные территориальные войны, международные споры и конфликты, дворцовые перевороты, присоединение новых земель, экономическая стабилизация и мировая экспансия, развитие наук и образования, скорбное прощание с галантным веком, его нравами и манерами, осторожные институциональные эксперименты, общественные реформы и ощутимый прогресс в сторону социальной устойчивости государства, достигнутый в годы правления Великой просвещенной императрицы Екатерины II.

Без всякого преувеличения можно сказать, что понятия «европеец» и «просвещение» на исходе XVIII века стали мыслиться как тождественные и даже взаимозаменяемые. Точнее: не как лексические синонимы, а именно как единая и одинаковая по значению смысловая пара. И то и другое соотносилось одновременно как с определенной культурной идентичностью, так и с неким общественным феноменом и индивидуальным ролевым проектом. Включиться в процесс просвещения означало *становиться европейцем*. А *быть европейцем* — бесконечно стремиться к просвещенности. Эта связка была настолько крепкой и сама собой разумеющейся, что не могла породить

* Продолжение. Начало см.: *Общая тетрадь*. 2018. № 3–4 (75).

ни ложных толкований, ни какого-либо недопонимания. И все же... культурный зазор между ними сохранялся и во всей истории отечественной мысли постоянно напоминал о себе.

Карамзин (1766–1826), по меткому замечанию Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, как историческая фигура был сродни Петру Великому. Оба — великие новаторы, создатели до них не существовавших традиций, но при этом «эклектики-практики, энергично внедряющие и прикрывающие своим именем то, что практически было создано до них целым периодом ушедшей потом в тень исторической деятельности»¹. Один открывал век Просвещения в России, другой завершал его с противоположного временного континуума. И абсолютно не случайно, что понимание и объяснение деяний двух выдающихся персон остается извечно актуальной общественной проблемой для России, а возможно, и исполинской по сложности задачей для гуманитарных наук.

В жизни и, конечно же, в «Письмах русского путешественника» (1789–1790) Карамзин предстает в раздвоенной «литературной позе» — просвещенного «европейца» и одновременно культурно дистанцированного от всего западного «неевропейца». И происходит это отнюдь не в примерочной лицедея. Для Карамзина это осознанная жизненная стратегия, причем не только в качестве познавательной перспективы (с разных сторон увидеть себя, Россию и Европу), но и как осмысленный биографический проект.

Представьте себе молодого человека около 25 лет, прекрасно образованного, с аристократическим воспитанием и манерами, явно увлеченного поиском «истин» в гуманитарной сфере, открывающего для себя европейский мир истории и культуры, с которым ранее он знаком был только по книгам, из чужих рассказов и воспоминаний. Судя по «Письмам», для него это был культурный шок. И хоть, по его собственным словам, вернулся он совершенно измененный телом и душой, тем не менее в своих текстах Карамзин вглядывается в мир чужого Просвещения искушенным взглядом увлеченного и в то же время отстраненного и отчасти ироничного аналитика эпохи, умеренно восхищенного достижениями Запада современника. Для него столь продолжительное путешествие было, пожалуй, самым большим «уроком» в жизни — удивительным озарением ума и сердца. Больше таких концентрированных «уроков» ему не доводилось извлекать. И из всего увиденного и познанного Карамзину требовалось сделать два фундаментальных «просветительских» вывода: чего же не хватает России и в чем заблуждается Европа?

Проехав через Балтию, всю Германию и Швейцарию, Карамзин всерьез задумался о смыслах истории и ее просветительской миссии лишь во Франции, где в тот злополучный 1790 год разворачивалась великая революционная драма, оказавшая большое влияние на ход всей последующей мировой истории, и которую Карамзин будто не приметил. Он,

правда, с некой опаской поглядывал на все происходящее, и похоже, что во Франции его внимание привлекало больше прошлое или, по крайней мере, не меньше, чем все актуальное. И хоть он пристально вглядывался в современное обустройство жизни, о текущей французской политике пишет немного.

В Париже он повстречался с Пьер-Шарлем Левеком (1736–1812), историком и переводчиком из круга энциклопедистов, который по рекомендации Дидро на исходе 1770-х гг. профессорствовал в Санкт-Петербурге, где и собрал достаточно материала для пятитомной «Российской истории» (1785). Карамзин оценил этот труд невысоко, полагая, что его история «имеет много недостатков, однакожь лучше всех других»². Именно эта встреча дала повод для историософского размышления. Карамзин вынужден был признать, что в России нет «хорошей» истории Отечества.

А что значит *хорошей* в его понимании? Писанной с философским умом, благородным красноречием, с критикой. Обратим внимание: речь идет не о научном обосновании, объективной, валидной или хотя бы достоверной истории. Отнюдь нет. Цели хорошей истории в другом: в привлечении к себе внимания, занимательности и доступности. Карамзин рассуждает именно о пробуждении интереса к истории, который, собственно, и должен спровоцировать просветитель своим талантом, умом и вкусом. Для этого в ход можно пустить любые средства: свободный выбор материала, одушевление персон, стилизацию и красочное повествование. Ибо в итоге должна быть сформирована историческая докса — сильная, достойная внимания, удивляющая читателя³.

Карамзину явно симпатичен свободный стиль и избирательность шотландца Юма (1711–1776), известного не только как философа, но и как автора многих трудов по истории Англии. Умение Юма извлекать из истории моральные уроки, обнаруживать в прошлом тонкие проявления добродетели восхищали современников. Но Юм был весьма далек от избирательно прогрессистского взгляда на древнюю и недавнюю историю, свойственного многим просветителям. Он стремился создавать историю, свободную от любых предрассудков. Карамзину хотелось, чтобы отечественная история обрела прежде всего свою истинную просветительскую миссию. Как полагал молодой путешественник, чтобы история была бы написана живо и разительно, с упором на происшествия любопытные, и чтобы в ней, вместо бесконечных и нудных описаний схожих событий, были бы отточены свойства народа русского, характер его героев и отменных людей.

Иными словами, в просветительских целях, согласно Карамзину, не так важно пересказывать бесконечные исторические факты и докапываться до истины, сколько *создать верное впечатление и закрепить образы* Прошлого. А главное, никто не сможет этого сделать для рус-

Андрэ Массон. Медитация на дубовом листе. 1942

ских лучше самого русского, как бы мимоходом утверждает он, очевидно подготавливая самого себя и высший свет к принятию своей великой миссии⁴.

Молодость Карамзина пришлась на расцвет просветительской литературы и поэзии в России, когда классицизм медленно, но все же явно, вытеснялся сентиментализмом, а позднее и романтизмом⁵. А вот просветительская история так и не складывалась как особая интеллекту-

альная сфера деятельности, хотя частично ее функции взял на себя политический роман. Главная причина ее неразвитости скорее была в другом. Под «историей» понималось нечто иное, чем тот смысл, который в нее в то время и позднее стали вкладывать европейцы. В российской общественно-политической мысли того времени «отечественной историей» скорее считалось линейное и поступательное развитие российского государства, истолкованного всеми как само воплощение принципа «высшего блага».

Народ — абстрактная сущность, растворенная в эволюции государства. Этот разворот мысли мы обнаруживали уже у Ломоносова, но к концу века он становится своего рода исходной точкой всякого конструирования Прошлого. «Народ» как конкретно-историческое явление невежествен, и просветить его способен только государственный Разум.

В это же время так называемые архаисты утверждали методологически нечто похожее: исходно благополучное состояние России подверглось «порче», которую они, разумеется, связывали с западным влиянием. И, конечно же, момент «падения», по их мнению, совпадал с петровскими реформами. Впрочем, фигура самого Петра долгое время в общественной мысли была вне критики и подозрений. Не случайно, видимо, именно во второй половине XVIII столетия была изобретена компромиссная формула, согласно которой подлинный регресс начался не с Петра, а с момента масштабного распространения «французской заразы», которую связывали не с именем императора-реформатора, а с деятельностью графа Шувалова. И если позднее славянофилы XIX в. критиковали самого Петра, его «переворот» и немецкую бюрократию, то архаисты конца XVIII в. скорее обличали Москву, а не Санкт-Петербург, и не столько бюрократию, сколько галантную европейскую моду и этикет.

Как бы то ни было, но именно *личность и деятельность Петра* ставили просветительскую мысль перед необходимостью понимания того, что такое *историческая оценка* вообще. Насколько она важна для просвещения народа историей? Каким образом она формирует сознание людей и влияет тем самым на общество и политику в целом. И здесь, пожалуй, Карамзин первым в России развернул всю историю отечественной просветительской мысли в то интеллектуальное русло, в котором и поныне, вот уже более 200 лет, развивается гражданское просвещение.

К теме Петра Великого Карамзин многократно возвращался в своих «Письмах». Отчего же? Ответ, по-моему, прост. Петр I был в его сознании самой главной мировоззренческой точкой отсчета для понимания современной России и всего ее прошлого! Однако написать о нем систематически, подобно Вольтеру, он так и не отважился, а как мы знаем, и в своей многотомной «Истории» вовсе не планировал хронологически дойти до него. Смалодушничал? Не думаю. Ушел от ответственности просветителя? Не совсем так.

Скорее просто не захотел расставаться с юношеской философской «мечтой» об аутентично русском и одновременно европеизированном по собственной воле просвещенном монархе. Начни Карамзин писать о нем что-то нерасхожее, пришлось бы припомнить царю-реформатору все его грехи и преступления. И совершенно не известно тогда, какая оценка Петра в конечном итоге восторжествовала бы у Карамзина как вдумчивого мыслителя и объективного аналитика. А поминание личности и деяний Петра лишь от случая к случаю не мешало Карамзину в течение всей своей жизни видеть в нем лишь «великое» и только на этой трактовке строить свою историческую доксу отечественного Прошлого.

Карамзин первым задумался о том, как вписать отечественную историю в общеевропейскую («универсальную», по Вольтеру). Он считал, что у нас были свои и Карл Великий (князь Владимир), и Людовик XI (царь Иоанн), и Кромвель (Борис Годунов), но был, правда, «и еще такой Государь, которому нигде не было подобных»⁶. Конечно же, он имел в виду Петра. И вспоминает о нем вновь в контексте своего отношения к сочинению Левека «Российская история», ибо готов был, как он пишет в «Письмах», простить французскому историку любые прегрешения, но только не его оценку исторической значимости Петра. Ведь Левек унизил славного монарха, выразив сущность его деяний жесткой и несправедливой мыслью: Петр, «желая создать свою нацию, только лишь подражал другим народам»⁷. Что же так покорило в этой фразе французского энциклопедиста молодого Карамзина? Заниженная оценка Петра? Высокомерие европейца по отношению к российскому кумиру? Или прегрешение перед правдой?

Похоже, что всего было понемножку. Однако Карамзин раздосадован этой мыслью больше по философским соображениям, чем чисто по-человечески. Он рассуждает следующим образом: «...путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им в след друг за другом. Иностранцы были умнее Руских; и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?» Казалось бы, историческая роль страны-ученицы прописана предельно ясно. Но его не устраивает тезис об эпигонстве России. Для Карамзина простой однозначности недостаточно, ибо заимствовать у европейцев, по его мнению, надлежало не для того, чтобы плестись у них в хвосте, а дабы сравняться и, в конце концов, «чтобы превзойти». И как же теперь придать этому тезису просветительский «статус»? Создать мнемонический образ царя, историческое значение которого двояко. Его величие не столько в подражании определенным странам и народам, а в следовании «универсальному» опыту, то есть чему-то наднациональному, «всеобщему» с точки зрения принципов разумности. Да и не столько в самом факте научения у европейцев, сколько в том, что он совершил по отношению к своему Отечеству, ибо надлежало

«свернуть голову закоренелому Рускому упрямству, чтобы сделать нас гибкими, способными учиться и перенимать»⁸.

И тотчас же: «Немцы, Французы, Англичане, были впереди Руских по крайней мере шестью веками; Петр двинул нас своею мощною рукой, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкие Иеремиады об изменении Руского характера, о потере Руской нравственной физиогномии, или не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении...»⁹.

Казалось бы, тезис Карамзина ясен. Заимствование европейского опыта и учености не лишило Россию ее, как говорят историки сегодня, аутентичного культурного кода. Но нет же! Он настаивал как раз на том, что реформы,

напротив, поменяли дух народа и его привычки и, более того, все это было сделано вопреки его желанию. «Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии; для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям»¹⁰. Карамзин исходит из того, что в памяти людей должен быть сформирован совершенно четкий образ: русские не расположены были просвещаться и только «деятельная воля и беспредельная власть» царя смогла произвести быструю перемену. По естественному и непринужденному ходу истории, то есть без «прорыва» Петра, полагал Карамзин, едва ли все это сделалось бы и в два века, что император содеял за 20 лет своих реформ.

И здесь впервые мы видим у Карамзина противопоставление «старой» и «новой» России, о чем он и его современники будут еще очень долго и активно дискутировать в следующем столетии. Но тогда именно такой интеллектуальный поворот был в новинку, в том числе и для формирования истории как инструмента просвещения и культурной политики государства в целом. Такое противопоставление ясно и просто формировало оценочные суждения в общественном сознании, помогало гражданину и большим социальным группам самоопределяться. Хотя оно же подспудно превратилось в базовый фронт всех последующих идеологических столкновений. Внутренняя жизнь страны кипела вокруг массовых настроений в отношении дихотомии русского «старого-и-нового». И этот дидактический ход Карамзина — формирование коллективной памяти на принципе дисконтинуитета отечественной истории — вот уже более двухсот лет признается наиболее удачным в методическом арсенале отечественных просветителей. Причем образы старой России либо работали на мобилизацию во

*По естественному и непринужденному
ходу истории, то есть без «прорыва»
Петра, полагал Карамзин, едва ли
все это сделалось бы и в два века,
что император содеял за 20 лет своих
реформ*

имя перемен, либо создавали контркультурную фронду на основе ностальгических настроений. Социальное «хорошо» и «плохо» всегда проистекали из разного понимания «старого» и «нового».

Карамзин, предложив модель просвещения через конструирование исторической доксы, прекрасно осознавал все актуальные и даже будущие риски. Толкнув русских на путь просвещения, сделал ли Петр их европейцами? Так буквально молодой Карамзин вопрос не ставит, хотя то, что именно интересует его больше всего на свете, чувствуется по настроению его «Писем». Он не находит пока удовлетворяющего его самого ответа и потому предпочитает идти окольной интеллектуальной дорогой. Он мучительно подбирает стилистически корректную формулу логики и последствий великих перемен как единственного пути в универсализм истории.

Карамзин предлагает ее в замысловатой философской оболочке, но при этом в самом что ни на есть адекватном для целей гражданского просвещения виде. В этом он — абсолютный новатор. Карамзин пишет: «Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Руских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое*, ибо я человек»¹¹. Весь курсив в этой цитате сделан самим Карамзиным.

Гражданское образование в соответствии со своими целями и философией призвано выводить человека из исходных контекстов «народной» культуры и прививает ему навыки и компетенции автономного гражданского состояния и качества. Если же при этом возникает социокультурный конфликт, а он возникает с неизбежностью почти что всегда и везде, то разрешен он должен быть в пользу «универсального» начала. Таков вердикт молодого Карамзина.

То, что он вместо понятия «гражданин» прибегает к более расплывчатому по смыслу слову («человек»), то это, скорее всего, по причине пресловутой двойственной идентичности¹². Карамзину-европейцу, безусловно, понятно, что многое, присущее «славянину», если не буквально все, безнадежно устарело и страна страшно отстала от мирового времени. Это состояние России — на задворках истории — было очевидно Петру и его эпигонам. Соответственно, страна нуждалась в благотворном для нее же *принуждении стать европейской*.

То есть к силовому (в политическом, а подчас и физическом, смысле) «повороту» в сторону европейского опыта, культуры и рационального знания. Карамзину же не-европейцу важно было подчеркнуть всеобщий, универсально-мировой характер пути Просвещения. И здесь он сознательно дистанцируется от европейской исключительности, не проявляя симпатий к какой-то отдельной стране, Европе в целом, а отчасти и европейской мысли, ценностям и ее общественно-политическому тезаурусу.

Карамзин говорит о безусловном примате модели «гражданина мира» над любым этнокультурным диктатом в самоидентичности людей, хотя самого понятия «гражданин» он избегает. Возможно, что по чисто «шкурным» соображениям, дабы не быть обвиненным у себя на родине в излишнем вольнодумстве. Но не забудем, что это было французское «письмо», составленное Карамзиным в 1790 г., и слово *citoyen* тогда без сомнений причисляли к революционному жаргону антимонархистов, открыто борющихся со старым режимом, к коим Карамзин себя не причислял.

Да и вообще, следует признать, что позитивные смыслы понятия «гражданин» в социокультурной среде великодержавного имперского «подданства» на закате века Просвещения все еще были весьма не очевидными. Но ни позднее сам Карамзин, ни мыслители XIX века большей ясности в понятие «гражданин» не внесли. «Гражданин» так и не стал притягательной общественной миссией. Несмотря на все попытки, в первую очередь поэтов и писателей, тяжелый груз интеллектуального наследия подданнической культуры дает о себе знать и поныне.

«История» в Записках:

Сперанский, Карамзин и Пушкин просвещают самодержцев

В 1803 г. Александр I дарует Карамзину официальное звание русского историографа, и со следующего года он с головой погружается в работу над «Историей государства Российского», дописать которую ему не позволила смерть в 1826 г. Последний, восстановленный по черновикам 12-й том издавался уже после его кончины. В этом главном своем сочинении Карамзин предстает совершенно другим человеком — в мышлении, политических взглядах и понимании своего жизненного призвания. Судя по этому сочинению, Карамзин был настроен куда более консервативно, чем его «русский путешественник» конца XVIII века. Чем было вызвано это превращение? Конечно, этот вопрос следовало бы прежде всего отнести к биографам Карамзина и историкам, но и нас он интересует в связи с исследованием путей развития отечественного гражданского образования. Впрочем, все по порядку: новый век открывает в просвещении совершенно новые перспективы и предлагает его неклассическое «прочтение».

Приход к власти в 1801 году Александра I нарушил не только привычный политико-идеологический баланс в государстве, не изменив, правда, принципиально саму модель власти, но и привел к быстрым переменам, прежде всего общественно-культурного ландшафта России. Страна вступала в новую эпоху с обновленной расстановкой сил в предвкушении институциональных реформ. Поговаривали даже о республиканских настроениях Александра, но так далеко дело не зашло,

Н.М. Карамзин

консервативный крен к концу первой четверти столетия только лишь усилился. Но молодой император действительно был настроен весьма решительно, «перемен» не опасался и первым в царском роду Романовых проявил готовность к смене модели коммуникации верховной власти с передовой отечественной мыслью. Эпоха выдуманных или заочных бесед с монархами (как, например, с воображаемым Петром) завершилась. Царствование Александра дало толчок налаживанию прямого диалога между социальной, правовой и гуманитарной мыслью и политической волей. Смыслы просвещения стали пересматриваться, и Александр первым испытал на себе этот обновленный алгоритм.

Жанр политических «записок», типичный для закрытого и недемократического

стиля правления, приобретает особую популярность в России в первой половине XIX в., хотя, разумеется, записки писались в большом количестве до этого и после. В этих записках чаще всего рассматривались общественно и политически значимые вопросы с точки зрения философии государственных преобразований. И поскольку царствующие лица, да и не только они, нуждались в интеллектуальной подпитке своей деятельности, то без особых колебаний и стеснения вступали в «переписку» с ведущими умами империи.

Записки могли создаваться в форме посланий или писались просто в стол, но чаще всего составлялись по личному *запросу*, идущему напрямую от того или иного представителя высшего правящего класса страны, заказывавшего тему и ожидаемый результат записки. Известны случаи, когда записки сочинялись «умниками» не самых благородных кровей по заказу именитых сановников, желавших показать свою «продвинутость» на фоне других высших чинов, и потому подавались за чужой подписью. Причем они именно сочинялись, настолько важными в них были не только идеи и конструктивные предложения, но и их высокохудожественный стиль. В этом смысле записки можно рассматривать и как особый литературный жанр.

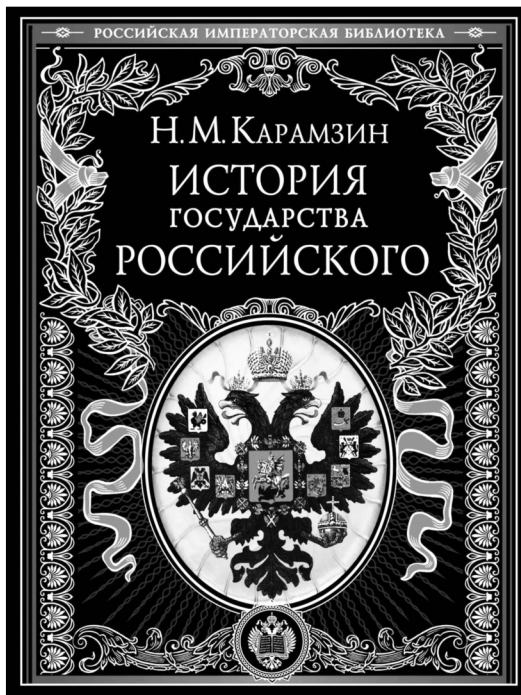
Авторы записок стремились не только интеллектуально повлиять на сознание российской власти, вовлечь ее в актуальный гуманитарно-философский дискурс, но и тешили себя надеждами продвинуть те или

иные частные преобразования, в том числе законодательного и государственно-административного свойства. И поскольку практически любой вопрос решался только на уровне первого и/или первых лиц, то идейное «программирование» политического мышления высшей элиты рассматривалось передовыми умами страны как благородная нравственная миссия и значимое общественное призвание. Записки, увы, почти не влияли на изменение ни самой модели власти, ни политической культуры страны в целом, но все же медленно продвигали страну по пути постепенных преобразований прозападного образца.

Записки писались с невероятной регулярностью и в большом количестве, что в конечном итоге оседало в удивительном «архиве» государственной мысли. Большая часть записок не сохранилась, очень многим трудно приписать авторство, но те из них, которые хорошо атрибутированы, представляют собой прекрасный массив первоисточников для изучения как культурной эволюции Российской империи и ее общественной мысли, так и устойчивой практики непубличных политических коммуникаций, линия которых никогда не прерывалась в нашей истории и успешно продолжается поныне.

Взошедший на престол Александр I, возжелавший подарить своим подданным реформы, окружал себя не только политическими тяжеловесами, но и молодыми людьми с нестандартным и, главное, не чиновничьим интеллектом. В их числе самой заметной в первое десятилетие XIX века фигурой был М.М. Сперанский (1772–1839)¹³. В 1806 году произошло его личное знакомство с монархом, после чего Сперанский быстро приобрел статус второго по значимости и могуществу лица империи, фактически курировавшего всю ее внутреннюю и законодательную политику.

«Введение к уложению государственных законов» (1809) — главный проект его жизни, который, к сожалению, так и не подвинул императора к масштабным переменам в стране. Задолго до составления этого, пожалуй, первого в истории России глубокого и самостоятельного политико-правового документа современного образца, Сперанский пишет несколько записок, причем исключительно, как полагают исто-

рики, для своего личного пользования¹⁴. Но именно в них мы обнаруживаем «свежую» мысль правоведа, оттолкнувшегося от культурного наследия русского Просвещения и предложившего неклассические для своего времени подходы к пониманию общества и государства. Да, собственно, и лексика Сперанского заметно отличается от языка его предшественников. Он гораздо чаще прибегает к таким словам, как «гражданский», «общественный», «политический», «народный» и т.п. Но какой смысл он вкладывал в них, не всегда понятно. Сперанский был последовательным государственным и, как может показаться, свободную гражданскую жизнь не особо почитал. Мне кажется все же, что это не совсем так. Его записки и проекты свидетельствуют как раз об обратном: все они исполнены пафоса свободы и прав человека. Что, возможно, и привело вначале к его опале, а в конечном счете вообще к удалению от дел государственных.

В одной из самых ранних записок, «О силе общего мнения» (1802), молодой Сперанский пытается понять, как складывается «народный дух», что на него влияет и насколько он исторически существен в делах политических и общественных¹⁵. Дух народный (или как Сперанский его нейтрально именует, «общее мнение») суть решающая сила в любом обществе, особенно ставшем на путь просвещения. Но что это за «сила» в понимании Сперанского-просветителя?

Ничего сверхъестественного или свойственного философии романтизма обожествления некоего мистического начала в истории европейских народов. Сперанский мыслит прагматично и конкретно. Для него это дух народный — культура в ее социальном смысле, то есть массовые убеждения, верования, общие ценности и образ мысли и прочие проявления общественной солидарности, источником которых могут выступать как право и форма правления, так и предрассудки, климат и привычки людей. Дух этот формирует «характер» народа, гармонию дел частных и общественных, что для Сперанского принципиально важно, и всяческие гражданские установления, в том числе и склонность людей к определенному типу социального поведения и правилам.

Однако далеко не в каждом обществе рождается этот дух, утверждает Сперанский. И тогда его отсутствие становится величайшей угрозой для устойчивости общества и плодотворной деятельности государства. При этом формируется он зачастую и без всякого содействия со стороны правительств и законов, но может родиться под воздействием планомерного просвещения. Именно на этом сценарии сконцентрировано внимание Сперанского. Ибо, пишет он, из просветительских разговоров и бесед, внушений литературных, научных и художественных разум народный обращается к «государственной материи» и становится силой, подчиняющейся или противоборствующей правительству, но «в том и другом случае всегда заслуживающей уважения»¹⁶.

Интерес Сперанского-реформатора отнюдь не в «манипулировании» массовым сознанием, тем более в условиях сословной империи оно вообще политически едва уловимо. Напротив, он убежден, что правительство для успеха своих начинаний должно заблаговременно *признать пользу общего мнения* и тогда, «не ограничиваясь управлять справедливо, <правительство> пожелает родить общую уверенность в сей справедливости...». Но возможным это станет, только если народ «имеет уже некоторую степень внимательности и просвещения», ибо это — большая радость и удовольствие «управлять народом просвещенным, а не только рабами»¹⁷.

Сперанский мыслит для консервативной империи довольно нетривиально.

Он думает о том, как «созревает» народ, вводит фактор «уважения» по отношению к народу, настаивает на открытости и публичном характере высшей власти, да и в целом абсолютно по-современному формулирует задачи и миссию гражданского просвещения. Именно гражданского, поскольку прежде всего через просвещение видит путь от рабства к гражданской и политической свободе¹⁸.

Но нужно ли управлять этим процессом централизованно? Конечно же, утверждает Сперанский, но не деспотическими методами. А для этого само государство должно приблизиться к началам свободы, уменьшая тем самым число «тайн политических» и приучаясь к тому, чтобы научиться терпеть свободу мысли своих подданных. Иными словами, правители и чиновники сами нуждаются в том, чтобы стать просвещенными¹⁹. И, вторя французским энциклопедистам, вновь напоминает своим современникам, что законы без «нравов» не могут стать ни эффективными, ни успешными. А значит, «общее мнение» не только само по себе выступает важным ресурсом воспитания народа, но и является важнейшим источником нравственного чувства, особенно у лиц, облеченных публичной властью.

Просветительские идеи Сперанского принципиально отличаются от представлений его российских предшественников. Для него гражданское просвещение — это взаимное интеллектуальное движение власти и народа друг к другу — в понимании, с одной стороны, и уважении — с другой. А это возможно исключительно на основе «общего мнения». *Конструирование общего мнения* — самая интересная и фундаментальная задача, которая стоит перед реформаторами. Она сколь привлекательна, столь же сложна и ответственна.

Государство должно приблизиться к началам свободы, уменьшая тем самым число «тайн политических» и приучаясь к тому, чтобы научиться терпеть свободу мысли своих подданных.

М. Сперанский

Как часто в российской истории реформаторы забывали про эту «норму» гражданского просвещения во имя общественных преобразований. И совсем не сложно представить себе, какое отвращение и негодование могли вызвать эти рассуждения у большей части российской элиты, не привыкшей и не помышлявшей в начале царствования Александра I ни о каком, тем более «обязательном», уважении к народу. Взгляды Сперанского были унизительны для власти и самодержавия. Очевидно, предвосхищая подобную реакцию, он многие свои ранние записки писал самому себе в стол.

Про историю и прошлое Отечества он не обмолвился ни единым словом в той ранней записке. Его мысль преимущественно сосредоточена на праве, что совершенно логично для правоведа. Впрочем, нельзя думать, что он игнорирует гуманитарную составляющую просвещения и воспитания элит. Сперанский пишет главным образом о политической грамотности и общественных знаниях; напряженно ищет *источники гражданской морали не в метафизике Прошлого, а в прагматике Настоящего*.

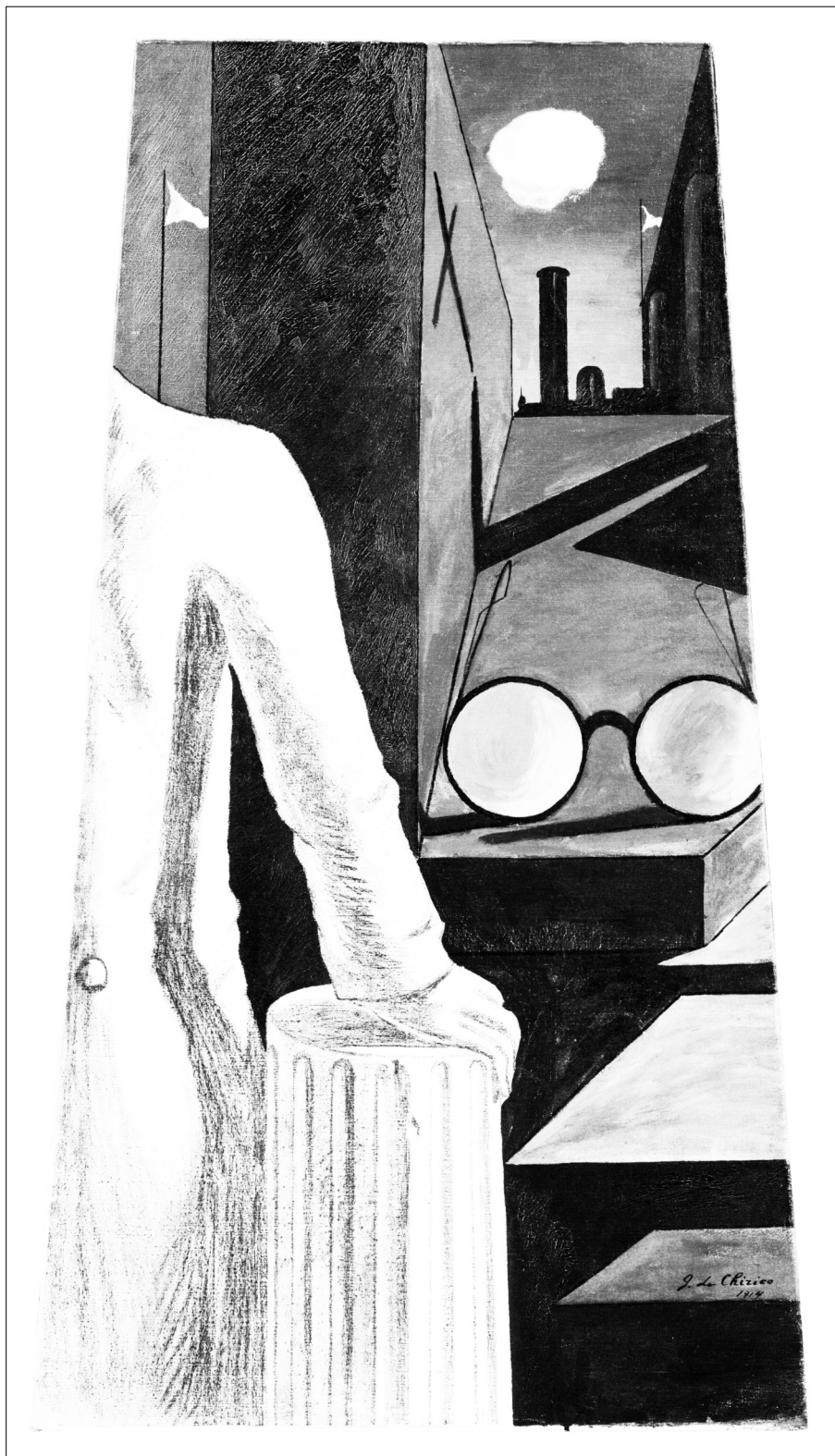
Он намерен был решительно реформировать систему образования в разных видах эффективного обучения соискателей государственных должностей всех уровней. Но и здесь речь у него идет не об изменении модели, а ее усовершенствовании. Точнее, обновлении. Сперанского не устраивал ни принцип чистой лояльности чиновников, ни обязательная сословная принадлежность в качестве формообразующего «сита» для занятия государственной деятельностью. Поэтому в его доктрине «знаниевой бюрократии» гуманитарно-гражданская составляющая была не столь важна в сравнении с правовой, языковой и общеобразовательной подготовкой. И все же несправедливо по крайней мере молодого Сперанского относить к лагерю охранителей и консерваторов. Да, он вбрасывал новые либеральные идеи очень дозированно и весьма осторожно, но скорее не из философских побуждений, а чтобы быть понятым и не отпугивать своих политических соратников и попутчиков непривычными для них мыслями.

В двух замечательных записках — «О духе правительства» и «Об образе правления», написанных на одном дыхании 13 сентября 1804 г.²⁰, Сперанский развивает интересный подход к проблемам гражданского просвещения под углом зрения политической культуры властных элит. Он настойчив в своем понимании просвещения как источника свободы и соответственно преодоления самовластия во всех его проявлениях. Но при этом Сперанский пытается также убедить читателя, как он пишет, «в истине весьма странной», о том, что все политические порядки в мировой истории были деспотическими по природе своей. Самовластные ли, республиканские — различие между ними «только в словах». Республиканский строй сам по себе не меняет политические практики, не делает общества более справедливыми.

Сперанский пишет: «Если бы история и не представляла нам сих явлений, то по первому воззрению разума изъяснить себе можно, что в толпе людей управляющих, под каким бы названием ни была она составлена, на всякую данную минуту во всяком важном деле есть и должен быть один голос, один интерес, один человек, который всех других перевешивает. Сей человек, сей голос есть совершенный деспот на ту минуту и в том деле»²¹. И в этом смысле нам должно быть безразлично, имеем ли мы дело с деспотом, правящим до смерти, или с выборным республиканцем, краткосрочно узурпировавшим власть. Следовательно, между двумя формами правления разница не в сути, а во времени нахождения у власти. И история дает нам ясные «уроки» относительно этого. Значит, если не желать деспоту насильственной смерти, остается лишь полагаться на его душу, образованность и отсутствие славолубия? Но можем ли мы оставаться уверенными в этом до конца?

Единожды приняв для себя это отчасти просветительское, а отчасти даже ренессансное толкование просвещенной власти, Сперанский приступает к работе над своим главным интеллектуальным достижением — «Введением к Уложению государственных законов» (1808). Он не видел никакого другого пути преобразований, кроме как укреплять правовые и институциональные основания политической и гражданской жизни. Но, не полагаясь на человеческую природу и «добродетельность», не подвергая сомнению легитимность действующей модели российской «державной власти», Сперанский, пожалуй, первым в России тщательно продумал и обосновал самый приемлемый путь обновления государства через политическую волю и право («державной властью по законам государственным»). Что с тех времен мы не вполне корректно именуем «модернизацией сверху».

Вызов, брошенный Сперанским, состоял в политическом предложении — и признании его в качестве «единого мнения» — потенциальной возможности реформирования государственного устройства России на основе универсальной теории правового государства. И для этого у него не было необходимости в том, чтобы искать оправданий в историческом прошлом. Да и вообще всякое обращение к истории было для него, очевидно, важным лишь с точки зрения обнаружения в ней именно универсальных «уроков» и общего для всех европейских стран опыта. Пожалуй, именно этого Сперанскому не могли простить многие выдающиеся умы начала столетия, кто не столько сопротивлялся попыткам укрепления конституционных основ просвещенного абсолютизма в России и его обновления, сколько искренне верил в то, что реформирование страны невозможно и даже недопустимо на основе западного универсализма. Для этих целей отечественная история им была в помощь, ибо только в ней они искали вдохновение, уверенность в своей правоте и документированные источники для утверждения тезиса об *альтернативности* российского самодержавия.

Джорджо де Кирико. Безмятежность ученого. 1914

Таким образом, отвлеченность Сперанского от прошлого родного отечества и его сосредоточенность на актуальном в известном смысле шла поперек колеи российского просвещения. Он, как мы помним, писал записки изначально «для себя» и, возможно, поэтому недооценивал культуру восприятия своих текстов-консультаций. Его мало интересовала русская идеология, а она как раз традиционно была чрезвычайно насыщена смыслами и символами своего «великого прошлого». Наверное, оттого современники Сперанского никак не могли полностью принять его стратегию перемен и отдать российское прошлое в «жертву» прагматическим потребностям Настоящего. О чем накануне войны 1812 года Александру I вновь напомнит Николай Карамзин в своей знаменитой «Записке о древней и новой России», составленной, правда, уже не по велению сердца, как это делал Сперанский, а по «просьбе» сестры русского самодержца, великой княгини Екатерины Павловны.

Многие исследователи полагают, что «Записка» Карамзина была написана в жанре заочной дискуссии со Сперанским, в духе критики реформаторских намерений царя и его окружения. Думаю, что лишь отчасти. И хотя записки Сперанского не были открытыми для публичного ознакомления, тем не менее Карамзин, безусловно, вполне предметно был знаком с идеями реформаторов²². Противостоять же им он считал возможным лишь через знание о прошлом, что впервые в общественной мысли России становится главным ресурсом для критики власти и культурно-идеологического оппонирования. И все же замысел Карамзина был глубже и его «Записку» нельзя отнести к категории памфлетов, сочиненных на злобу дня.

Итак, по легенде Карамзин составляет «Записку» по просьбе сестры Александра I, проживавшей накануне войны в Твери, где в марте 1811 года она представила историка императору. Карамзин зачитывал в тот вечер вслух отрывки из своей «Истории» и беседовал с императором о судьбе русского самодержавия. Во мнениях они не сошлись, но Александр все же ночью внимательно читает его «Записку», и расстаются они поутру прохладно. Не сошлись в главном. Карамзин настаивал на неизбежности политического строя и общественных порядков в стране, император же, тогда еще, видимо, находившийся под влиянием Сперанского, был более расположен к видению будущего страны через модернизацию государства. И не обнаружив в «Записке» почти ничего, что укрепило бы его в этом намерении, был раздосадован.

В «Записке» Карамзин действительно предстает не просто как систематизатор исторических фактов, выстраивающий «правильную» логику в согласии знаний о прошлом, но и как просветитель, извлекающий «надлежащие» уроки из истории и посему претендующий на роль общественного, светского старца, народного «ментора», создателя «правильной» исторической доксы. «Записка» по замыслу Карамзина должна

была статья не столько «сухим остатком» его многотомной «Истории», сколько концептуальным трудом, *легитимным мифом* об истории Отечества²³. И поскольку уже в то время он примерял к себе новый мундир «придворного мудреца», то и неслучаен его особенный, не строго повествовательный, а больше дискурсивно-назидательный стиль.

Карамзин отчетливо понимал, что задает своей «Запиской» на долгие годы вперед политический и гражданский язык, по крайней мере для высшего света и государственной власти в целом. И, что, пожалуй, самое главное, впервые в отечественной мысли предпринимает попытку сделать настоящее и будущее страны *культурно детерминированными ее исторической колеей*. Ибо отныне достаточным станет один простой ответ либералам и модернизаторам разных мастей: всякие преобразования в России, меняющие самодержавную природу российского властного порядка, противоречат смысловому «коду» отечественной истории, нарушают нашу культурную идентичность, а потому не логичны и обречены на провал. Этот имманентный резон отечественных консерваторов, как мы знаем, не меняется вот уже более 200 лет. С некоторыми модификациями и в вольной импровизации он присутствует в рассуждениях буквально всех мыслителей охранительного толка, от славянофилов до сегодняшних «державников», включая Розанова, Ильина, Тихомирова, Данилевского, Победоносцева и многих, многих других.

Для целей же нашего очерка гораздо важнее, что именно этот метанарратив русской истории («миф» или «конструкт», не суть важно, как вы его назовете) с того времени становится *ключевым* в отечественных практиках гражданского просвещения охранительного толка. Даже в советское время мы обнаруживаем его же, правда в немного трансформированной версии.

Как мыслить актуальную Россию как историческое государство? Через ее долгий путь: уникальный и неповторимый, не приемлющий универсализма, ибо Россия и есть сама аутентичная цивилизация. Как мыслить будущую Россию? Все так же: через ее Прошлое, которое задает нам один «правильный» путь вперед. Обществу предложено «логично» думать о том, что Россия была, есть и будет страной самодержавной, лучшим сценарием для которой будет мягкий, разумный, просвещенный, по-отчески заботливый абсолютизм. Придумайте сколько угодно эпитетов, улучшающих и украшающих верховную власть, но не затрагивайте ее самовластного фундамента. Такая историческая докса, как мы увидим, была абсолютно мастерски придумана и сотворена Карамзиным.

Исследователи давно поражаются, каким образом совершенно приватный текст, о котором вообще мало кто знал за пределами царской семьи, и который по плохо сохранившимся и не всегда согласованным копиям лишь отрывочно публиковался на протяжении почти что ста

лет, смог оказать такое глубокое воздействие на весь ход эволюции отечественной общественной мысли²⁴. Объяснений может быть много. Мы вполне можем допустить, что рукописные фрагменты «Записки» могли передаваться из рук в руки. Во-вторых, многие идеи были прорисованы Карамзиным позднее в его «Истории». В-третьих, салонно-кружковые субкультуры XIX века способствовали циркуляции идей через устное слово, которые и жили только «на слуху». Наконец, в-четвертых, общий абрис охранительной идеологии был подготовлен всем ходом российского просвещения в предшествующее столетие, и поэтому даже отрывочные фрагменты и тезисы Карамзина хорошо и быстро приживались на возделанной почве консервативного умонастроения.

*Если в Европе шел диспут
об идентичности и взаимозависимости
культур внутри единой западной
цивилизации, то в России он скорее
породил умственное желание
отгородиться от западного ареала
культуры и рационального
(само)познания*

Но почему Карамзин уже в заголовок «Записки» выносит идею о контрасте древней и новой России? Только лишь оттого, что сама Россия мыслила себя дискретно: до и после Петра Великого? Или в этой смысловой интриге был какой-то особый просветительский замысел? Конечно же, такой заголовок «стержнем» войдет в сознание читателя и навсегда останется в его памяти, даже когда позабудется основной текст. Однако, как мне кажется, высокообразованный Карамзин самим заголовком пытался вписать свое сочинение в европейский просветительский дискурс «старого» и «нового», что позволяло ему приписывать свою «Записку» к ряду мировых просветительских сочинений.

Примечательно, что идеологическое противопоставление разных эпох впервые публично случилось в западноевропейской эстетике в период расцвета классицизма во Франции во второй половине XVII века, то есть приблизительно за 150 лет до Карамзина. Речь тогда шла об эстетических достоинствах античной и современной литературы и искусств в блистательный век Людовика XIV. Это культурное столкновение, правда, не выходило за стены Академии и отражало прежде всего возрастание амбиции национальных художеств и науки, бросивших вызов античной классике. Дискуссия оказалась очень затяжной и осталась в памяти европейцев как долгий «спор о древних и новых»²⁵, который все же под занавес столетия завершился формальным примирением сторон. Тем не менее этот «спор» в более масштабном измерении как противоборство «старого» и «нового» в канун торжества эры Просвещения перекинулся в соседние с Францией страны и покинул

пределы чистой эстетики, переместившись буквально во все смежные сферы гуманитарного знания, ибо затрагивал первоосновы процесса цивилизационной трансформации на Западе. «Древнее» и «новое» с той поры становятся базовыми временными параметрами разного качественного состояния государства и общества с очевидным ценностным преимуществом в пользу «нового».

Отголоски спора с опозданием почти что в три поколения докатились и до России, но уже все больше напоминая серьезную мировоззренческую полемику, развернувшуюся не столько между идеологическими оппонентами, сколько крайними апологетами русского Прошлого (в частности, в лице архаистов) и умеренными «примирителями» современных новаций и исконных традиций (подобно поэту Державину)²⁶. Но если в Европе это был диспут об идентичности и взаимозависимости культур внутри единой западной цивилизации, то в России он скорее породил обратное интеллектуальное движение: умственное желание отгородиться от западного ареала культуры и рационального (само)познания. Ибо сама Россия — это аутентичная цивилизация, и в ее истории несложно разглядеть относительно четкую грань между «древним» и «современным» состояниями, о подлинной сущности которых стало возможным открыто дискутировать лишь ближе к концу XVIII века.

Такова была общая диспозиция накануне написания Карамзиным своей «Записки». И он, похоже, отчетливо осознавал, что именно ему суждено подвести под этой полувековой дискуссией своеобразную черту.

Первым же предложением своей «Записки» Карамзин обозначает просветительскую «пользу» исторического знания. Как аксиому, он утверждает: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее...». И глагол «бывает» здесь не содержит никакой условности (наподобие «может быть»), а только лишь утверждение, как если бы Карамзин написал: обязательно бывает! Для него нет сомнений в прямой зависимости настоящего от прошлого. Равно как и нет иллюзий или заблуждения относительно «полезности» правильного и корректного понимания прошлого в настоящем (прагматика исторической доксы).

Вкратце описав ход истории от древнейших времен и до образования централизованного государства и избавления от монголо-татарского ига, Карамзин резюмирует этот долгий «древний» период в виде «истин», то есть тех обобщающих утверждений, которые выходят за рамки фактов, но которые необходимо знать в качестве просветительских «уроков». Каковы же эти главные «уроки»? Карамзин ограничивает их число двумя: «...история наша представляет новое доказательство двух истин: 1) для твердого самодержавия необходимо государственное могущество; 2) рабство политическое не совместно с граждан-

ской вольностью»²⁷. И тотчас же в отношении консолидирующей деятельности московских великих князей Карамзин предлагает читателю парадоксальный термин «истинное самодержавие», как если бы сама власть каким-то образом корреспондирует Истине высшего порядка. Но как оно исторически стало возможным? Диагноз историка, выступающего в данном случае еще и в роли политического аналитика, однозначен: (а) после обретения независимости от ига варваров, (б) присоединения новых земель и (в) благодаря уничтожению последних остатков республиканизма в России, особенно в северных территориях («умолк вечевой колокол»). И здесь Карамзин ставит логическую точку, ибо «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»²⁸.

Какой еще надлежит извлечь просветительский урок? Умная политическая система, сообразуемая с обстоятельствами времени, может быть только в одной форме — самовластного самодержавия. И чуткий к языку Карамзин наделяет эту форму двумя эпитетами — «мудрый» и «истинный». Первый полагает интеллект конкретного политика, второй придает форме правления надличностный характер, ибо она соотносится в первую очередь с метафизической истиной. И далее разъясняет, почему всякая власть в стране становится «излиянием монаршей» (государевы слуги) и почему сам «царь сделался для всех россиян земным Богом» (то есть даже больше, чем помазанник Божий). Карамзин, конечно же, не приемлет грозного всевластия, но те царствования, что находились в гармонии с народной добродетелью, суть лучшие страницы истории Отечества.

Формула преуспевающей и счастливой России, по Карамзину, до наивности проста: *единовластие + просвещение граждан + политический класс с кодексом чести*. Без сомнения, эта формула была сконструирована им исходя из базовых постулатов французской социальной философии и учения Монтескье в особенности. И отражает она сословные представления прогрессистов об устройстве «правильных» государства и общества. Но именно эти представления мешали Карамзину принять существующий порядок в России, смириться с корыстолюбием и карьеризмом администраций, реформаторским прожектерством, не сопровождаемым никакими практическими шагами.

Похоже, что самый последовательный и прозападный просвещенец в России искренне считал, что «европейские прививки» русскому самодержавию приводят лишь к разрастанию злокачественной бюрократизации в управлении страной и тем самым перечеркивают весь позитив просветительского универсализма. Ю.М. Лотман справедливо указывал на то, что Карамзин вполне бы мог сам предложить императору Александру свой проект обустройства России с тешащими самолюбие самодержца «образами» счастливого будущего, прорисованного по швейцарским впечатлениям русского путешественника. Но он пре-

Ив Танги. Предметы времени. 1939

красно понимал безнадежность этого пути. Советовать императору бессмысленно, каждый новый проект, как и все предшествующие, ляжет под сукно. Остается один путь — просвещать его систематически, даже если читать «Записку» станет для него не самым приятным занятием. И Карамзин со всей последовательностью, беспристрастностью и философской глубиной подверг беспощадной критике все

начинания самодержца и осудил их²⁹, что ошибочно трактовалось как завуалированная критика Карамзиным самого Сперанского.

Карамзин, скорее всего, все же был знаком с конституционными идеями и проектами Сперанского, и не то чтобы он не принимал их, сколько вообще как историк критически относился именно к российской практике европейских заимствований, восходящей к Петру, в том числе импорту институциональных и управленческих решений. И отсюда вся его нетерпимость к российскому классу чиновников, живущих «на жаловании», ко всей политической системе, неумело скопированной с модели европейского бюрократического деспотизма. И в этом, следует признать, он близок Сперанскому. Но Карамзину был свойствен вдобавок еще и наивный политический романтизм: он тосковал по патриархальному укладу и архаичному самовластию. А в этом он диаметрально противоположен Сперанскому. Безусловно, поэтому свою интеллектуально-нравственную энергию он черпал из прошлого, точнее из сконструированного им же самим Прошлого. Но как бы то ни было, чистая прагматика актуальности его, как повествователя и аналитика, не устраивала абсолютно. Следовательно, вся просветительская мнемоника, по Карамзину, должна была работать на укрепление основ российской идентичности и аутентичности своего вектора развития, не копируя буквально ни западный опыт, ни его нравы.

И поэтому Карамзин вновь обращается к эвристике исторической оценки Петра Великого. Но на сей раз мы видим уже не реакцию восторженного последователя и молодого русского путешественника, а нечто совершенно иное, взвешенное и трезво-критическое. Разумеется, Карамзин не отказался от былой апологетики Петра, но двадцатилетняя разница между двумя сочинениями, его аналитическое взросление и, что немаловажно, кардинальные перемены в геополитическом ландшафте Европы и России уведут Карамзина от однозначности в исторических оценках. Он понимает их ограниченность и ошибочность. И без особых методологических колебаний обращается к сослагательному наклонению в повествовании, взвешивает рациональные *pro et contra*, пытаясь обнаружить с просветительской точки зрения наиболее корректную формулу *историзма Петра*, иными словами, Петра I как исторического «феномена»³⁰. Наконец, в «Записке» он подбирает «нужные» слова и предлагает искомую формулу всему высшему свету и правящему самодержцу, поскольку тот также предъявляет себя миру как царь-реформатор. Карамзин пишет: Петр «велик без сомнения; но еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добродетелей». Конечно же, Карамзин вменял в вину Петру и чрезмерную жестокость, принуждение и насилие над соотечественниками, личные пороки и худое воспитание, и многие другие, как Карамзин сам признает, «ошибки» царя. Но, пожалуй, самое сильное и главное обвинение в том, что «мы стали

гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр»³¹. Чего же стало не хватать Карамзину в историческом феномене Петра Великого?

Если Радищеву не доставало в петровских переменах свободы, то Карамзину хотелось бы добавить уважения к человеческому достоинству³². Он не сомневается в значимости петровских усилий в сфере «гражданского просвещения» (да, именно такими словами он и формулирует), но не видит исторической необходимости в том, чтобы и образ жизни россиян, их ценности и верования были подвергнуты насильственной трансформации. Вмешиваясь в привычный уклад жизни миллионов людей, Петр, по мнению Карамзина, нарушал договорные основы государства. «Пусть обычаи изменяются естественно, но предписывать им Уставы есть насилие незаконное и для монарха самодержавного»³³. И тотчас же, как бы мимоходом, формулирует важнейший для себя философский тезис: «Два государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях»³⁴. Карамзин почитал традицию во всех ее проявлениях и, разумеется, преемственность, полагая, что государства и обычаи людей если и будут меняться, то постепенно, ибо все зависит главным образом от степени просвещенности элит и народа.

Радищев сделал ставку на общество и его приоритетность перед монархией, развитость которого гарантирует наличие или недостаток свободы (и политически проиграл!), Сперанский поставил на право и права человека (и подвергся опале), а Карамзин центр «тяжести» перенес на культуру государства и достоинство личности (и идеологически выиграл!). Очевидно, поэтому поначалу Александр весьма холодно отнесся к его «Записке», ибо узрел в ней прямую критику как всех своих личностных качеств, так и достоинств государственного деятеля. Но позже оценил ее эвристичность и долгосрочную перспективу.

Карамзин составлял свою «Записку» как человек, осознающий свое личное достоинство, гражданский и профессиональный долг. Он общался с Александром через текст (а позже и напрямую) не только как свободная личность с устойчивой общественной позицией и своей философией, но и как следующий своему призванию историк, приоткрывающий «дверь в бессмертие». Его гражданский долг — поведать людям о том, что будут думать о них потомки³⁵. Так Ю.М. Лотман толковал то гражданское бесстрашие³⁶, с которым Карамзин общался с императором, предлагая ему взглянуть на «новую» Россию через оптику России «древней». А то, что картина получается удручающей, то нет в том вины историка. Избрав такую, замысловатую на первый взгляд, тактику, Карамзин как раз и добивается в итоге доверия у сложного по нраву и очень мнительного монарха, который хоть и не сделал его царедворцем, но негласно закрепил за ним статус государственного «голоса истории».

Прямота мнения, независимость суждения, фундированное знание о прошлом — таковы компоненты просветительского урока Карамзина для всех подданных России. Пытался ли он перевоспитать царя? Вряд ли. Но когда была возможность, всегда открыто говорил с ним, советуя и донося свое мнение по всем вопросам. Пытался ли он просветить царя? Очевидно, да. Донести до венценосной персоны свою историческую доксу (пусть даже и в научном смысле несовершенную, с точки зрения профессиональных историков последующих поколений), витиевато обрاملенную в форму «суда истории», — ответственность безграничная. Император же в свою очередь принимал эту «театрализацию» покорно и, как можно вообразить, не без удовольствия,

*Главное, считал Пушкин,
прекратить «раздачу чинов» исходя
из лояльности и крепче привязать
к наукам и просвещению в целом*

представляя себя в роли Македонского, выслушивающего увещевания Аристотеля³⁷.

Пройдут два с лишним десятилетия, и Пушкин попытается провести через цензуру фрагмент «Записки» Карамзина для ее первой открытой публикации. Действовал он не только из просветительского убеждения в важности исторической грамотности и целостного видения Прошлого, сколько, вероятнее всего, движимый желанием преподать Николаю I «урок» о пользе истории и как надлежит выслушивать историка. Разделял ли Пушкин во всех нюансах идеи и мысли Карамзина, наверняка сказать нельзя. Но поразительным образом это событие по времени совпадает с так и не завершенной работой самого Пушкина над своей «Историей Петра I». А вот случайно ли это совпадение? Не думаю. Пушкин сам, видимо, решил примерить кафтан просветителя, обращаясь к прошлому, и, по уже вполне понятным причинам, он привлекает внимание читателя именно к историческому феномену Петра Великого. Так очень логично и красиво был продолжен отечественный цикл исторических штудий во имя гражданского просвещения после кончины Карамзина и Александра.

Известно, что первую половину 1826 года Пушкин провел в ссылке в Михайловском, а осенью был неожиданно вызван в Санкт-Петербург. Там 8 сентября между ним и Николаем I состоялся разговор, в ходе которого император якобы попросил поэта поделиться соображениями относительно постановки дела просвещения в России и, как нередко утверждается, намекнул, что это к нему будет первое поручение государственной важности. В ноябре 1826 г. Пушкин сочиняет свою записку «О народном воспитании», которую уже в декабре передали царю³⁸. Посредником между ними до написания и после выступил сам граф Бенкендорф.

Ситуация по меньшей мере странная. Почему вчерашнему ссыльному, известному вольнодумцу, поручают дело государственной важности? Какие цели при этом преследуются? И не возмнил ли Пушкин себя на время министром просвещения России?

Николай I, в отличие от венценосного брата, делал одновременно много ставок и на сей раз раздал «поручение» и другим известным литераторам. Очевидно, император был серьезно озабочен переменами, поскольку как разумный человек увязывал декабристов и просвещение в один сложный идейно-политический узел. Пушкину была возвращена свобода в полной мере, а сам император демонстрировал серьезность намерений в отношении реформ, по крайней мере в сфере культуры, просвещения и образования. Ему нравилось почитаться за реформатора, подобно Петру, и тогда, в 1826 г., он создавал в стране атмосферу новых иллюзий. Его знаменитый манифест от 13 июля 1826 г. об учреждении Верховного суда по «делу декабристов» был написан рукой Сперанского.

При этом Николай, судя по письменному отзыву Бенкендорфа, отреагировал только на записку Пушкина, и, мягко говоря, неблагоприятно. Вполне ожидаемая реакция со стороны императора на культурно и нравственно чуждый ему гражданский и философский дух записки. И сохранившиеся царские пометки на полях рукописи, а он поставил ни много ни мало 38 вопросов к относительно короткому тексту, показывают весь фронт их разногласий. Но более всего, вероятно, императора раздражала нелояльная тональность всей записки и, конечно же, легко считаваемая оппозиционность поэта к институциональным начинаниям царя.

Но представим себе саму ситуацию, в которой оказался Пушкин. *Просвещать самодержца на предмет Просвещения*. Согласитесь, не простая задача. А если учесть, что со времени событий на Сенатской площади не прошло и года, затруднительное положение 27-летнего поэта вообразить себе не сложно. А обойти вниманием декабристов не удастся. Пушкин это прекрасно понимал. Судя по переписке с друзьями, он вначале немного колебался, не отвергнуть ли просьбу вообще, но все же принял ее, побуждаемый моральным чувством ответственности перед Отечеством, желая ему добра. Абсолютное *déjà vu*. Ситуация поразительно схожа с той, в которой долгие годы пребывал Карамзин, изрекая «правду» в глаза императору и действуя, таким образом, исключительно сообразно осознанию своего гражданского долга. Но, увы, история не повторилась, доверие к поэту как гражданскому мыслителю не стало итогом царского прочтения текста записки.

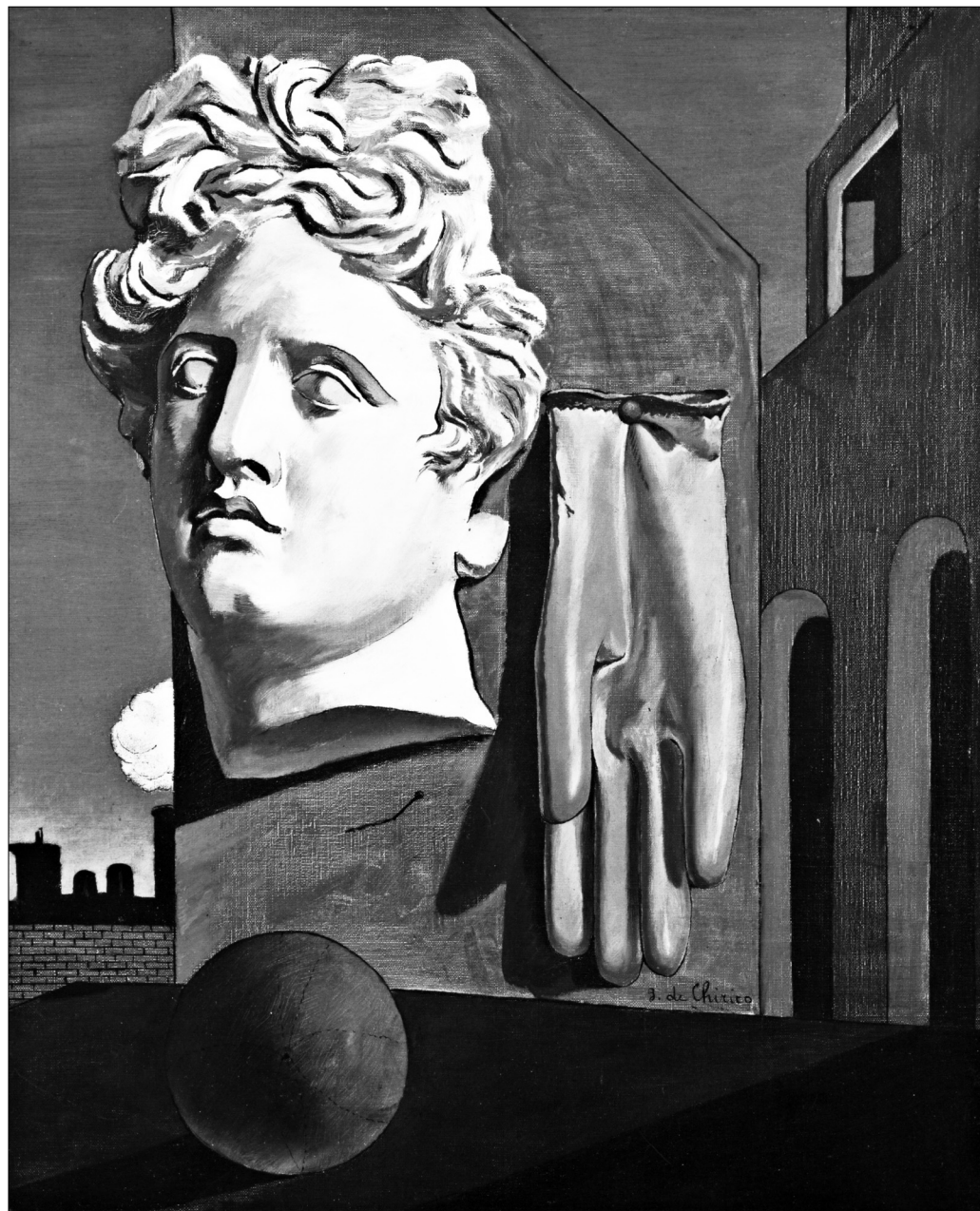
Записка была составлена Пушкиным ровно 15 лет спустя после написания Карамзиным своей «Записки». В эти годы многое произошло внутри страны, что повлияло на стиль, язык, формулировки и общий замысел текста. А у Пушкина, в отличие от Карамзина, он был до

самых глубин проникнут смыслами гражданской дидактики. Отчего многие его практические соображения и предложения казались тогда, а могут показаться и поныне по меньшей мере странными. Но ведь главное, чего ожидали от Пушкина — его искреннего признания существующей модели просвещения в стране неудачной, раз она способствует взрослению таких молодых людей, как декабристы. Да и такого, как сам Пушкин, тоже. Отчасти поэт признал этот печальный для себя факт, но весьма странным способом и с неожиданным подтекстом. То не было признанием льстеца или карьериста.

Прежде всего Пушкин в тексте своей записки выступает откровенным сторонником универсализма, институционализма и отчасти даже государственнымником. Не слишком ли это радикальный вердикт для публицистического текста поэта и вольнодумца? Отнюдь нет. Предчувствуя сложные судьбы молодых людей в царствование Николая, еще одного грядущего бессмысленного поколения, не востребованного родиной, Пушкин с присущим ему пафосом скорбно утверждает, что историческая преемственность в стране нарушена, но виной тому не излишек просвещения, а напротив — его нехватка. Тезис Пушкина весьма любопытен как антитеза антизападному консерватизму того времени. Он и сегодня по-прежнему актуален и звучит очень свежо. Поэт пишет: «...не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания, есть корень всякого зла». Но разве молодые современники Пушкина были плохо образованы? Похоже, что ответ поэта на этот вопрос был бы однозначно негативный. Но тогда, спрашивается, в чем он видел «порочность» в принятых в России практиках воспитания?

Пушкин начинает с того, что громит российскую модель домашнего учения, и что самое удивительное, клеймит ее как безнравственную. И это вопреки всем идиллическим картинам патриархального воспитания в старорежимной России. Оно пагубно и с точки зрения взросления личности, ибо не прививает отроку должных моральных принципов, и образования, ибо полученные таким способом знания несистемны, фрагментарны и несовременны. Недалеко от него уходят и пансионы. Да и вообще, по мнению Пушкина, всякое частное воспитание вредно и бессмысленно. Более того, не поддержал поэт и заграничное образование, хотя признал его эффективность.

Пушкин — *крепкий государственныйник*. Он искренне полагал, что дело народного просвещения должно быть сосредоточено в руках только государства. И прежде всего так называемое дворянское просвещение, миссия которого в выращивании новых поколений «сословия чести», должно быть неотъемлемой частью единой государственной системы. Казалось, такой поворот мысли поэта должен был бы понравиться императору. Но именно в этом они как раз и разошлись, причем кардинальным образом.

Джорджо де Кирико. Песнь любви. 1914

Принцип «знания» и принцип «лояльности» — как факторы карьерного роста высшего и служивого классов — в первой половине XIX века часто вступали в противоречие. Сперанский, судя по его записке 1808 г. о реформе образования в России, мечтал их развести и предотвратить их пересечение. Только знания и способности могут считаться надежными критериями карьерного, профессионального и политического роста, а лояльность престолу — нравственный выбор каждого отдельного чело-

века. Но в реальной жизни образованность и лояльность были в полной зависимости, противореча тем самым интересам государства, общества и личности. Кстати, Сперанский тоже это прекрасно понимал.

Николай полагался больше на лояльность, Пушкин был убежден в перспективности образования. Главное, по его мнению, прекратить практику «раздачи чинов» исходя из лояльности и крепче привязать к наукам и просвещению в целом. Здесь он буквально — даже текстологически — следует за Сперанским. Однако мудрый император, по запросу которого составлялась записка, прекрасно понимал, что верно-подданнические настроения узкого сословия скорее гарантируют спокойствие престолу и государству в целом, чем масштабная образовательная реформа. И поэтому совершенно не желал пожертвовать проверенной временем практикой «раздачи чинов» по высочайшему усмотрению в угоду прагматическому образованию и гражданскому просвещению. Убеждать его в правоте обратного спустя лишь год после событий на Сенатской площади было делом безнадежным. И то, что Пушкин все же пошел на это, не столько свидетельствует о его политическом инстинкте и гибкости, сколько о чувстве гражданского долга, нарушить который ему не давала совесть. И здесь мы видим, насколько этот его поступок с точностью до деталей копировал линию гражданского поведения Карамзина. И не вспомнить о нем с почтением Пушкин просто не мог. Подражая во многом именно ему, он настаивал на том, чтобы молодые люди изучали прошлое Отечества по «Истории государства Российского», что есть «не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека». Похоже, что Пушкин и сам бы удовлетворился таким немногословным, но вполне достаточным, комплиментом потомков в свой адрес.

Рассуждая о содержании «дворянского просвещения», Пушкин достаточно неожиданно для читателя записки подробно останавливается на вопросе преподавания истории. И его подход уже никак нельзя считать типично просветительским. Вспомним, Ломоносов в свое время в пику европейским историографам, и Вольтеру в первую очередь, делал гражданско-дидактический акцент на *образах* прошлого и исторической доксе *пророссийской направленности*. Карамзин основывался на обновленной и уточненной сообразно научному подходу и интересам государства исторической доксе — особенно ценных для политиков высших рангов *исторической «оптике»* и *эвристичных «уроках»*, извлекаемых из прошлого.

Пушкин видит гражданскую миссию истории более многопланово. Для младшей ступени детям достаточно предложить простую историческую выжимку, «голый исторический рассказ», как пишет Пушкин. Для подростков надлежит применять проблемный подход, «с хладнокровием» сконцентрировавшись на изучении «духа» народов, их нужд и государственных требований. И такая дидактика имеет важнейшую

гражданскую миссию: выстроить среднее образование таким образом, чтобы «республиканские идеи не изумляли воспитанников при вступлении в свет и не имели для них прелесть новизны»³⁹.

Важнейшая оговорка в записке. Историческая «докса», по мнению Пушкина, должна быть продумана с целью сделать молодых людей уравновешенными, знающими и не экзальтированными республиканизмом? Пушкин — охранитель? Отнюдь нет. Просто после провала декабристов он действительно стал более умеренным и прагматичным. Он не сомневался в необходимости перемен, но не считал их перспективно возможными как результат насилия — с любой из противоположных сторон. И окончательно уверовал в цивилизационную миссию гражданского образования: «одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия». Буйные страсти и мечтательные крайности суть «пагубная роскошь полупознаний»⁴⁰.

И уже выпускников следует погружать в контексты отечественной истории. Лучше, конечно же, по Карамзину. Но уже как систематическое изучение отечества, как изучение родины отдельной отраслью знания. «Россия слишком мало известна русским; сверх истории ее статистика, ее законодательство требуют особенных кафедр».

И тут же Пушкин вновь подчеркивает исключительно гражданскую подоплеку такого преподавания: «Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы (обучения. — А.С.) умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве»⁴¹. Не учить верноподданническим чувствам, не натаскивать на лжепатриотическую любовь к родине, но и не готовить к оппонированию и противоборству, даже в мыслях, государству. Дидактический смысл истории, по Пушкину, в общественном диалоге и партнерстве гражданина и государства, и ни в коем случае не в перетягивании каната между разными группами влияния и властью. Ибо благо страны выше любых партикулярных интересов. И поэтому, не отвергая моральных «уроков», Пушкин все же мыслил историю как способ извлечения внеоценочного знания.

Безусловно, Николай I мог ожидать от записки Пушкина чего-то более почтительного и соответствующего его высочайшему сану. Но, будучи неглупым человеком, прочел в ней именно тот приземленный смысл, который Пушкин действительно хотел до него донести: хладнокровно учиться у Прошлого во имя налаживания гражданского взаимодействия и публичной коммуникации, пусть даже и попервоначалу без желанного многими равенства и глубоких политических реформ.

Пушкин был романтиком не только в поэзии, но и в своем отношении в истории. Он искренне верил в возможность ее как знания, добытого *sine ire et studio* («без гнева и пристрастия» — Тацит). Отсюда и его

отношение к историку как источнику «честности» в обществе, как к гению «истины». «Не хитрить!» — призывал он и историков, и преподавателей истории. В самом деле, Пушкин попытался отойти от исторического знания, как извлеченного из фактов, пусть даже и очень честными людьми, но все же сконструированного соответственно определенным интересам, взглядам и ценностям. Он одним из первых в России, если не самым первым, задумался об общественном — внесловном, подлинно «народном» смысле Прошлого, как о высшей гуманитарной истине, служить которой — нравственный и гражданский долг. Результатом такого служения в XIX веке в Европе, как известно, стали гражданские нации и правовые государства.

*Дидактический смысл истории,
по Пушкину, в общественном диалоге
и партнерстве гражданина и государства,
и ни в коем случае не в перетягивании
каната между разными группами
влияния и властью. Ибо благо страны
выше любых партикулярных интересов*

Впрочем, и России до этого качественно иного состояния было рукой подать, прими на вооружение самодержавие те консультации, которые ему в своих записках предложили Сперанский, Карамзин и Пушкин.

Но не этим путем уготовано было идти российской политике просвещения. На свою записку Пушкин вскоре получает от Бенкендорфа весьма витиеватый и предсказуемо однозначный ответ: «Государь император с удовольствием изволил читать рассуждения Ваши о народном воспитании и поручил мне изъявить Вам высочайшую свою признательность. Его величество при сем заметить изволило, что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительно основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей»⁴².

Диалог Власти и Мыслителя о гражданском просвещении был прерван одной из сторон и приостановлен на неопределенное и, как оказалось, весьма продолжительное время. И итогом этого длившегося около четверти века диалога стала парадоксальная констатация гражданского «троемыслия». Карамзин полагал, что история принадлежит царю, декабристы — народу. Пушкин же, не возражая ни тому, ни другим, сформулировал свой парадокс: история народа принадлежит Поэту!⁴³ И задал он эту гражданскую миссию поэтам на долгие десятилетия вперед. С того времени всем понятно, почему в России поэт — больше, чем поэт. Он, пожалуй, еще с легкой руки Пушкина стал единственно легитимным хранителем и выразителем гражданских смыслов прошлого. О чем мы, потомки, просто подзабыли.

**«История» и Школа:
институциональное наследие графа Уварова**

В 1817 г. в России царским указом было учреждено Министерство духовных дел и народного просвещения. С той поры народное образование начинает быстро обрастать чиновничьим аппаратом и превращаться в громадную, вертикально обустроенную бюрократическую канцелярию. Просвещение из широко обсуждаемой идеи превратилось в повседневную практику. Вновь в ней прошлое становится актуальным, но уже под другим углом зрения. В разные времена этой «машинерией» руководили разные по степени образованности, аристократической утонченности, научной подготовки, чиновничьего лихоимства и склонности к казнокрадству люди.

Сергей Семенович Уваров (1786–1855), истолкованный потомками как хитрый, действующий исключительно в угоду высшим властям, собственной карьере и политически консервативный государственный деятель, действительно оставил после себя весьма двусмысленное воспоминание. Ему довелось проявить себя результативным деятелем в царствование обоих внуков Екатерины Великой (Александра I и Николая II), а его государственное наследие несправедливо интерпретируется всегда однозначно. Хотя, конечно же, как всякая непростая фигура он подал немало поводов для самых крайних оценок, особенно разнuzданностью позднего периода своей государственной карьеры, но, как правило, все эти оценки современников и потомков прежде всего были культурно и политически мотивированными. Кто как видел мир, так и вписывал в свою матрицу графа Уварова как исторический феномен. И поскольку в нашу задачу не входит составление его биографического и интеллектуального очерка⁴⁴, сосредоточу свое внимание на одном крайне важном для истории отечественной мысли коротком и малоизвестном сочинении Уварова, а также на его удивительных и долгосрочных последствиях для России.

В 1813 году Уваров публикует в Санкт-Петербурге небольшой трактат, вначале по-французски, а затем в своем же собственном переводе на русском языке — «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» (*De l'enseignement de l'Histoire appliquée a l'éducation populaire*). То, что эта работа написана именно в этот рубежный для страны год, нельзя считать случайностью, а скорее отражением удивительного «чутья» Уварова-политика. Россия — триумфатор. Высшие императорские «команды» быстро меняются. Открытые сторонники республиканизма уходят с авансцены. О переменах говорится больше высокопарно и державно, чем как об общественной необходимости реформ в стране. И вот-вот наступит время нового государственного строительства.

Сам же Уваров накануне войны был вполне обеспеченным человеком, а посему стал метить в высшие эшелоны власти. И весь его последую-

щий карьерный рост демонстрирует неперенное движение по вертикали власти. В основном же он курировал политико-гуманитарные сферы, до тех пор пока не занял окончательно должность министра просвещения в 1836 году. Он был прекрасно образован, углубленно занимался классическими древностями, был автором ряда знаменитых и для своего времени выдающихся исторических трудов. Блестяще владел языками, историей философии и современным правом в области университетского и общего образования. Что и помогло ему окончательно институционально осуществить увязку знания (в его случае даже, возможно, поиска «исторической истины») и подчиненной высшим политическим целям исторической доксы.

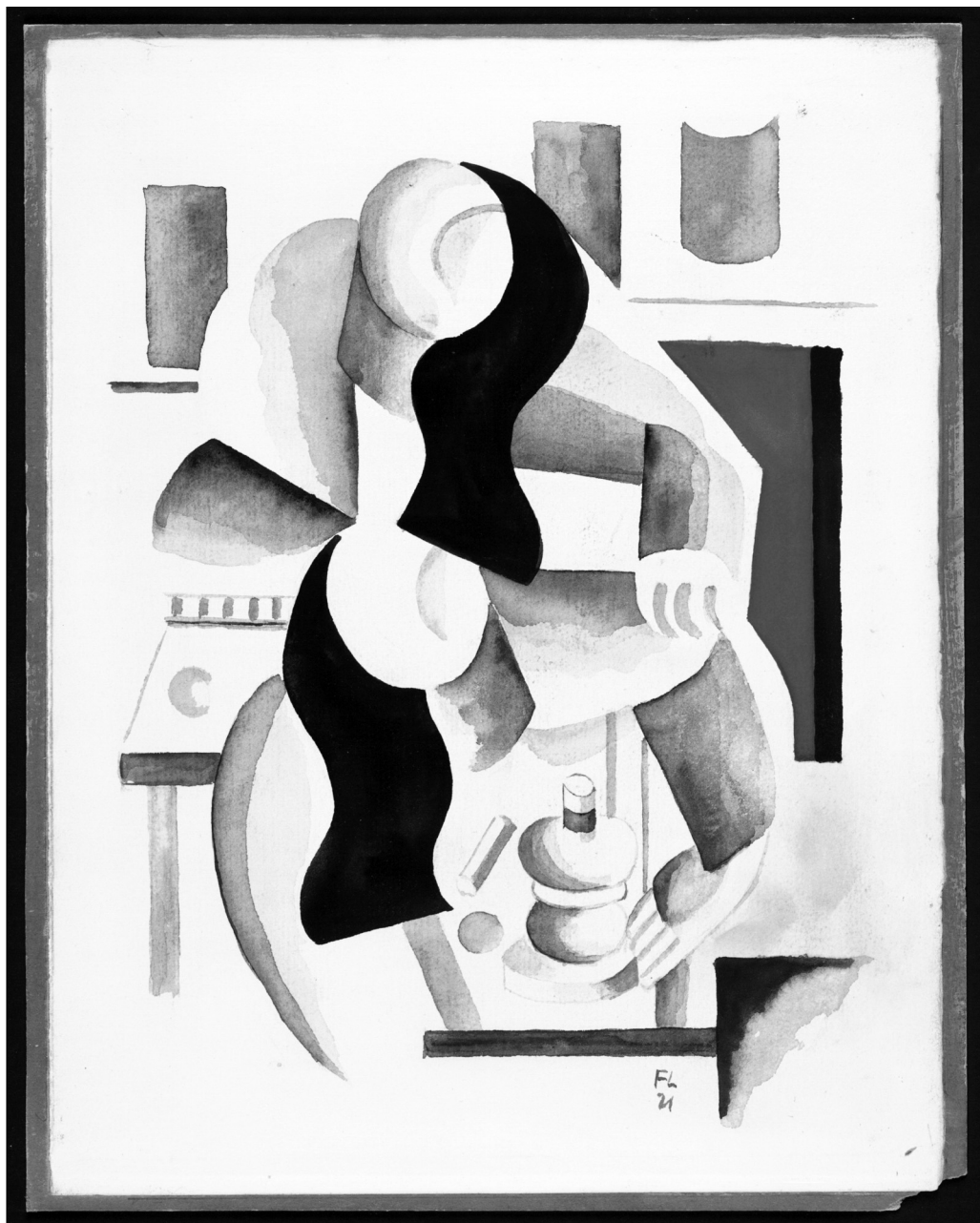
Современному человеку чтение этого небольшого трактата может показаться делом неблагодарным. Там нет ярких фрагментов, запоминающихся мыслей, фраз и парадоксов. А далекому от гражданского образования деятелю — делом беспросветно скучным. И очень жаль. В этом трактате мы впервые смогли бы увидеть, как происходит рутинизация интеллектуальной мысли. Как недосказанность русского просвещения превратилась в *двусмысленность всей практики гражданского образования* в стране.

В трактате нет прямого заигрывания с именитыми предшественниками или сановитыми современниками Уварова. Он пишет сухо и даже, выражаясь современным языком, чисто методологически, подчас менторски поучая просветителей. Не очень даже понятно, на какого читателя он мог рассчитывать. Но, очевидно, для него это была проба пера будущего институционального лидера в сфере просвещения. Как если бы он писал эту записку в стол, подобно старшему поколению просветителей. Хоть он и посвящает трактат министру, подписав его своим тогдашним титулом «Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа».

Но главное в том, что многие фрагменты трактата читаются *именно сегодня* свежо и актуально. Как будто бы написаны «про нас» и «для нашего времени», несмотря на громадную хронологическую разницу. Впрочем, и не к этому априорному заключению мне хотелось бы прийти сейчас. Просветительская эпистемология графа Уварова, его трактовка истинного знания и понимание того, как его превратить в доксу в образовательных целях *не изменилась в принципе за все эти двести лет*.

Сколько бы попыток, интеллектуальных или политических, ни предпринималось для этого. *Колея истории* отечественного гражданского просвещения, выраженная «сухим остатком» деятельности и намеренности Уварова-государственника, по-прежнему *устойчива* и, как мне кажется, *никогда фундаментально в России не менялась*, какие бы при этом кардинальные перемены в стране, в том числе и в ее государственном устройстве, ни происходили.

Уваров пытается без какого-либо пафоса и очень доходчиво ответить на два вопроса. Первый: зачем нужна историческая просвещенность

Фернан Леже. Две женщины. 1921

поданным? Второй: что нужно сделать, чтобы решить эту задачу эффективно и корректно? И в каждом фрагменте его трактата мы с удивлением обнаруживаем знакомые нам *тренды отечественной колеи просвещения*.

Отделить истину от лжи, божественное от человеческого, событие от догадок — дело ученого, который вполне может и заблуждаться в тиши

академического кабинета. Но на кафедре эти его оплошность стократ опаснее, ибо вводят в заблуждение всех учащихся. Вот почему, заключает Уваров, «в народном воспитании преподавание истории есть дело государственное»⁴⁵. И разъясняет это крайне просто: преподавание истории в общем образовании гораздо сложнее, чем в университетском, и посему требует особого «искусства» от «основателя таковой системы»⁴⁶. *Тренд первый (déjà vu — 1)*: историческое просвещение — задача и дело общегосударственное и системное, а потому им следует управлять сверху и желательно единоначально.

Искусство «основателя», однако, заключается отнюдь не столько в том, чтобы научить ребенка/подростка критическому мышлению, привить ему навык самостоятельного поиска исторической истины и дать в руки метод, сколько прежде всего в постоянстве и постепенности санкционированного курса преподавания — от Священной истории до всеобщей. Пока, как кажется, все достаточно банально. Но Уваров прекрасно понимал, что народное воспитание «подданного» (крайне редко, но он все же употребляет понятие «гражданин») не есть раскрытие способностей и обнаружение талантов — последние сами пробьют себе дорогу. Речь должна идти о воспитании обычного ребенка — вырванного из контекстов, как он пишет, «первобытного состояния своего семейства»⁴⁷. Тут уже становится еще понятнее, почему же это дело сугубо государственное. Тем более ясно, что такая просветительская политика нуждается принципиально в ином, по сравнению с традиционным образованием, методе преподавания. А посему начинать следует с учителей.

Тренд второй (déjà vu — 2): учителям доверять нельзя, «авторского» права на просвещение историей быть не может, программы должны быть жесткими и выверенными, а корпус учителей следует обязательно контролировать через их же собственное «просвещение».

А поэтому их необходимо снабдить компендиумами Священной и Отечественной истории, коих, сетует Уваров, пока у нас нет. Временами Уваров именует их историческими «руководствами». Вполне, конечно же, можно положиться на имеющиеся европейские образцы. Но главное, составить их простым и ясным языком и не полагаться на зубрежку. А вот особенная часть — Священная история, которую не следует путать с Законом Божьим, — «должна быть написана в кротком духе религии и благонравия»⁴⁸.

Тренд третий (déjà vu — 3): написание истории для детей — дело государственно «руководимое»; а христианизация исторического просвещения — абсолютно обязательна.

И тут же Уваров делает ремарку, как будто бы случайно, но абсолютно смылосодержащую для своего трактата. Он пишет: «...сочинитель сего руководства или компендиума всегда сохранит в виду главную цель правительства. Большие затруднения, существующие донны-

не в образовании отечественной истории, не будут для него так ощутительны.

Конечно, легче было бы написать такой компендиум, если бы вместо «Истории» Щербатова, читали мы «Историю» Карамзина, но и теперь можно начертать без затруднения главные происшествия нашей истории». И концовка фразы (sic!): «Благоразумному писателю принадлежит избрать достоверное и полезное и сообразить оное с предполагаемой целью правительства»⁴⁹. Ибо просвещение Историей есть «орудие правительства» и осуществляется «во имя его высоких намерений»⁵⁰.

Тренд четвертый (déjà vu — 4): «просветителю» необходимо следовать государственному курсу в сфере исторической памяти, быть избирательным и интуитивно понимать настроение и заботы верхов, поскольку его задача государственной важности, а значит, его просветительская эпистемология не может в принципе противоречить логике правительственной политики, а только следовать ее целям.

Как правило, комментаторы сочинений Уварова приводят данный пример в качестве одного из подтверждений якобы типичного для него двоемыслия, «понимающего цену научной истине, но готового в любой момент перейти от ее поиска к формулированию угодной правительству идеологической догмы»⁵¹. Это не совсем справедливый комментарий. Конечно же, он отлично понимал разницу между «истиной» и исторической доксой. Но трактат ведь пишет Уваров-государственник, а не Уваров-ученый. И перед ним, безусловно, стояла задача понять, как создаются устойчивые дидактические догматы в историческом просвещении и как они транслируются.

В практических мыслях Уварова мы вновь видим хорошо уже знакомое нам «перетягивание каната» между европейцем и не-европейцем. А вот в ответе на вопрос, как найти между ними нужную грань, он полагается на интуицию тех, кто, собственно, и создает историческую доксу. Им не следует ожидать никаких прямых указаний извне, они сами должны чутко прочувствовать высшие помыслы «верхов» и рутинизировать их, то есть сделать их непреложной просветительской «истиной» (дидактическим догматом).

И так, собственно, всю жизнь и поступал наш герой. Чутко прочувствовав умонастроение императора, мысли которого качнулись в сторону мистицизма, Уваров утверждает непреложность глубокой христианизации исторического просвещения. И оно парадоксальным образом сохранилось и поныне, пусть даже и с краткой паузой в советское время. Впрочем, и тогда «религия» была просто замещена схожей по смыслам и эффекту индоктринацией «коммунистической идеологией». Так что христианизация истории составила, по сути, весьма устойчивую колею, которая сегодня вновь нас возвращает на 200 лет назад. Поскольку за все эти годы в стране так и не установи-

лась ни многопартийность, ни сменяемость власти через конкуренцию идей и образов будущего, все отечественное гражданское образование неизменно (с разными модификациями) строится на тождественности исторической доксы и государственной идеологии.

Правильно уловив близость ко двору, стиль и направленность мышления Карамзина, Уваров не задумываясь рекомендует опереться именно на него. И тут в нем естественным образом просыпается Карамзин «неевропеец». Он без сомнения признает все западные институты как фасады, но наполняет их неевропейским содержанием. Вспомним хотя бы знаменитую уваровскую «троицу» (самодержавие–православие–народность).

*В сталинской исторической
дидактике можно обнаружить
прямые заимствования из
просветительской эпистемологии
Уварова*

При желании ее можно расценивать как перифраз республиканской формулы: Свобода–Равенство–Братство. Да и в раннесоветское время эти смысловые вариации также были очень популярными. И в этом нет ничего удивительного. Ведь и большевистский проект постоянно колебался между европейскостью и неевропейскостью. В сталинской же исторической дидактике можно не просто обнаружить прямые заимствования из просветительской эпистемологии Уварова, но и считать их практически идентичными, несмотря на то что само имя графа Уварова и его государственное «дело» были преданы коммунистической анафеме.

Так все же, каково оно, то самое высокое намерение правительства в буквальной трактовке Уварова? Не удивляйтесь, этот *тренд и есть самый устойчивый* у нас в стране. Он больше других олицетворяет собой глубокую колею отечественного гражданского просвещения. В самом конце своего трактата Уваров пишет: «Наконец, нельзя мне не представить преподающему историю еще другой, важнейшей обязанности, которую он со тщанием выполнять должен: распространяя между сограждан луч наук и просвещения, должно возбуждать и сохранять, сколько можно, народный дух и тот изящный характер, на который ныне Европа смотрит, как изнеможенный старец на бодрость и силу цветущего юноши. Сие правило должно особенно быть чтимо преподающим историю. Он в сем отношении делается прямо орудием правительства и исполнителем его высоких намерений»⁵².

Точка. В итоге все же «неевропеец» в Уварове победил, он перетянул смыслы и все целеполагание просвещения на себя. Ящик Пандоры отечественного гражданского просвещения захлопнулся, и как мы теперь воочию убеждаемся, более чем на двести лет. Крайне непродолжительные периоды иных просветительских практик так и не смогли вытаскать нашу страну из ее неевропейской колеи истории.

**Рубеж XVIII–XIX веков:
парадоксальные итоги раннего просветительства**

Разумеется, долгие два поколения интеллектуальной мысли не стали бесплодными, бесцельно прожитыми годами и исторически проигранными антипросветительским умонастроениям российского чиновничества и консервативных сил. Конечно же, нет! Но каковы их реальные итоги для России? Парадоксальные. Удивительный *консервативный прогресс!*

Прежде всего восторжествовала сама идея гражданского просвещения. Его дух. Его лексика. Его философия, в конце концов. Просвещенность общества, по крайней мере на словах, стала вождельной целью. Примечательно, что под «просвещенностью» разумелись и элементарная грамотность, и научные знания, и правовое сознание, и нравственный рост. Но главное — «знание» *своей* истории.

Независимое и критическое историческое мышление? Ни в коем случае! Только адекватное владение исторической доксой! То есть «свободное» оперирование сконструированными кем-то набором образов, событийных, хронологических и сущностных матриц Прошлого, которое все еще актуально для Настоящего. Словом, что логически вытекает не из разума автономного и критически мыслящего гражданина, а является скорее продуктом «догматической» просветительской дидактики. Все раннее российское просвещение ориентировалось больше на формирование мнения об истории (докса), а не на истинное знание (эпистема).

И эта модель просветительской эпистемологии (кстати, отнюдь не уникально российская!) всеми мыслителями на рубеже столетий считалась делом важнейшей государственной значимости. Г.Г. Шпет дал точное описание парадокса эпохи. Он пишет: «Правительство выполняло взятую на себя роль интеллигенции и “просвещало”. Получилось то, что должно было получиться. “Просвещением” забаррикадировали себя от серьезной науки и от философии»⁵³.

Историческая просвещенность общества не предполагала рефлексии. Она всегда ортодоксальна. Поэтому недопустимы «пересмотры» истории и извлечение «ложных» уроков. Но в то же время «окно» (скорее «форточка») в подлинно свободное историческое просвещение было все же приоткрыто, навсегда его захлопнуть уже никогда не удалось никакой российской власти. Просвещенность общества накрепко была привязана к понятию «гражданин», и сказать по-другому даже у самых консервативно настроенных интеллектуалов империи язык не поворачивался. Что, правда, редко проявлялось в практиках гражданского образования. Впрочем, новые времена были лишь впереди.

Неевропейскость на рубеже XVIII–XIX веков в каждом конкретном случае побеждала, выставляя все более сложные и преимущественно

запретительные препятствия на пути проникновения исторической универсальности в элитарное и массовое сознание россиян. Поразительным образом в представлении самых разных мыслителей того времени величие и догматизм всегда одерживали культурную победу. А антизападничество в той или иной степени, но чаще все же скрыто, обрамляло витиеватость строгих исторических догматов. Время внутренней критики еще не наступило. Но когда появились первые сомневающиеся в адекватности такого подхода к историческому просвещению, институциональный накал консервативности приобрел откровенно репрессивный характер. Поразительное *déjà vu*. А дистанция в 200 лет, как кажется, ничего не поменяла.

С начала 1820-х годов в России стало действовать «коренное правило» — «направлять «народное воспитание» к водворению в составе общества постоянного и спасительного согласия между верою, ведением и властью, или, другими выражениями, между христианским благочестием, просвещением умов и существованием гражданским»⁵⁴.

Вынести все это российское гражданское общество смогло крайне непродолжительно, а точнее, до тех пор пока в стране не стала формироваться свободная и независимая от государства высокообразованная интеллигенция. Она-то и обрушила весь свой интеллектуальный гнев на привычный для старого режима строй просветительской мысли и на принятые в стране просветительские порядки. Как это произойдет, увидим из следующего очерка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. — М.: «Наука», 1984. — С. 526.

2 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 252.

3 Там же. С. 252.

4 Там же. С. 253.

5 Здесь и далее я буду опираться на аналитические зарисовки позднего Просвещения в русской культуре, сделанные еще Ю.М. Лотманом. См.: Лотман Ю.М. Собрание сочинений. Т. 1. Русская литература и культура Просвещения. М.: ОГИ, 2000.

6 Там же. С. 253.

7 «...en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples». Перевод сделан мною по тому, как Карамзин цитирует Левека в своих «Письмах» (Там же. С. 253).

8 Там же. С. 253–254.

9 Там же. С. 254.

10 Там же. С. 254.

11 Там же. С. 254.

12 Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский обнаруживают и другую раздвоенность в литературной позе Карамзина, когда сама жизнь писателя становилась его же своеобразной формой художественного творчества. И таким образом личность и творчество были

«нерасторжимым единством». При этом и в жизни, и в текстах Карамзин постоянно меняет эти культурные маски, предстывая перед читателями то в одном, то в другом стилизованном качестве. К примеру выступая за самодержавие, он позиционирует себя как противник многих царей. Так, Карамзин постоянно находился в полемике с «карамзинистом». См.: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры. С. 528 и далее.

13 Интересующихся более подробно биографией Сперанского отсылаю к блестящему исследованию, опубликованному Московской школой: Нольде А. М.М. Сперанский. Биография. Москва: Московская школа политических исследований, 2004.

14 Сперанский М.М. Проекты и записки. Под ред. С.Н. Валка. Ленинград: Издательство Академии наук, 1961. С. 14.

15 Там же. С. 77–83.

16 Там же. С. 80.

17 Там же. С. 80.

18 Об этом он пишет также в другой своей записке 1802 г., «Еще нечто о свободе и рабстве», в которой он обстоятельно рассматривает различия в свободах/рабстве политических и гражданских.

19 Несколько позднее в записке «Об усовершенствовании общего народного воспитания» (1808), предвещающей указы «О придворных званиях» и «Об экзаменах на чин» (1809), Сперанский тщательно обосновывает нормативную связь между образованием и правом наследственного дворянства занимать гражданские должности, что по тем временам было весьма революционным поворотом в критике господствующих практик присвоения чинов. В этой записке внимание автора сосредоточено на прикладных знаниях чиновников, о гуманитарном просвещении речь не шла.

20 Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 140–143.

21 Там же. С. 142.

22 Очерк аналитического сравнения концептуальных взглядов обоих мыслителей см.: Мирзоев Е.Б. «Записка» Н.М. Карамзина и проекты М.М. Сперанского: два взгляда на российское самодержавие // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2001. № 1. С. 61–74.

23 К тому времени многотомная «История Российская от древнейших времен» видного просветителя М.М. Щербатова (1733–1790), написанная им в 1770–1791 гг., устарела фактологически и не выдерживала критики своей слабой концептуализацией.

24 Об этом, к примеру, пишет Ю.С. Пивоваров в предисловии к первому полному книжному изданию «Записки». См.: Пивоваров Ю.С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 15.

25 Спор о древних и новых. М.: Искусство, 1985.

26 Клейн Й. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005.

27 Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 22.

28 Там же. С. 22.

29 Лотман Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб: «Искусство-СПб», 1997. С. 593.

30 Карамзину близки оценки, данные князем Щербатовым Петру, его времени и реформам. Щербатов не идеализировал допетровскую Русь, считал реформы необходимостью, но не принимал петровские насильственные «инструменты» модернизации. И хотя оба мыслителя в суждениях были автономны друг от друга, но их обоих нередко причисляют к предтечам русского консерватизма. См., в частности: Щербатов М.М. Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого // Щербатов М.М. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 117–131.

- 31 Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 35.
- 32 Этот тезис принадлежит Лотману. См.: Лотман Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века. С. 596.
- 33 Там же. С. 33.
- 34 Там же. С. 33.
- 35 Лотман Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века. С. 598.
- 36 Удивительно, насколько такое гражданское бесстрашие перекликается с «парресией» — центральной категорией афинского гражданского образования периода классической демократии, которая обозначала свободную, прямую, искреннюю и бесстрашную речь. Подробнее см.: Согомонов А. Гражданское образование в контекстах мировой истории. М.: Школа гражданского просвещения, 2018. С. 10–11.
- 37 Лотман Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века. С. 599.
- 38 Текст записки был опубликован впервые в 1872 г. П.И. Бартевым, а рукопись с пометками самого Николая I была воспроизведена в 1884 г., и с тех пор она включена в состав всех собраний сочинений поэта. Воспользуемся академическим изданием: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Москва, 1958. Т. VII. С. 42–49. Тщательный анализ записки Пушкина см. в книге: Сиземская И.Н., Новикова Л.И. Идея воспитания в русской философии XIX — начала XX веков. М.: РОССПЭН, 2004. Очерк 6.
- 39 Пушкин. ПСС. Т. VII. С. 47–48.
- 40 Там же. С. 43.
- 41 Там же. С. 47–48.
- 42 Там же. С. 462.
- 43 Подробнее: Сиземская И.Н., Новикова Л.И. Идеи воспитания в русской философии XIX — начала XX века. С. 151.
- 44 Всех интересующихся отсылаю к прекрасной работе В.С. Парсамова и С.В. Удалова о жизни и деятельности Уварова, предваряющей недавно изданный громадный том его главных сочинений. См.: Уваров С.С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. А также глубокий анализ его просветительской идеологии «самодержавие–православие–народность»: Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 244 и далее.
- 45 Здесь и далее цитируется трактат Уварова по изданию: Уваров С.С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 204.
- 46 Там же. С. 205.
- 47 Там же. С. 205.
- 48 Там же. С. 206.
- 49 Там же. С. 206.
- 50 Там же. С. 212.
- 51 Комментарий Парсамова и Удалова. См.: Там же. С. 587.
- 52 Там же. С. 212.
- 53 Шпет Г.Г. Сочинения. С. 40.
- 54 Там же. С. 44.

*Андрей Колесников,
руководитель программы
«Российская внутренняя
политика и политические
институты» Московского
центра Карнеги*

Три фронта «общества граждан»: усиление конфликтности

«Гражданин» — важнейшее для советского обихода понятие, поначалу идеологизированное, а потом превратившееся в бытовую рутину, в СССР было лишено какого-либо содержательного смысла, кроме обозначения принадлежности к государству, то есть гражданства.

Гражданин как обладатель гражданских и политических прав не был известен советской системе. В СССР «гордый дух гражданства» воспевался исключительно в контексте борьбы с царизмом и его наследием, а подлинным гражданином объявлялся, как в поэме Евгения Евтушенко «Братская ГЭС», именно поэт, который «в России больше, чем поэт».

Собственно, гражданами советские люди почувствовали себя в годы перестройки: от них уже что-то зависело и они участвовали в выборах. Появилось понятие «неформальное движение», что означало не только выход гражданской активности из-под контроля партии, но и в принципе за институциональные рамки советской системы (советы, профсоюзы, комсомол и т.д.).

Нормальное понимание гражданина как обладателя прав — это уже предмет регулирования постсоветского конституционного права. Транзит от коммунизма к политической демократии и рыночной экономике означал и формирование вполне здорового гражданского общества, к мнению которого, несмотря на некоторую специфичность правления в ельцинский период (война в Чечне, конфликт с парламентом и рождение конституции президентской республики), государство прислушивалось.

Гражданское общество в России — своего рода зонтичное понятие, которое покрывает как одобряемую государством активность, так и не одобряемую. Под

«обществом граждан» или «обществом сознательных граждан» мы будем понимать тот тип гражданской активности, который противостоит давлению власти и основан на либеральных и демократических ценностях. Существование этой части гражданского общества не по его вине подчинено конфликтной логике. И на его трех фронтах противостояния, а также на том, какого типа структуры входят в гражданское общество, мы остановимся чуть ниже.

Но сначала — о том, как современное российское государство проникает в гражданское общество и, по сути, «национализирует» его.

Этатизация общества

В постъельцинский период по мере «взросления» авторитарного режима* государство последовательно возвращалось в политику, экономику, духовную и социальную сферы. Кризис представительства в политике и эрозия институтов сопровождались огосударствлением гражданского общества. Расколоть гражданское общество на готовых сотрудничать с властью и не готовых, запугать репрессивным законодательством — эти задачи вполне

успешно решались в последние годы авторитарным государством. Этатизация общества — одно из важнейших свойств и одновременно целей современной российской политической системы. В такой ситуации, по выражению Егора Гайдара, «общество становится колонией государства»**.

У власти есть все инструменты (и инструментарий начиная с 2012 года все время пополняется), чтобы формировать имитационное, подчиненное государству гражданское общество. Один из таких инструментов — плановые и особенно внеплановые проверки Минюстом политически «неблагонадежных» структур гражданского общества, например «Мемориала» и движения «За права человека»***. Неисчерпаемы и законодательные инициативы. Например, в самом начале 2019 года Минюст разработал поправки к закону «Об общественных объединениях» — об обязательной регистрации не имеющих юридического лица некоммерческих объединений. Без включения в новый реестр такие НКО будут лишены прав общественных объединений, включая использование наименования, проведение собраний и митингов и распространение информации о своей деятельности****.

* Четыре принципиальных индикатора авторитарного поведения: 1) отрицание (или слабая поддержка) демократических правил игры, 2) отрицание легитимности политических оппонентов, 3) терпимость (или поощрение) к насилию, 4) готовность к урезанию гражданских свобод оппонентов, включая медиа. — Steven Levitsky & Daniel Ziblatt. *How democracies die*. — Crown Publishing Group, 2018. — P. 23–24.

** Выбор. Послесловие Е.Т. Гайдара к работе В.А. Мау «Экономика и власть: политическая история экономической реформы в России (1985–1994)». // В.А. Мау. *Сочинения*, т. 2. — М.: Дело, 2010. — P. 122.

*** Характерно, что внеплановые проверки этих знаковых организаций начаты практически одновременно: «Минюст проверит “Мемориал” на предмет выполнения функций НКО-“иноагента”». // Интерфакс. 14 января 2019 // <https://www.interfax.ru/russia/646036>, Минюст начал проверку движения «За права человека», возглавляемого Пономаревым. // Интерфакс. — 14 января 2019 // <https://www.interfax.ru/russia/646014>

**** НКО окружают учетом. — Коммерсантъ. — 16 января 2019 // <https://www.kommersant.ru/doc/3854782>

Вертикальна не только власть, но и ее восприятие. Это заметно даже по явке избирателей. Голосуют, исполняя ритуал законопослушности, прежде всего за федеральную власть. Как правило, меньше людей приходят на избирательные участки в регионах, мало — на выборах муниципальных. Люди так и не поняли, что с помощью локальных властей можно научиться решать проблемы и пытаться соуправлять. Муниципальные выборы в Москве в сентябре 2017 года отличались невысокой явкой (14,82%), хотя, казалось бы, именно на этом уровне простые москвичи могли бы повлиять на ситуацию в городе и в своем районе.

Локальные сообщества — «третье основание для процветания»* наряду с государством и экономикой. Но если государство присутствует везде, в том числе в экономике и на локальном уровне управления, как решать проблемы местных сообществ?

«Общество граждан» против «общественности»

Подлинное гражданское общество («общество граждан») в сегодняшней России рождается через ненасильственное**, но конфронтационное сопротивление — гражданское неповиновение. Последнее, по определению американского философа Джона Роулза***, связано среди про-

чего с возможным нарушением закона и готовностью понести за это наказание. В случае российского сопротивления ситуация сложнее. Люди сопротивляются властям, которые, сами нарушая закон (в частности, статью 31 Конституции о свободе собраний, имеющую прямое действие), имеют при этом все возможности для легального обоснования законности своей позиции. Примером может служить омоневец, который тащит в автозак молодого человека, вышедшего на несанкционированный митинг, или представитель компании-застройщика, имеющий все бумаги и согласования для сноса целого городского квартала вполне жизнеспособных домов. Даже если протест ненасильственный, сопротивление полицейскому при защите собственного двора от бульдозера застройщика будет расценен в лучшем случае как административное правонарушение, в худшем — как уголовное.

«Общество граждан» вступает в конфронтацию нескольких типов.

Первый и главный тип конфронтации — с государством.

Второй — с инертной частью общества, в котором нет никаких признаков гражданского и гражданственности. Это конфронтация с «человеком толпы», «современным массовым человеком», который «полностью противоположен *сi*тоуен» (Ханна Арендт)****

* Dani Rodrik. *Reclaiming Community*. // *Project Syndicate*. — November 9, 2018 // <https://www.project-syndicate.org/commentary/economists-focus-on-markets-too-narrow-by-dani-rodrik-2018-11>, Raghuram Rahan. *The Third Pillar*. — Penguin Random House, 2019.

** Ненасильственное сопротивление с точки зрения достижения целей протеста более эффективно, чем насильственное. — Erica Chenoweth, Maria J. Stephan. *Why civil resistance works. The strategic logic of nonviolent conflict*. — Columbia University Press, 2011.

*** *Civil Disobedience*. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. — December 20, 2013 // <https://plato.stanford.edu/entries/civil-disobedience/>

**** Ханна Арендт. *Опыты понимания, 1930—1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. — С. 248.*

и иногда пассивно, а иной раз агрессив-но готов поддерживать государство.

Третий, особый тип конфронтации — с той частью общества (мы называем ее общественностью), которая активна, считает себя гражданским обществом, но при этом работает под контролем государства и конкурирует с неприемлемыми для власти гражданскими организациями. Часть структур общественности исповедует консервативную идеологию.

Это комьюнити претендует на гранты или как минимум поддержку от государства и получает их. Оно выстраивает вместе с государством общественные организации, выполняет роль субститута тех структур, которые занимались гражданской работой, но отсечены от нее, — например, будучи объявленными иностранным агентом. Для координации работы с обществом власть создает своего рода «министерства»: общественные палаты, структуры Объединенного народного фронта. При этом, выстраивая свою, подконтрольную «общественность», государство подражает независимому гражданскому обществу, используя его технологии, перехватывая термины и инициативы*. Для государства опасна самостоятельность. Например, в волонтерах, которые тушат пожары, оно способно увидеть зерно активности, потенциально опасной в политическом смысле. Его

устраивают только свои волонтеры, проверенные на лояльность.

Некоторые организации «общества граждан» вынуждены переходить в сектор контролируемой властью «общественности», чтобы выжить и продолжать свою деятельность. Особенно это касается структур, занимающихся социальными вопросами.

В случае России в зонтичное понятие «общественность» можно включить организации, которые принято относить к «консервативному гражданскому обществу»**. Эти группы поддерживаются государством, прямо или косвенно. Например, управление по работе с казачеством московской мэрии совершенно официально привлекает казачьи организации к охране общественного порядка. При этом загадочные казачьи формирования участвовали в насилии над митингующими 5 мая 2018 года; соответственно возник вопрос, на каком основании они это делали и не теряет ли государство монополию на легитимное насилие. Подобного рода «общественные» организации, в том числе НОД (Национально-освободительное движение) и SERB, известные нападениями на гражданских и политических активистов, поддерживаются силовыми структурами***.

И еще одно замечание. Возможно, в случае России само понятие «консерватив-

* Как говорит социолог Симон Кордонский: «Интенция государства: ищется что-то живое или что кажется живым, и это национализируется, делается государственным. Наше государство — все из таких структур, имитирующих процессы, которые происходят вне государства». Социолог Симон Кордонский: «В переписи населения нет предпринимателей». Ведомости. — 29 января 2019 // <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2019/01/29/792749-v>

** Richard Youngs et al. *The Mobilization of Conservative Civil Society*. // October 4, 2019 // <https://carnegieeurope.eu/2018/10/04/mobilization-of-conservative-civil-society-pub-77366>

*** Крутов М. «Карманные атамань Путина». Казаки под крылом ФСБ // Радио Свобода. — 7 мая 2018 // <https://www.svoboda.org/a/29213389.html>

Джузеппе Пеноне. Без названия. 1981

ное гражданское общество» все-таки является *contradictio in adjecto* — противоречием в определении, примерно таким же, как и «нелиберальная демократия». Консервативные группы активны, иногда формируются без помощи

государства (в России они как минимум должны не раздражать государство и заниматься морально поощряемой «патриотической» деятельностью) и в этом смысле могут быть оценены как гражданские. Но если их активность, по

сути, направлена против реализации прав и свобод, прежде всего политических, она едва ли может быть признана гражданской в собственном смысле слова, потому что противоречит классическому значению понятия «гражданин». «Консервативное гражданское общество» прямо противостоит «обществу граждан».

Негативная платформа сопротивления

Процессы, происходящие в современном российском обществе, пока еще рано называть деэтизацией: поддержка большинством российского населения символов величия российского государства и вера в мощь государственного интервенционизма еще слишком велики. Базовые ценности большинства граждан носят рационально патерналистский характер. В условиях современной России разумно уповать почти во всем на государство, потому что возможностей для активного независимого, в том числе рыночного, поведения не так много, а в последнее время даже меньше, чем раньше*. Тем не менее в очень специфических фор-

мах и на негативной, конфликтной основе этот процесс начался.

Характерные приметы последнего времени — сопротивление ряду исходящих от власти инициатив: сносу двух вполне жизнеспособных кварталов в московском районе Кунцево, где девелоперская компания ПИК в союзе с московской мэрией решила построить новые дома**; сносу московского Киноцентра, где те же застройщики в союзе с той же мэрией собираются построить новый гигантский комплекс апартаментов***; программе московской мэрии «200 храмов», — принимающее иной раз самые жесткие формы****.

Нетрудно заметить, что самые резонансные истории почти однотипны: это прежде всего Москва (хотя география такого рода событий расширяется*****); это очень большие деньги, которые есть в большинстве случаев именно в столице страны или в других крупных городских агломерациях*****; это совместные усилия городских управленческих структур и близкого им бизнеса по вторжению, если угодно, в экосистему горожан; это следствие навязывания модели рекон-

* Колесников А., Волков Д. Новая русская мечта: частная собственность для детей. // Московский центр Карнеги. — 20 ноября 2018 // <https://carnegie.ru/2018/11/20/ru-pub-77744>

** Колесников А. — По кому рычит бульдозер. // Газета.ру. — 27 ноября 2018 // <https://www.gazeta.ru/comments/column/kolesnikov/12072391.shtml>, Докишин В., Васильчук Т. — Реконструкторы в Кунцево. // Новая газета. — 22 ноября 2018 // <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/11/22/78672-rekonstruktory-v-kuntsevo>

*** В Москве задержали участников акции против сноса киноцентра «Соловей». // Новая газета. — 23 ноября 2018 // <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/11/23/147031-v-moskve-zaderzhali-uchastnikov-aktsii-protiv-snosa-kinotsentra-solovey>

**** Задержанный за поджог храма в Тушино объяснил случившееся протестом против застройки парка. // Коммерсантъ. — 8 ноября 2018 // <https://www.kommersant.ru/doc/3793531>

***** Фомиченко Ю. Это была бандитская спецоперация. // Сибирь. Реалии. — 9 января 2019 // <https://www.sibreal.org/a/29699522.html>

***** Назарова К. В Подмосковье прошел митинг против объединения поселений в городской округ. Люди опасаются вырубки леса и многоэтажной застройки. // Дождь. — 2 февраля 2019 // https://tvrain.ru/teleshov/videooftheday/miting_v_kratovo-479765/

струкции, которая нравится городскому руководству, но не нравится значимому числу горожан.

Таким образом, вроде бы технические проблемы, ввиду способа их решения, превращаются в темы гражданского звучания, а при определенных условиях и политического. Граждане-неофиты начинают сопротивляться. При этом они защищают не просто свои частные пространства и собственность, но и то, чего раньше советский и постсоветский человек совершенно не замечал: пространство публичное — парки, скверы, дворы. Защита публичного пространства от вторжения внешней силы становится основой для гражданского объединения.

Симптоматичен и другой пример — массовые митинги в Архангельской области против масштабных планов захоронения московского мусора на территории этого субъекта Федерации*. Создаются организации, например движение «Комитет защиты Вычегды», для сопротивления завозу мусора из Москвы**. «Мусорные протесты» — новое явление, опять-таки связанное с как бы техническим вопросом***. Но в

той же логике, что и с сопротивлением сносу домов, эта проблема перерастает свой технический характер и обретает гражданский смысл.

Разделение ответственности, сопротивление внешней силе как общее дело, *res publica* — это и есть процесс рождения гражданина. Переход от негативной идентификации и солидарности к позитивной — следующий шаг, и сделать его очень сложно, учитывая увеличение числа запретов и ловушек — «законных», то есть законодательно устанавливаемых государством****. Это процесс дебюрократизации гражданского общества. Новые способы и формы его существования предельно неформальны. Они концентрируются на решении конкретных проблем, гражданские объединения чрезвычайно подвижны и мобильны. Иной раз они носят ситуативный и временный характер, что не снижает ценности усилий граждан. В этом смысле можно говорить о процессе «низовой модернизации». Если государство не готово быть современным и открытым к сотрудничеству с гражданами, они сами начинают выстраивать свою параллельную модернизационную «горизонталь».

* Железнова М. Против Москвы и ее мусора. // *Ведомости*. — 3 декабря 2018 // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/12/03/788270-protiv-moskvi>

** Соловьева Е. Хроники «мусорной войны»: как власть сливает протест. // *The New Times*. — 14 января 2019 // <https://newtimes.ru/articles/detail/175864>

*** Гордиенко И. Мусорный ветер перемен. // *Новая газета*. — 28 марта 2018 // <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/03/28/75972-musornyy-veter-peremen>

**** Этот вывод делается в исследовании Московского центра Карнеги и Левада-Центра, основанном на опросах 2016 года: Колесников А., Волков Д. — Самоорганизация гражданского общества в Москве. // Московский центр Карнеги. — 14 декабря 2016 // <https://carnegie.ru/2016/12/14/ru-pub-66437>

Интересно, что к аналогичным заключениям пришли ведущие сотрудники Левада-Центра за десять лет до нашего исследования: «Доминирующие, базовые, ценности абсолютного большинства населения России... имеют традиционалистский, адаптивный и недостижимый характер... По-прежнему преобладают адаптивные мотивационные установки, а не ценности, ориентирующие индивида на социальную активность и изменение своего положения». Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. *Постсоветский человек и гражданское общество*. — М.: Московская школа политических исследований, 2008. — С.18. // http://www.levada.ru/sites/default/files/post-soviet_man.pdf

Формирующееся на новой основе «общество граждан» не только конгломерат организаций. Это и сообщество индивидов, которые необязательно должны объединяться в формальные структуры. Гражданин ценен сам по себе, а не потому, что он с кем-то объединен. «Общество граждан» ни в каком виде не власть, даже не альтернативная, не параллельная. Это то, что противоположно власти.

И в этом смысле не вполне правильно измерять зрелость гражданского общества, например, готовностью участвовать в протестах. Это важный, но не слишком точный индикатор в условиях атомизированного и поляризованного общества и жесткого авторитарного государства. Выход на улицу физически опасен для протестующего и в последние годы (в отличие, например, от протестов против монетизации льгот в 2005 году) почти не оказывает влияния на ход событий или на решения властей.

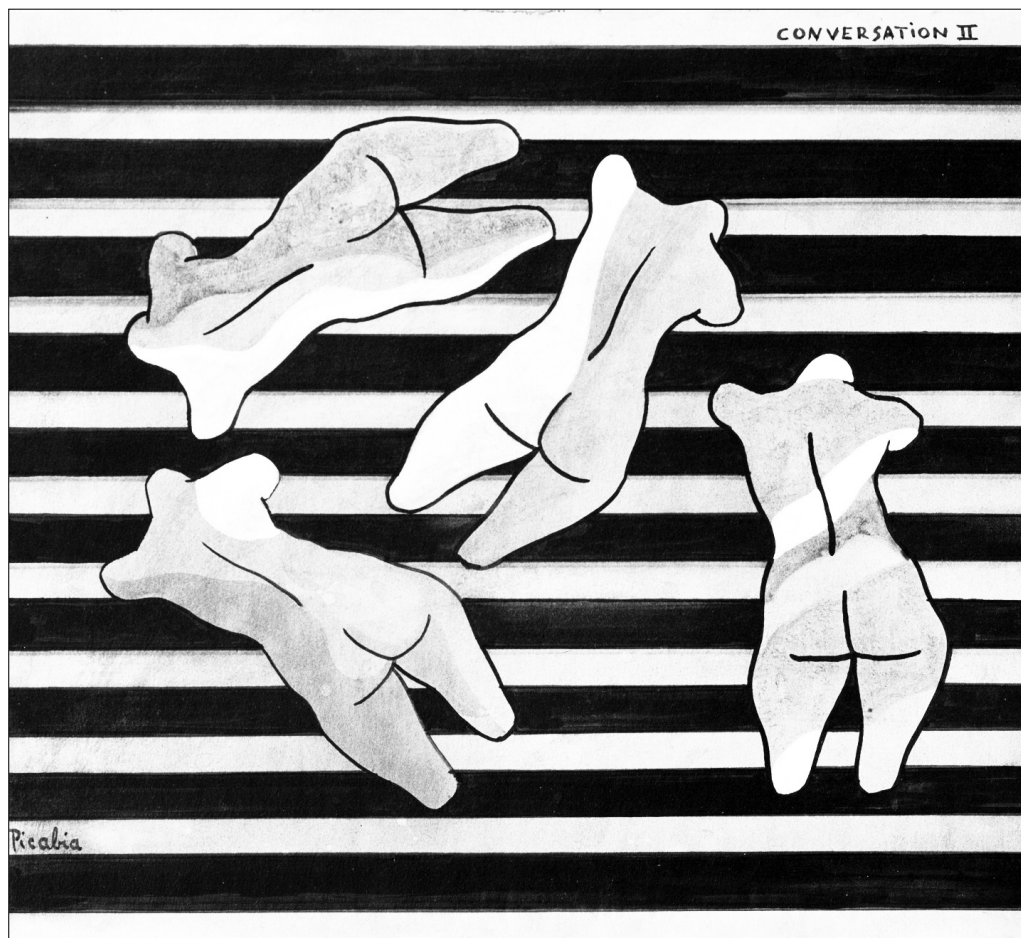
К тому же заявленная в ходе опросов готовность участвовать в протестах, как правило, декларативная, если только речь не идет о защите конкретного интереса конкретного сообщества, как в случаях насильственной реконструкции в Москве или захоронения мусора. На пике недовольства пенсионной реформой в июле 2018 года готовность принимать участие в массовых акциях протеста с экономическими требованиями выразили 28% опрошенных, а с политическими — 23%. Но эти высокие значения не соответствовали реальному поведению граждан, совершенно не собиравшихся выходить на улицы.

Хороший пример индивидуального сопротивления, и тоже на негативной основе, — стремительный сбор денег на выплату беспрецедентного штрафа, явно политически мотивированного, назначенного журналу (в результате давления на него ставшего интернет-изданием) *The New Times*. Деньги перечисляли далеко не только читатели журнала. В основном это были просто люди, возмущенные явно несправедливыми действиями властей по отношению к независимому медиаресурсу — при полном понимании самоценности неподцензурной прессы*.

«Поезд изменений», идуший по кругу

В московском метро иной раз появляются обильно раскрашенные поезда. Один из них называется «Поезд изменений». Разные вагоны тематически описывают те или иные общественные инициативы, поддержанные властью, например движение волонтеров-медиков. Идея изменений, если судить по этим агитпоездам, принимается властью. Однако в ответ, вместо модернизационных усилий, государство просто «отзеркаливает» деятельность «общества граждан» и пытается его вытеснить, заменив подконтрольной и проверенной «общественностью». На всякую потенциально массовую инициативу власть отвечает либо созданием своей собственной структуры (влиятельное провластное Военно-историческое общество делает почти незаметной активность Вольного исторического общества), либо «национализирует»

* Альбац Е. Как вы спасли *The New Times*. // *The New Times*. — 31 декабря 2018 // <https://newtimes.ru/articles/detail/175514>

Франсис Пикабия. Беседа II. 1922

проект, маркируя его как свой («Бес- смертный полк»). За неподконтроль- ными проектами, которые оно не готово «национализировать», государство внима- тельно наблюдает: например, «По- следний адрес», становясь все более массовым, начинает постепенно вызы- вать раздражение у власти. В Санкт- Петербурге местные властные структу- ры уже пришли к выводу, что размеще-

ние табличек в память о жертвах репрессий нарушает местное законода- тельство*.

Спрос на изменения действительно существует**. Но, если говорить о массовом спросе, он очень неопреде- ленный и носит в целом патерналист- ский характер, ориентированный на редистрибуцию национального про- дукта.

* Колесников А. Дорога к последнему адресу. // *The New Times*. — 17 декабря 2018 // <https://new-times.ru/articles/detail/174885/>

** Колесников А., Волков Д. Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? // Московский центр Карнеги. — 5 декабря 2017 // <https://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906>; *Изменения и перемены. Пресс-выпуск*. — Левада-Центр. — 19 июня 2018 // <https://www.levada.ru/2018/06/19/izmeneniya-i-peremeny/>

Интерес властей, имитирующих изменения, — перехватить повестку у гражданского общества, превратить государство в безальтернативный источник финансирования и поддержки гражданской, благотворительной и прочей активности. Государство предлагает свою повестку «изменений» и соучастия в них. Пытаясь сформировать лояльного гражданина, оно предоставляет члену общества поле для морально одобряемой активности — лишь бы он не выходил на площадь.

Характерен пример поддержки государством волонтерского движения; на эту тему в декабре 2018 года было даже организовано заседание Госсовета*. Официальные данные впечатляют. С 2017 года для НКО открыт доступ к оказанию *социальных* услуг за счет бюджетов. Для этого они должны получить особый статус исполнителей общественных услуг. На 1 декабря 2018 года в Российской Федерации зарегистрировано 210 тысяч некоммерческих организаций, которые по своим организационно-правовым основам соответствуют деятельности как социально ориентированные. По линии Фонда президентских грантов в 2018 году 900 волонтерских проектов получили финансирование на сумму 1 млрд 700 млн рублей.

Каждый пятый гражданин России, докладывая на заседании Госсовета социальный вице-премьер Татьяна Голикова, должен стать волонтером. Едва ли такая активность может быть исключительно добровольной. Происходящее похоже на замещение социальных государственных сервисов бесплатной рабочей силой.

А в случае с формированием «кибердружин» («казачий дозор»), ведущих реестр запрещенных сайтов, — это своего рода аутсорсинг подконтрольным «консервативным гражданским обществом» контрольно-надзорных функций государства**. В случаях же, когда «казаки» следят за «общественным порядком», можно говорить об отказе государства от монополии на легитимное насилие.

Такой «поезд изменений» просто обречен ходить по кругу.

Заключение

Итак, «общество граждан» и его представители в России находятся в непростом положении. Они могут пойти на сделку с государством и работать на него и на его условиях. Де-факто это означает и открытую политическую поддержку режима, и превращение в «общественность». Другой путь — маргинализация, обретение статуса изгоев, обреченных на перманентный конфликт с государством. В результате в обществе продолжают нарастать конфликтность и поляризация.

У государства нет намерения иным образом строить отношения с гражданским обществом, и это вписывается в устойчивую тенденцию к огосударствлению всех сфер жизни. Гражданское общество не исчезнет, а станет существовать параллельно государству, и не всегда в форме НКО или иных организаций. Чаще это будет жизнь неформализованная, основанная на строительстве горизонтальных сетей и, как правило, с преобладанием негативной повестки.

* Заседание Государственного совета — Президент России. — 27 декабря 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/59528>

** Казачья кибердружина. Казачий дозор. // <http://cossackcenter.mgutm.ru/kazachya-kiberdrujina-il>

*Владимир Рыжков,
профессор НИУ «Высшая
школа экономики», к.и.н.,
председатель политического
движения «Выбор России»*

Гражданское общество после 2018-го: есть ли шанс?

Если понимать гражданское общество широко, как *публичное пространство за пределами семьи, государства и рынка, где люди объединяются для продвижения общих интересов* (определение международного альянса по изучению и поддержке гражданского общества CIVICUS), то ясно, что 1) гражданское общество является определяющим фактором (необходимым условием) для существования и функционирования правового государства, либеральной демократии и свободной рыночной экономики; 2) от становления гражданского общества в решающей степени зависят перспективы правового государства, либеральной демократии и рыночной экономики в России.

Каково в этой связи состояние гражданского общества в России и его перспективы?

Заслуживающими внимания соображения можно сформулировать в 10 основных тезисах.

1. Невозможность быстрого формирования гражданского общества после десятилетий государственного террора и связанных с ним социальной анонимии, социальной апатии и правового нигилизма — *основной социальный фактор* авторитарного натиска последних двух десятилетий («эпохи Путина»). Такая тенденция была, скорее всего, неизбежна (что подтверждается также опытом всего постсоветского пространства и отчасти стран Центральной и Восточной Европы). Таким образом, постсоветскую общественно-политическую траекторию России во многом предопределили социальные, культурные и исторические факторы, а не только злонамеренность/неумелость правящих элит.
2. В то же время постсоветское пространство принципиально отличается от советского тем, что

гражданское общество в нем появилось и развивается, несмотря на сопротивление государства, семьи, рынка и самого общества. Это само по себе создает для всех нас позитивную историческую среду, вне зависимости от конкретных оценок текущего состояния гражданского общества (как умеренно оптимистических, так и крайне пессимистических).

3. Сложность заключается в том, что надежных методик оценки состояния гражданского общества не существует. Отсюда большой разброс в оценках, доминируют субъективные экспертные оценки.

В ежегодном докладе CIVICUS за 2018 год Россия помещена в ряд стран, в которых гражданское общество подвергается репрессиям (вместе с Белоруссией, Мексикой, Турцией и др.). Ситуация в России оценивается хуже, чем на Украине, в Казахстане, Киргизии, Индии, Бразилии и Монголии. Но при этом лучше, чем в Китае, Иране, Вьетнаме, Узбекистане, Туркменистане, Египте, Эфиопии, Северной Корее и на Кубе.

В ежегодном докладе Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества в России за 2017 год фиксируется *падение числа НКО*, находящихся в реестре Минюста (223 тысячи на ноябрь 2017 года, в 2009 году их было около 700 тысяч), причем реально работают лишь 15–25% из них. В общее число входят и коммерческие корпорации и разного рода околосударственные структуры и спортивные клубы. Мы не знаем также, сколько людей в России работают в некоммерческом секторе (оценочно — от 700 до 900 тысяч человек). Признается, что регулирование и отчетность для НКО сегодня сложнее, чем в коммерческом секторе.

Однако Общественная палата отмечает ряд обнадеживающих фактов. Две трети россиян доверяют деятельности НКО. 21% россиян участвуют в деятельности церковных приходов, в благотворительности, в родительских комитетах, в наблюдении за выборами, защищают экологию, принимают участие в работе профсоюзов. 13% помогают незнакомым. 19% помогают ближнему кругу (друзьям, коллегам, родственникам). 7% участвуют в решении местных проблем. 4% входят в кружки по интересам или учатся на курсах. 3% участвуют в правозащите, митингах и демонстрациях. 31% россиян не принимают участия ни в какой деятельности. Такое общество, повторю еще раз, уже принципиально отличается от советского.

Надежных данных о количестве незарегистрированных НКО в России нет. Хотя есть среди них весьма активные и известные («Диссернет», «Последний адрес» и другие). Многие НКО, чтобы избежать государственного регулирования, предпочитают работать неформально, как сетевые сообщества.

В докладе Агентства США по международному развитию (USAID) об устойчивости гражданского общества в Восточной Европе и Евразии за 2016 год отмечается значительный рост препятствий развитию граж-

данского общества в России за последние годы. Ситуация здесь пока лучше, чем в Азербайджане и Белоруссии, но хуже, чем в Армении, Молдове, Украине, Грузии.

Таким образом, имеющиеся оценки позволяют сделать следующие выводы: 1) гражданское общество в России существует и является значимым фактором общественного развития; 2) политика государства по регулированию НКО ужесточается и ведет к стагнации этого сектора; 3) растет неофициальный сектор гражданского общества, но его трудно оценить количественно.

4. Государство понимает важность гражданского общества и одновременно опасается его как субъекта, способного взять государство под свой контроль, ограничить возможности для злоупотреблений и коррупции, потребовать смены групп, монопольно и несменяемо находящихся у власти, на свободных выборах. Это влечет за собой *двойственную государственную политику*: 1) вовлечение НКО в орбиту государства через финансовую поддержку и создание проправительственных НКО; 2) репрессии и давление на нелояльные и неподконтрольные НКО.

В 2018 году на госфинансирование НКО было выделено около 8 млрд рублей. При этом 72 НКО числятся в реестре Минюста как «иностранные агенты». Независимые НКО массово штрафуются и подвергаются другим санкциям со стороны государства.

5. Государство поощряет private добродетели (патриотизм, волонтерство, благотворительность, сострадание и пр.) и при этом наказывает за добродетели гражданские (политическая активность, критическое мышление, оппозиционность, защита прав человека).

6. Тем самым государство конструирует гражданское общество, удобное ему самому. Приоритет отдан «социально ориентированным» НКО, отбираемым самими властями. Граждански ориентированные НКО (правозащитники, правовая помощь, независимые СМИ, наблюдение за выборами, противодействие коррупции и злоупотреблениям государства, часть экологического движения, препятствующего государственным и олигархическим проектам, гражданское просвещение) репрессируются. Подавляющее большинство НКО «иностранных агентов» принадлежит ко второй категории.

По данным Общественной палаты РФ, 63% зарегистрированных НКО относятся к социально ориентированным. 2/3 россиян участвуют в благотворительной деятельности; в 2016 г. ими было пожертвовано 143 млрд рублей (0,34% ВВП). 53% россиян совершали денежные пожертвования. 59% россиян доверяют благотворительным организациям. При этом 58% помогают детям, 30% религиозным организациям, 28% бедным, 20% животным и лишь 1% на поддержку сферы защиты идет

на права человека. 5% населения участвует в волонтерстве (медленный, но рост).

Из этого можно сделать вывод о росте и усилении гражданского общества в социальной сфере, на фоне подавления государством становления гражданского общества в общественно-политической сфере (впрочем, подавляются и независимые профсоюзы, как и часть экологического движения).

7. Накопление опыта сотрудничества и доверия в социальной сфере имеет парадоксальные последствия. С одной стороны, государство воспринимает такой рост человеческого капитала как политически безопасный. Он вполне соот-

Можно предположить, что современное развитие «неполитического» гражданского общества является важным и необходимым этапом для будущего становления республиканского гражданского общества

ветствует задачам культивирования подданнического типа политической культуры (американские политологи Г. Алмонд, С. Верба), основного условия сохранения авторитарной политической системы. В то же время развитие гражданских (республиканских) добродетелей и соответствующих им НКО, власти рассматривают как опасные для себя, как формирующие новую — активистскую политическую культуру (культуру участия).

Однако сами по себе постоянно растущие опыт и массовость сотрудничества граждан в сфере неполитического создают важные предпосылки для формирования более сбалансированного гражданского общества, интересующегося не только «малыми проблемами», но и «большими» вопросами «общественного блага» (сменяемости и подотчетности власти, общей справедливости, социально-экономической модели, гарантий конституционных прав и свобод, независимости судебной системы и пр.) Именно поэтому в СССР жестко подавлялась любая, в том числе социально ориентированная, самодеятельность и самоорганизация граждан. Ведь гражданское общество *в любой его форме* автономно и тем самым бросает вызов монополии государства на власть.

Таким образом, можно предположить, что современное развитие «неполитического» гражданского общества является важным и необходимым *этапом* для будущего становления (перехода) республиканского гражданского общества.

8. Накопление социального капитала в структурах гражданского общества является несгораемым, не знает хода назад. Поэтому любое, даже незначительное, движение вперед имеет большую ценность для буду-

Джорджо де Кирико. *Забавы для девушки*. 1915

щего. Это можно проиллюстрировать достижениями российского ГО за минувшие 30 лет: гуманизация мест заключения, снижение числа заключенных, рост нетерпимости к пыткам, сокращение среднего тюремного срока, рост нетерпимости к фальсификациям на выборах и к коррупции, рост экологических протестов и движений, движений по защите культурного и исторического наследия.

9. Если следует ожидать перерастания (перерождения) неполитического по преимуществу ГО в более сбалансированное социально-политическое (республиканское) ГО, которое, скорее всего, произойдет спонтанно и на волне очередного общественного подъема (последний раз такой подъем наблюдался в 2011–2012 гг.), то в каких именно сферах этого следует ожидать прежде всего? Где уже наработан соответствующий начальный социальный капитал?

Рискнем предложить следующий список из 11 областей российской политической культуры участия:

- рост числа и влияния независимых профсоюзов;
- становление активных местных сообществ (в том числе на базе органов местного самоуправления);
- развитие свободы слова (независимых СМИ и в Интернете);
- развитие правозащитного движения во всех сферах (политические и гражданские свободы, пенитенциарная и судебно-правоохранительная система, правовая помощь, защита прав предпринимателей и прав собственности);
- развитие независимого наблюдения за выборами, как и более активное участие граждан в выборах в качестве кандидатов и избирателей;
- общественный контроль над бюрократией, в том числе борьба с коррупцией и злоупотреблениями властью;
- борьба за независимость судебной системы;
- содержательные общественные дебаты о приоритетах государственного развития, налоговой системе, тарифах монополий, бюджетных расходах, их прозрачности и подотчетности; рост запроса на более справедливое социальное государство;
- культурная свобода, защита плюрализма и свободы мнений и совести (включая религиозную свободу), защита меньшинств;
- защита культурного и исторического наследия;
- демилитаризация государства, общества и внешней политики, ограничение полномочий и общественная подотчетность органов полиции и безопасности;
- усиление борьбы за сохранение окружающей среды (пример — обострившаяся проблема свалок и отходов).

Во всех этих областях уже активно действуют структуры гражданского общества. Все они остроактуальны и обладают большим потенциалом роста общественной активности и самоорганизации граждан.

10. Пока авторитарному российскому государству удастся умело удерживать гражданское общество в рамках лояльного и неполитического. Однако постоянный рост горизонтальных коммуникаций и опыта самоорганизации граждан в неполитической (нереспубликанской) сфере создает растущий потенциал для формирования российской гражданской нации (на месте нынешнего разобщенного сообщества подданных). Этот процесс должен со временем привести к переходу социальной активности в активность гражданскую, к формированию и росту гражданских добродетелей россиян, к восприятию ими государства как «общего дела» (*res publica* — *лат.*), то есть к обретению российским обществом конституционных суверенных прав на свое государство силами и в интересах самих граждан.

Андрей Литвский,
заместитель главного
редактора «Новой газеты»

«Крымская пятилетка»* Как она ударила по международным интересам России

Пять лет назад Россия «взяла» Крым. Это кардинально изменило положение страны на международной арене, круто развернув ее внешнюю политику.

Правда, симптомы такого разворота проявились раньше. Еще в мюнхенской речи президент Путин в 2007 году впервые публично выразил недовольство российских правящих элит сложившимся после распада СССР международным порядком. Потом этих сигналов становилось все больше.

Однако ни критика «однополярного мира», ни обвинения Запада в игнорировании интересов России и посягательстве на постсоветское пространство — зону ее «жизненных интересов», ни даже скоротечная российско-грузинская война августа 2008 года с последовавшей «независимостью» Абхазии и Южной Осетии не смогли вплоть до марта 2014 года остановить инерцию российско-западного партнерства.

Запад (особенно Европа) при всей своей озабоченности новой российской активностью этого не хотел — опасался сломать сложившуюся архитектуру безопасности и не желал потерять экономические выгоды. Да и российские лидеры к разрыву не были готовы, считая, что это незачем, — мол, на Западе эту активность проглотят, «никуда не денутся». И, в общем, проглотили, хотя неохотно и с оговорками. Что, кстати, создало в Кремле иллюзию, что и в дальнейшем при необходимости можно повторить.

Но присоединение украинского Крыма, а затем и деятельность российских «добровольцев» и «отпускников» в Донбассе обернулись гораздо более жестким сценарием.

Запад на этот раз «не проглотил», он расценил произошедшее как слом «ревизионистской» Россией сло-

* См.: Новая газета № 23 от 1 марта 2019 г.

жившегося миропорядка, как опасное нарушение ею системы международных договоров и соглашений, которые в свое время подвели черту под холодной войной. Такое проглотить было невозможно — возникли опасения, что РФ взяла курс на силовой реванш в зоне своих «жизненных интересов» и что это — всерьез и надолго (тем более на фоне масштабного перевооружения российской армии и нарастания милитаристской риторики). Что она в своей «зловредной деятельности» не остановится и может выйти даже за пределы постсоветской зоны. Что она стала непредсказуемой, и верить ее лидерам нельзя. А потому ее надо остановить или хотя бы решительно «предупредить». Сохранять архитектуру безопасности, уже сломанную Россией, стало бессмысленно, а поддерживать *business as usual* — невозможно.

Начались санкции и политика сдерживания как ответ на «российскую угрозу». Россия, в свою очередь, на этот ответ тоже ответила. Начала раскручиваться спираль конфронтации с взаимными обвинениями в ее раскрутке.

При этом в течение всех пяти послекрымских лет в России шла и продолжается поныне невиданная по масштабам «пропаганда успеха».

Гражданам доказывают, что наконец Россия защитила свои внешнеполитические интересы, укрепила свою суверенность и безопасность. Что она наконец, «встав с колен», заставила мир с нею считаться. Что не допустила пересечения коварным Западом, ведомым США, некой опасной «красной черты». И хотя есть много проблем, в том числе из-за экономических санкций (которые, кстати, по кремлевской версии, российской экономике не толь-

ко мешают, но и в чем-то помогают), Запад в конце концов опомнится и, осознав растущую мощь обновленной российской армии и ее супероружия, хотя бы по соображениям безопасности будет вынужден вернуться к нормализации отношений с Россией. Если и не полностью на ее условиях, то уж как минимум с учетом ее интересов, сформулированных Кремлем. И если бы не давление США, стремящихся к мировой гегемонии, не навязываемая ими союзникам «руссофобия», то европейцы уже опомнились бы.

Что же реально, а не в телевизоре принесла России на международном фронте послекрымская пятилетка? Чтобы опираться на достоверную методологию, а не на пропагандистски мотивированные рассуждения, отметим, что в современном мире цели внешней политики — это вовсе не расширение территориальных владений, не приобретение колоний, не создание империй и не окружение себя сателлитами. А две довольно простые (по формулированию, а не по исполнению) задачи — как обеспечить безопасность страны и как создать для нее максимально благоприятные условия социально-экономического развития. Есть и другие цели, тоже важные, хотя и подчиненные двум основным. Среди них — хорошие отношения с соседями, расширение круга дружественных стран, укрепление международного престижа страны, участие в выгодных стране союзах, объединениях и международных организациях, привлекательность внутренней модели развития как инструмента «мягкой силы» и т.п.

Через призму этих задач взглянем на послекрымскую российскую политику.

О безопасности

Безопасности не прибавилось. Скорее поубавилось, несмотря на заклинания отечественной пропаганды. Дело в том, что укрепление армии и ее оснащение более совершенным оружием вовсе не означает автоматического усиления безопасности. Ведь эти «укрепления» и «оснащения» происходят не в компьютерной игре, а в мировом пространстве. А там есть и другие, мягко говоря, не менее сильные державы с широкими экономическими и технологическими возможностями — их политики и генералы не меньше российских заинтересованы в укреплении безопасности и гарантии интересов своих стран и их союзов. В сложной глобальной системе взаимного сдерживания всякое действие для сохранения баланса неизбежно рождает противодействие. А накопление оружия делает мир менее безопасным.

Взятием Крыма российское руководство окончательно перечеркнуло проект вхождения РФ в западные структуры.

Проект, который в разных ипостасях — от прямого вхождения в обновленное НАТО до более расплывчатых конструкций «общеевропейского дома» и «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока» — существовал в российском политическом дискурсе четверть века. На смену этим конструкциям, пусть и нереализованным, но создавшим мирную атмосферу, а потому на долгие годы задвинувшим на задний план тему военно-политического противостояния, пришли небывалая конфронтация России и США и резкое ухудшение отношений России со странами Европы. Что неизбежно вновь

выдвинуло противостояние на передний план. Одновременно активизировав на Западе (особенно в США) сторонников жесткой военной политики в отношении России, неоконсерваторов и ястребов, влияние которых в период российско-западного «партнерства» было ослаблено.

В итоге за прошедшие пять лет мы получили в качестве «ответки» на Крым беспрецедентное укрепление натовской дисциплины под эгидой США, увеличение членами НАТО военных расходов, размещение близ границ России американских подразделений и новых вооружений, а также старт нового витка гонки вооружений, который при разительной несоразмерности потенциалов России и объединенного Запада может иметь для РФ катастрофические последствия.

Разваливается российско-американская система ограничения вооружений — скорее всего, в бозе почил Договор о РСМД, плохие перспективы у продления ОСВ-3 после окончания его срока действия в 2021 году. Конечно, не только Россия «развалила эту часовню». В этом ей активно помогли американцы, которые задолго до «Крыма» вышли из Договора по ПРО, давно примеривались к выходу из ДРСМД и приступили еще при Обаме к размещению в странах Европы антиракет. Однако победивший в послекрымском общественном мнении западных стран тренд «русской угрозы» делает укрепление натовских рядов и противодействие предполагаемым российским нарушениям более понятным даже для европейцев, традиционно в большей степени, чем американцы, заинтересованным в поддержке с Россией нормальных взаимоотношений.

И все это нагнетание напряженности происходит на фоне отсутствия разоруженческого переговорного процесса, резкого сокращения двусторонних контактов, сворачивания программ военного сотрудничества РФ и НАТО, критического падения доверия друг к другу. А также наличия реальных конфликтов — сейчас украинского и сирийского, а кто поручится, что не будет других, — в ходе которых Россия и Запад в той или иной форме оказываются по разные стороны. А значит, могут произойти неконтролируемые военные эксцессы, способные в такой наэлектризованной атмосфере привести к крайне опасной военно-политической эскалации. Конечно, большой войны никто не хочет, но говорить в нынешней, гораздо более нервной, чем пять лет назад, ситуации об «укреплении безопасности» нелепо и безответственно.

О союзниках

Союзников у России нет. В этом коренное отличие нынешнего противостояния РФ и Запада от блокового противостояния времен холодной войны. Назвать союзниками те постсоветские страны, которые входят в евразийские проекты вокруг России, — большая натяжка. В целом широко задуманный российский проект евразийской интеграции конфликтом с Украиной так же перечеркнут, как и «западный» проект. Украина, без которой он вообще имеет мало смысла, стала враждебной страной. С Белоруссией и Казахстаном

есть, конечно, элементы экономической интеграции, но назвать их союзниками сложно. Присоединение Крыма, поддержка РФ «русского мира» в Донбассе этими странами приняты «условно», с опаской за свою собственную судьбу — украинский

Конечно, большой войны никто не хочет, но говорить в нынешней, гораздо более нервной, чем пять лет назад, ситуации об «укреплении безопасности» нелепо и безответственно

опыт волей-неволей приходится примерять на себя. Поэтому таможенный союз — да, а политические надстройки — категорически нет. Для Белоруссии Лукашенко «союзное государство» с Россией имеет чисто прагматический, «льготный» смысл. Что не исключает и постепенного налаживания для противовеса отношений с Западом. Что касается Казахстана, то для него все в большей степени фактором уравнивания опасной чрезмерности российского влияния становятся отношения с Китаем. Армения, экономически сильно зависящая от России, после бурных событий прошлого года и смены власти ищет возможности диверсификации своих внешних связей — как экономических, так и политических.

Что касается Китая, то, будучи на данном этапе «стратегическим партнером» России, он никогда не станет ее союзником (как, впрочем, и любой другой державы). Он всегда будет вести свою собственную прагматическую политику, частью которой является использо-

Макс Бекман. Снятие с Креста. 1917

вание этого партнерства как одного из рычагов выжимания из Запада более выгодных для себя условий и возможностей. Проявляя при таком ситуативном партнерстве стремление к роли «старшего» партнера. И добиваясь ее — для этого у него все больше экономических и технологических оснований.

О соседях

С большинством соседей — непосредственных и просто ближних — у России отношения за «крымскую пятилетку» ухудшились. Достаточно взглянуть на карту. По западному и частично южному контуру, если не считать

Белоруссию, они варьируются от натянутости до враждебности. Норвегия — член НАТО, с ней последнее время то и дело возникают конфликтные эпизоды, связанные с военной деятельностью РФ и НАТО. В Финляндии, в современной истории всегда стоявшей вне блоков, после «Крыма» впервые после окончания Второй мировой войны появились политики и эксперты, высказывающиеся — пока гипотетически — о возможности вступления в НАТО (то же — в традиционно нейтральной Швеции).

Страны Балтии, а также Польша — на сегодня наиболее активные в рамках западных структур борцы против «российской угрозы». Неудивительно, ведь крымская акция России оживила в их исторической памяти события начала Второй мировой войны, когда в сентябре 1939 года сталинский СССР в соответствии с «пактом Молотова–Риббентропа» разделил по «геополитическим соображениям» вместе с гитлеровской Германией Польшу, а в 1940 году лишил государственной самостоятельности прибалтийские страны.

К соседним странам, уже испытывавшим в той или иной степени опыт силового контакта с современной Россией, а потому болезненно пережившим российские действия в отношении Украины, относятся также Грузия, потерявшая Абхазию и Южную Осетию, и Молдова, лишившаяся Приднестровья.

Испорченными отношениями с этими странами дело не ограничится. После «Крыма» и начала донбасского конфликта фактор российской угрозы — реальной или мнимой — толкает не только Украину, но и Грузию с Мол-

довой (а через какое-то время это, скорее всего, произойдет и с Белоруссией) в западные структуры — НАТО и ЕС. Это, конечно, дойдет до реализации не скоро, но импульс этому вектору дал именно «крымнаш».

О международном престиже

Возможности многостороннего международного диалога у России сузились. Она вылетела из неформальной G8. Будучи лишенной права голоса, не участвует в деятельности ПАСЕ, прекратила платить взносы в Совет Европы. И есть опасность ее выхода из этой организации — во всяком случае, такой сценарий российскими политиками обсуждается и на всякий случай прорабатывается. В ООН ее позиции ослабли, в Совбезе все чаще приходится применять право вето.

Россия потеряла важное политикоморальное преимущество на международной арене. Ведь в течение всего постсоветского периода она отстаивала соблюдение норм и процедур международного права, критикуя США и другие страны Запада за их нарушение, ратовала за сохранение исключительной роли ООН в урегулировании международных конфликтов. «Крым» это преимущество перечеркнул, уронив престиж России. Не случайно резко сузился круг стран, ее поддерживающих. Да и репутация у многих из тех, кто ее поддерживает, сомнительна — среди них откровенно авторитарные режимы, включая «страны-изгои». Можно говорить о международной изоляции России — пусть и не тотальной, но серьезно ограничивающей ее международные возможности.

О перспективах развития

Внешние условия социально-экономического развития России серьезно ухудшились. Это настолько очевидно, об этом столько сказано множеством компетентных экспертов — российских и зарубежных, что не имеет смысла на этом подробно останавливаться.

Отметим лишь, что дело не только в западных санкциях, количество и болезненность которых для российской экономики все нарастает и будет нарастать далее и которые в подавляющем большинстве приняты в ответ на «Крым» и «Донбасс». Есть еще ряд негативных воздействий на перспективы российского социально-экономического развития, которые находятся за пределами чисто санкционного вреда, но также вызванных посткрымским разворотом российской политики.

Это неизбежный рост доли расходов на оборону, которых не станет меньше от того, что их по еще советской методе будут «прятать» в закрытых или мирных статьях бюджета.

Это выпадение России из масштабных международных проектов и программ экономического сотрудничества из-за потери многими западными партнерами интереса к нашей «кислотной» стране, испорченная репутация которой начинает их отпугивать.

Это все менее благоприятный климат внутри нашей страны для западных инвестиций и лично западных инвесторов, что является одним из неизбежных следствий паранойи «осажденной крепости», насаждаемой в

России в ходе посткрымского антизападного разворота.

Это «окукливание» российской экономики в самой себе и постепенная потеря преимуществ глобализации как следствие нарастающей изоляции и бессмысленной политизации экономических отношений с внешним миром.

После «Крыма» Россия отправилась в рискованное плавание в сторону геополитического одиночества, в сторону изоляции и автаркии. Она перечеркнула «западный» и «евразийский» проекты. «Восточный поворот», на деле получившийся «поворотом к Китаю», вышел куцым и чреватым превращением России в младшего китайского партнера. Не признанный мировым сообществом захват Крыма на долгие годы превратился в болезненную неизвлекаемую занозу.

Не имея в своем распоряжении, кроме военной силы, иных козырей — экономических, технологических, «мягкой силы», — теряя союзников, добрых соседей, международную поддержку, Россия все больше архаизируется и теряет шансы развития.

Этот путь ведет в тупик, он ослабляет и маргинализирует страну, а потому главная задача для российского общества на сегодня — искать из него выход. Избавляясь от мифологической картины мира, от мании величия, от позы гордого и оскорбленного одиночества. Возвращаясь к трезвой оценке своих возможностей (кстати, немалых) в современном мире и на этой основе — к реальной политике.

Снижение международной роли США, появление новых центров силы, сближение России и Китая — все эти факторы создают неустойчивую и потенциально конфликтную международную среду. Такая среда не может быть комфортной для России, испытывающей острый дефицит собственных ресурсов для устойчивого развития.

В февральском номере онлайн-журнала Riddle о внешней и внутренней политике России опубликована серия статей, посвященных сценариям развития отношений между Россией, Европой и США. Предлагаем читателю одну из них.

Хочешь мира — готовься к миру

*Ольга Ирисова,
главный редактор
онлайн-журнала Riddle,
политический аналитик*

Состояние российско-западных отношений на современном этапе характеризуется невиданной со времен холодной войны напряженностью, недоверием и непониманием друг друга. Аннексия Крыма, война на востоке Украины, информационное вмешательство Кремля в политические процессы западных стран, кибератаки, распространение дезинформации — все это, как и многое другое, привело к тому, что Запад и Россия сегодня оказались настолько далеко друг от друга, что представить возможность налаживания отношений в обозримой перспективе невероятно сложно. Кажется, что противостояние в информационной (как минимум) сфере еще долго будет влиять на формирование восприятия россиянами Запада и жителями западных стран России. При этом надо признать, что в долгосрочной перспективе Россия (не Россия Путина, а Россия как страна со своими национальными интересами) заинтересована в налаживании отношений с Западом в той же степени, что и Запад заинтересован в стабильных партнерских отношениях с Россией.

В рамках мысленного эксперимента представим, что в среднесрочной перспективе реализуется самый позитивный для обеих сторон сценарий — в России на смену Путину приходят демократы, пересматриваются результаты внешнеполитического курса предыдущего руководства (тема Украины), прекращаются все попытки влиять на общественное мнение за рубежом с помощью конструирования информацион-

ной повестки. И в целом Россия берет курс на тесное сотрудничество с Западом. Но возникает вопрос — а будет ли Запад готов начать с чистого листа и выстраивать новый тип отношений? Положительный ответ на этот вопрос зависит от целого ряда факторов. Некоторые уже сейчас омрачают перспективу сближения в будущем, другие возникнут значительно позже — в момент демократического транзита России.

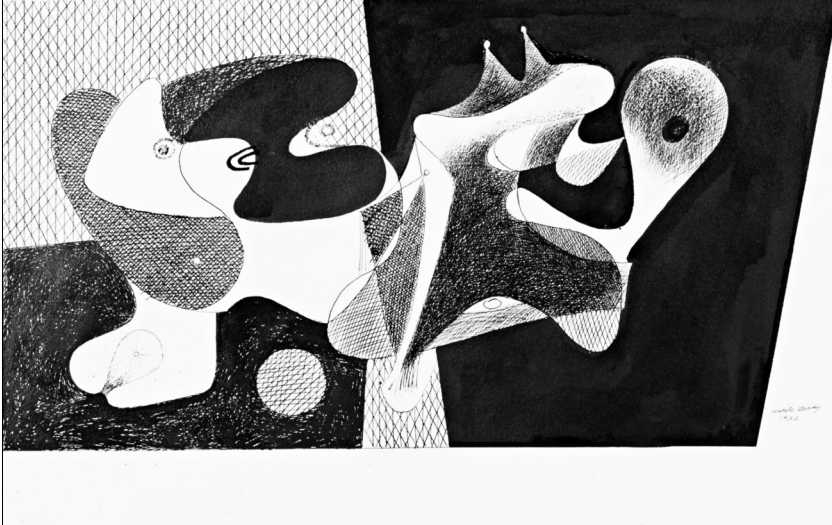
Удобный «Другой»

Образ «Другого» имеет крайне важное значение и во внутривнутриполитической, и во внешнеполитической жизни страны. В первом случае «Другим» может выступать партия или политическая сила-оппонент: для современного республиканца в США, например, интракультурным «Другим» может быть демократ. Во втором — речь идет уже о интеркультурном «Чужом», коим, например, на нынешнем этапе для России являются США. Именно через «Другого» проще всего выстраивать и поддерживать групповую идентичность. Здесь можно вспомнить, что в России при Путине спорадическая мобилизация электората происходила в основном на фоне антизападных медийных кампаний, то есть во время искусственного нагнетания страха в отношении внешнего «Другого».

При этом в момент, когда «Другой» приобретает негативные характеристики в глазах большинства, через его влияние становится проще объяснять проблемы, вызванные в первую очередь причинами внутри страны. Саркастичный мем «Обама виноват» как раз появился на фоне распространения сообщений о том, что некоторые россияне возлагают ответственность за свое неблагополучие на президента США (конечно, стоит сделать оговорку, что образ ответственного за все Обамы — не народное творчество, а упрощенная модификация месседжа, почерпнутого из пропагандистских российских СМИ).

Следует признать, что в ответ на действия Кремля в западных медиа образ враждебного «Другого» теперь прочно закрепился за Россией: по данным опроса Gallup, Россия занимает первое место в списке главных врагов Америки — так считает 32% американцев, в то время как Китай называют главным врагом 21% опрошенных, Северную Корею — 14%, а Иран — 9%.

В таких условиях репутация России, сложившаяся на основе объективных факторов (политика в отношении Украины, Сирия, попытки вмешательства в выборы президента США в 2016 году и т.д.), начинает определять отношение к стране и людям в целом. И так как Россия уже зарекомендовала себя нарушителем правил, следующий новый проступок — будь то реальный или нет — уже укладывается в существующий образ и в него проще поверить, даже если на этот раз оказывается, что никаких активных мероприятий Кремль не проводил. Как пишет украинский политолог Антон Шеховцов, адепты культуры виктимности «не просто

Аршил Горьки. Объекты. 1932

насторожены по отношению ко всему русскому. Они настолько чувствительны к этой теме, что в итоге все русское наделяется ими неотъемлемыми токсичными свойствами». «Токсичным» при этом становится даже мультфильм «Маша и Медведь», объявленный «мягкой пропагандой Кремля». Подобная демонизация противника, с одной стороны, — обычное дело в периоды напряженности в отношениях, но с другой — она осложняет попытку примирения в будущем и отвлекает внимание от реальных вызовов.

Остро стоит и проблема интерпретации критичных в отношении России публикаций в российской среде. Одно дело фактологически точные публикации, анализирующие реальные дела Кремля. Их сложно развернуть в нужном нынешней российской власти ключе. И совсем другое дело — материалы, например, призывающие Запад готовиться к распаду России. Представим россиянина, уставшего от экономической стагнации, повышения налогов, отсутствия горизонта планирования. Он уже не очень верит ТВ-пропаганде (особенно темам, связанным с внутренней и экономической политикой) и при благоприятном стечении обстоятельств вполне способен отбросить навязываемый антиамериканизм. И вот он видит публикацию в американской газете, в которой говорится, что «НАТО должно подготовиться к опасностям и возможностям, которые представит фрагментация России», что некоторые регионы России

«могут присоединиться к таким странам, как Финляндия, Украина, Китай и Япония, чьи территории Москва насильственно присвоила в прошлом. Другие регионы на Северном Кавказе, Средней Волге, в Сибири и на Дальнем Востоке могут стать полностью независимыми государствами и наладить отношения с Китаем, Японией, США и Европой». То есть в *вашингтонской политической газете* наш россиянин находит для себя подтверждение тому, что ему рассказывали на российских телевизионных политических ток-шоу, где время от времени проводится мысль, что Запад мечтает о распаде России. Слова имеют значение, и такие слова — прекрасный подарок нынешней российской власти и бомба, заложенная под фундамент возможного примирения в будущем. Это же относится и ко всем рассуждениям о «нации рабов», пассивности россиян и т.д., которые не учитывают влияние ситуационных и системных факторов и могут быть проинтерпретированы через призму ксенофобии.

Вернемся к тезису о том, что устойчивый негативный образ «Другого» дает возможность объяснять проблемы в собственных странах не сложным анализом динамики развития общественных отношений, ошибками руководства и т.д., а внешним вмешательством. То есть фактически «Другой» время от времени выполняет роль дымовой завесы, позволяющей, с одной стороны, игнорировать внутренние проблемы, с другой — перекладывать ответственность на внешнего актора. Сказать «Трамп — результат вмешательства России в выборы» намного проще, чем анализировать, например, роль высокой концентрации медиакапитала в углублении общественной поляризации. Конечно, попытка вмешательства была, но насколько она повлияла на результат голосования, неизвестно. Например, Брендан Найан, политолог из Мичиганского университета, исследующий среди прочего влияние и охват фейковых новостей во время выборов 2016 года и промежуточных выборов 2018 года, считает, что не существует достоверных данных, которые подтверждали бы, что вмешательство России изменило результат выборов, так как основными посетителями сайтов, содержащих фейки, были приверженцы «самых консервативных новостных диет» — то есть потенциальные избиратели Трампа, но и в их корзине медиапотребления на фейковые новости пришлось не более 8%. По мнению Сары Отс, профессора в университете Мэриленда, российской информационной кампании против США «в значительной мере помогли три фактора: ослабление американской журналистики из-за отсутствия надежной бизнес-модели, атаки администрации Трампа на прессу и чрезмерные страхи по поводу влияния Москвы». К этому я добавила бы, что преувеличение значения кремлевской пропаганды за рубежом не только отвлекает внимание от внутренних факторов, способствующих распространению фейкового контента и поляризации, но и создает образ всемогущей Москвы, который выгоден российской власти. При этом, естественно, никто не говорит, что проблему нужно игнорировать. Нет, с ней необходимо бороться путем работы с предубежде-

ниями собственного населения, на которых любая пропаганда и может сыграть. Но опять же — это работа с внутренними «слабостями», а преувеличение могущества Кремля в информационном пространстве явно не способствует решению этой задачи.

Открытыми остаются несколько вопросов: если Россия окажется готова встроиться в сообщество демократических стран, сможет ли Запад отказаться от использования ее в качестве «Другого»? Готовы ли западные медиа уже сейчас применять более нюансированный подход при создании образа России как страны не только Путина и нынешнего Кремля, но и россиян? Способны ли журналисты и эксперты ощущать большую ответственность за свои слова, которые, как ни крути, влияют и на то, каким Запад видит Россию, и на то, каким в России представляют Запад?

Сложность транзитного периода

Однако даже в том случае, если на современном этапе будут заложены предпосылки нормализации отношений в будущем и западное общество окажется готовым без предубеждений принять новую демократическую Россию (как предполагает сценарий), то на этапе транзита неизбежно возникнет ряд сложностей, связанных в том числе и с наследием нынешней информационной политики Кремля. Например, возникнет вопрос, что делать с пропагандистскими ресурсами, ориентированными на работу за рубежом? Если с нишевыми проектами все ясно — закрыть и признать вину, то как быть с крупными проектами типа RT и Sputnik? Учитывая значительные бюджеты, вложенные в них, было бы недальновидно требовать от России отказа от вещания на иностранных языках. Приемлемым для обеих сторон решением могло бы стать глубокое реформирование этих проектов (возможно, с переносом фокуса на освещение в первую очередь России миру), ребрендинг, привлечение к владению и управлению иностранного капитала и т.д. Более сложный вопрос — как поступить с журналистами, ответственными за разжигание ненависти в отношении Запада и в первую очередь Украины? Как определять уровень индивидуальной ответственности?

С другой стороны, также встанет вопрос о будущем западных проектов, нацеленных исключительно на борьбу с российской информационной угрозой. Конечно, проблема переформатирования инфраструктуры, выстроенной вокруг нынешнего информационного противостояния, представляется не самой значительной из возможных сложностей транзитного периода. Но думать об этом следует заранее.

Реализация сценария, изложенного в начале статьи, выглядит сегодня крайне маловероятной. В первую очередь должна измениться сама Россия. Но Запад в данном случае может продемонстрировать большую мудрость и дальновидность, сумев и в период конфликта не закрыть перспективу будущего мира.

Правление*

Лесли Л. Блейк,
британский юрист,
специалист по конституционному праву

Эта книга о словах, в которых находит свое выражение власть. По замечанию Бенджамина Дизраэли, слово представляет собой основное орудие управления государством¹. Воля парламента находит словесное выражение в его актах. Даже для злодеев, говорящих на языке грубой силы, слово главаря — закон. Александр Солженицын достаточно полно раскрыл идею всеислия слова в предложенном им сценарии краха советского режима: «...Да, да, конечно, кто же не знает: не проткнуть лозою железобетонных башенных стен. Да вот догадка: может, они на рогоже нарисованы? ... Советскую власть, вне всякого сомнения, могла бы взломать только литература. Режим был забетонирован до такой степени, что ни военный переворот, ни политическая организация, ни линия забастовочных пикетов не в состоянии свалить его или проделать брешь. Только писатель одиночка смог бы сделать это»².

В приложении к книге я привел обширный фрагмент, воссоздающий ход коронационной службы Ее Величества Королевы Елизаветы II. ...Регламент службы предусматривает, что в определенный момент архиепископ Кентерберийский должен приблизиться к коронационному трону Королевы, чтобы произнести следующее: «Наша милостивая Королева, дабы Ваше Величество обращалось мыслью к Святому Писанию и Закону Божию как к установлениям, определяющим саму жизнь и правление христианских государств, мы преподносим Вам Книгу — бесценный дар, равных которому нет в этом брэнном мире». Затем модератор Генеральной ассамблеи Церкви Шотландии вручает Королеве Библию и произносит: «Здесь Мудрость. Вот Высший Закон и воплощение Слова Божия».

Возможно ли такое, что истинный смысл этих слов ныне утрачен, что от них остался лишь мистически-прекрасный ореол, окружающий древнее таинство коронации? Определяют ли они

* Настоящий текст представляет собой первую главу книги Л.Л. Блейка «Королевское право: источник нашей нынешней свободы»: Blake L.L. *The Royal Law: Source of Our Freedom Today*. — London: Shephard-Walwyn Ltd., 2000. — P. 1–15.

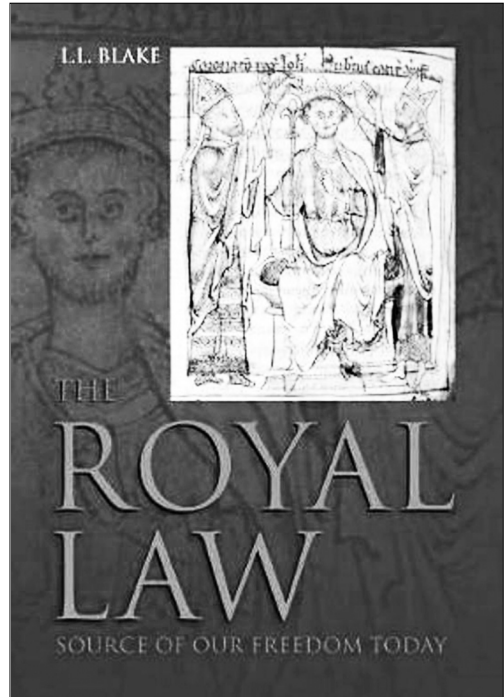
течение нашей жизни? И есть ли вообще какая-то власть от Бога?

Автор книги склонен дать на последние два вопроса положительный ответ.

Рассмотрим простой пример — некоторые положения раздела 83 Регламента «О конструкции и эксплуатации моторных транспортных средств» 1969 года, касающиеся обеспечения безопасности³:

«1) использование моторного транспортного средства не является безопасным в значении, предусмотренном статьей 2 настоящего Регламента, если субъект самостоятельно использует либо обязывает другого субъекта или позволяет другому субъекту использовать на проезжей части моторное транспортное средство, либо прицеп к моторному транспортному средству на пневмоколесном ходу, в случае...

f) если рельеф рисунка протектора шины, смонтированной на колесный диск моторного транспортного средства, а именно, мотоцикла, оснащенного двигателем, рабочий объем которого не превышает 50 кубических сантиметров, не просматривается на каком-либо участке поверхности шины, ширина которого составляет не менее 75% ширины поверхности шины, либо на каком-либо участке поверхности шины, длина которого равна длине окружности шины, а также если остаточная глубина рисунка протектора шины, смонтированной на колесный диск моторного транспортного средства или прицепа к моторному транспортному средству (за исключением моторных транспортных средств с поперечной рулевой тягой), не превышает 1 миллиметр на каком-либо участке поверхности шины, ширина которого составляет не менее 75% ширины поверхности шины, либо

на каком-либо участке поверхности шины, длина которого равна длине окружности шины».

Едва ли нам удастся сразу определить, в чем именно может заключаться нарушение рассматриваемых положений Регламента, поскольку его текст довольно сложен для понимания. Но ситуация мгновенно проясняется, как только мы обратимся к соответствующей норме общего права: «Владелец транспортного средства, находящегося на автомагистрали, обязан... проявлять разумную заботу и осторожность во избежание причинения вреда иным субъектам, также находящимся на автомагистрали»⁴.

Ее содержание, в свою очередь, адресует нас к строкам из Евангелия (Мат. 22, 36-40):

36. Учитель! какая наибольшая заповедь в законе?

37. Иисус сказал ему: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим

и всею душою твоею и всем разумением твоим»:

38. сия есть первая и наибольшая заповедь;

39. вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя».

40. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.

В свете сказанного особый интерес вызывают рассуждения о великой ценности двух упомянутых законов — любви к Господу и любви к ближнему, которые предлагает нам известный французский правовед XVII века Жан Дома⁵:

«Люди нарушают фундаментальные законы, в результате чего общество пребывает в состоянии, никоим образом не соответствующим тому, в котором данные законы выступали бы основой жизни и неиссякаемым источником единения. Однако закон любви к Господу, равно как и закон любви к ближнему, заложен в самой природе человека. Эти законы нерушимы, и ничто не может освободить людей от обязанности следовать им. Вне всякого сомнения... все прочие законы, регламентирующие жизнь общества, производны именно от фундаментальных законов, даже если состояние, в котором пребывает общество, не идеально».

Этот автор указывает на «все прочие законы»; то есть он считает противоречие между фундаментальными законами и их производными абсолютно невозможным. Поступательное движение мысли от общего к частному и уважение фундаментальных принципов — черты, присущие мировоззрению настоящего юриста. В XXI столетии, как и в XVII, продолжают действовать те же фундаментальные нормы. И мы всегда можем обратиться к ним, если собьемся

с истинного пути, но искренне пожелаем встать на него снова.

В решении по делу *Bowman v Secular Society*⁶ Палата лордов в своей мудрости постановила, что христианская доктрина более не является частью правовой системы Англии. Трудно понять, что именно подтолкнуло лордов занять такую позицию, но то был 1917 год — золотая пора фабианства. Прецедентное судебное решение вынес лорд Самнер: «Милорды! При всем уважении к выдающимся юристам, утверждавшим, что “в Англии христианская доктрина является частью правовой системы”, их слова ценны лишь как пример судейского красноречия. Давайте зададимся вопросом: в каком объеме наша правовая система включает в себя христианскую доктрину и в каком объеме христианская доктрина входит в нашу правовую систему? “Нет проступка, не одобряемого христианством, который притом одобряло бы право. Иначе христианство не было бы частью правовой системы Англии, что противоречит действительности”, — так ответил на него верховный судья Бест. Но и его слова не что иное, как все то же судейское красноречие».

Ситуация изменилась, когда аналогичное высказывание прозвучало из уст выдающегося судьи из Уэльса лорда Аткина в ходе рассмотрения дела *Donoghue v Stevenson*⁷ в 1932 году. Хотя фактические обстоятельства дела имели место на территории Шотландии, *Donoghue v Stevenson* стало самым известным делом в английском прецедентном праве. По заявлению истицы миссис Донахью, она отравилась полуразложившейся улиткой, которая попала в имбирное пиво из бутылки,

когда она повторно наполняла свой бокал. Указанная бутылка с непрозрачным туловом была куплена в кафе шотландского города Пейсли. Дело оказалось настолько сложным, что разбираться в вопросе о том, имелись ли основания для предъявления иска, пришлось Палате лордов. (Впоследствии, кстати, суд так и не приступил к исследованию доказательств по данному делу.) Судьи не понимали, как им следует поступить: положение истицы, вне всякого сомнения, было достойно сочувствия, но действующие законы не предусматривали для нее каких-либо средств правовой защиты. Она не могла подать в суд на кафе, поскольку не была покупателем данной бутылки: ее приобрело для миссис Донахью третье лицо. Но даже если бы обстоятельства сложились по-другому, заметить улитку в непрозрачной бутылке было бы невозможно. Должен ли производитель пива нести ответственность за случившееся? Но представляется вполне очевидным, что между ним и пострадавшей нет никакой связи. Бутылка, по сути, не является продуктом, заведомо представляющим опасность для потребителя; лишь в противном случае изготовителя можно было бы привлечь к ответственности за вред, причиненный данным продуктом, вне зависимости от его вины.

В биографии лорда Аткина рассказывается, что он считал это дело важнейшим за всю историю существования Палаты лордов как судебной инстанции. В ходе его рассмотрения был затронут вопрос, решение которого имело далеко идущие

последствия для института гражданской ответственности за правонарушения, совершенные по небрежности. «Это дело стало в своем роде испытанием нашей правовой системы и позволило проверить, удовлетворяет ли она

Сущность деликтного права предельно точно выражена в золотом правиле нравственности: относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе.

Лорд Аткин

нужды общества на нынешней ступени его развития или же далека от них», — пишет биограф⁸.

Лорд Аткин считал, что в данном случае необходимо определить принцип, применение которого позволит решить дело, следуя не столько букве, сколько духу закона. Лорд Олдингтон, его старший внук, оставил воспоминания о том, как он, будучи мальчиком, присутствовал на торжественном семейном завтраке в доме своего деда в Уэльсе.

«Летние каникулы 1931 года наша семья провела в Крейг-и-Доне. По воскресеньям мы ходили к заутрене в церковь Абердиви, после чего возвращались домой на большой семейный завтрак. Мой дед садился во главе стола, за которым кроме нас собирались также наши тетушки и кузены. Он считал, что едва ли кто-нибудь сможет сравниться с ним в искусстве нарезки окорока. Зачастую этот процесс сопровождался разговорами. Я помню, что в ходе таких завтраков мы неоднократно обсуждали дело об улитке в бутылке имбирного пива. Беседы о любви к ближнему по возвращении из церкви шли особенно

хорошо. Тогда я был семнадцатилетним учеником Винчестерского колледжа — большим поклонником классической филологии, не имевшим совершенно никакого представления о праве. Однако рассуждения деда занимали меня, и я был горд тем, что он так печется о поддержании духа человеколюбия и ответственности в отношениях между людьми»⁹.

В речи, произнесенной в Палате лордов перед оглашением решения по делу *Donoghue v Stevenson*, лорд Аткин сформулировал важнейший принцип, заложенный в основу института гражданской ответственности за правонарушения, которые совершены по небрежности: «В праве постулат любви к ближнему раскрывается через запрет причинения вреда, но необходимо определить, кто же те “ближние”, которым может быть причинен вред. Следует проявлять разумную степень заботливости во избежание действия или бездействия, рационально предвидимым последствием которого станет вероятное причинение вреда ближнему. Но кто же является для нас “ближними” с точки зрения права? Представляется, что для определенного субъекта права это лица, которые непосредственно и в наибольшей степени претерпевают неблагоприятные последствия его действий, в связи с чем ему надлежит рассматривать таковых в качестве потерпевшей стороны еще до момента совершения действия или бездействия, являющихся предметом спора».

Позже, уже вне судебного процесса по делу Донахью, лорд Аткин скажет: «По моему представлению, сущность деликтного права предельно точно выражена в золотом правиле нравственности:

относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе».

Таким образом, судьи высшей инстанции установили, что в ситуации миссис Донахью имелось основание для предъявления иска. В сложившихся обстоятельствах производителю пива следовало отнестись к ней как к своему «ближнему», по отношению к которому он должен был проявить разумную заботу и осмотрительность в ходе изготовления и розлива товара. После дела Донахью в общем праве сложился институт исковой защиты гражданских прав, нарушенных по неосторожности, то есть при несоответствии уровня заботы, проявляемой нарушителем по отношению к «ближним», существующим юридическим стандартам разумности. Его появление вызвало настоящую правовую революцию, движущей силой которой стала не законодательная новелла, а закон, изложенный в Священном Писании. «Целесообразно четко оговорить, — указал в заключении решения по делу лорд Аткин, — что закон в данном случае, как и в большинстве других, не может противоречить здравому смыслу».

Божественная воля равносильна закону — она и есть наше истинное правительство. Ее внешним выражением становится слово. В Евангелии от Иоанна (Иоан. 1, 1-5, 14) сказано:

1. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.
2. Оно было в начале у Бога.
3. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.
4. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.
5. И свет во тьме светит, и тьма не объела его...

14. И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца.

Жан Дома считал, что божественные законы неотделимы от человеческой природы и неизменяемы. Что же определяет истинную природу человека? Этот вопрос тщательно изучался мыслителями XVIII столетия. Они пришли к выводу, что предназначение человека — быть счастливым, а стремление к счастью (то есть желание обрести внутренний мир и гармонию) заложено в нем Богом. Человек обретает счастье, следуя естественным законам, которые выявляет его разум.

Эта идея прекрасно изложена в фундаментальном труде одного из величайших знатоков общего права Уильяма Блэкстона (1723–1780) «Комментарии к законам Англии»: «Поскольку по Его замыслу состояние человеческого счастья и соблюдение законов высшей справедливости связаны между собой теснейшим образом, и их связь подобна той, что возникает при переплетении нитей *утка* и основы, для человека невозможно пребывать в счастье, если он не соблюдает эти законы. Их последовательное исполнение способствует полноте человеческого счастья. Вследствие такой взаимосвязи справедливость восполняет несовершенство человеческой природы. Господь придал естественному закону единую и ясную форму, милостиво избавив человека от обязанности следовать многим умозрительным правилам и предписаниям, но обязав его придерживаться лишь одной высшей нормы — стремиться к истинному и исполненному смыслом счастью. Именно эта норма составляет сердцевину того, что мы называем этикой, или естественным

законом. Она раскрывается в ряде положений нашего законодательства, всякий раз обосновывая соответствие либо несоответствие тех или иных действий человека стремлению к подлинному счастью. То есть она определяет, противоречат ли его действия сути естественного закона, поскольку они губительны для счастья, или не противоречат, поскольку способствуют ему»¹⁰.

Рассуждения Блэкстона вызывали негодование его ученика Иеремии Бентама, который считал их проявлением твердолобости в сочетании с наивностью, отличавших тори. Вне всякого сомнения, многие из наших современников также были бы ими недовольны. Тезис о значимости счастья казался самоочевидной истиной и самому Бентаму; к счастью, однако, стремятся все, но получают его лишь немногие. Поэтому он желал «показать, насколько бесполезно и нежизнеспособно намерение решать какую-либо политическую проблему исходя из факта существования Бога, а также продемонстрировать, что манера Блэкстона смешивать между собой возвышенное и земное алогична»¹¹.

Со временем Бентам начал дискуссию о сформулированном им основном принципе утилитаризма (не утратившем своей актуальности и сегодня): в основании законов и норм морали лежит стремление к обеспечению наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Блэкстон, в свою очередь, также замечал, что критерием *эффективности* или *результативности* чьих-либо действий должно выступать достижение счастья или гармонии. Но уже в XVIII веке было очевидно, что применение данного критерия к теории Бентама обнаружит в ней два серьез-

Макс Бекман. Возвращение блудного сына. 1918

ных недочета. Во-первых, законодательство социального государства разобщает людей, поскольку способствует появлению «большинства», пребывающего в достатке и «счастьи», и меньшинства, пребывающего в нужде. И, во-вторых, определение сущности и масштабов распространения наибольшего счастья отдается на откуп многочисленным красноречивым политикам. Разумеется, и сам Блэкстон пытался отыскать способ навязать свои идеи обществу.

С одной стороны, критерий Блэкстона был и остается точным. Вопрос в том, существуют ли законы писанные или неписанные, нормативные правовые акты или обычаи, которые делают счастливыми всех без исключения. То есть возможны ли ситуации, когда нет как несогласных с их положением, так и тех, в чью жизнь их действие привносит неудобство? Иначе говоря, бывают ли такие законы, которые, как писал Платон, «правильны, так как делают счастливыми тех, кто ими пользуется, предо-

ставляя им все блага» (Платон, *Законы*, 631)? С другой стороны, если закон не объединяет, а разделяет общину, делая одних счастливыми, а других несчастными, то он по определению не может быть естественным законом. Это приведет к неустанным попыткам исправить и изменить его, действие закона будет постоянно прерываться, что усугубит общий разлад и беспорядок. Тогда откроется возможность вернуться к основополагающему естественному закону, действие которого универсально и не подкрепляется принуждением. Мы не ставим его существование под сомнение, как не сомневаемся и в существовании закона земного притяжения. Это непреложный закон, который, по сути, определяет течение жизни людей.

Возможно, мы привели не самое популярное суждение, но Сократ, например, не нуждался в доказательствах его истинности. Его несправедливо приговорили к смерти, и друзья, пришедшие навестить его в тюрьме, уговаривали его бежать. Но он отказался, сказав, что не понимает, почему не должен умирать, раз так предписывают законы, которые прежде были залогом его безопасности, благополучия и самого появления на свет. Он представляет, как законы ведут с ним беседу:

«Ну вот и рассмотри, Сократ, — скажут, вероятно, Законы, — правду ли мы говорим, что ты намереваешься поступить с нами несправедливо, замыслив теперь такое дело. Мы тебя родили, вскормили, воспитали, наделили всевозможными благами, и тебя, и всех остальных граждан, однако мы объявляем, что всякому желающему из афинян, после того как он занесен в гражданский список и познакомился с государственными делами и с нами, Законами, предоставляется

возможность, если мы ему не нравимся, взять свое имущество и выселиться, куда ему угодно. Никто из нас, Законов, не ставит препятствий и не запрещает тому из вас, кто пожелает, отправиться в колонию — раз и мы и Государство ему не нравимся — или даже переселиться в другое государство, куда ему угодно, и сохранить при этом свое имущество. О том же из вас, кто остается, зная, как мы судим в наших судах и ведем в Государстве прочие дела, мы уже можем утверждать, что он на деле согласился выполнить то, что мы велим; а если он не слушается, то мы говорим, что он втройне нарушает справедливость: тем, что не повинуется нам, своим родителям, тем, что поступает вопреки нам, своим воспитателям, и тем, что, дав согласие нам повиноваться, он все же оказывает неповиновение и не старается переубедить нас, когда мы делаем что-нибудь нехорошо, и хотя мы предлагаем, а не грубо приказываем исполнять наши решения и даем ему на выбор одно из двух — или переубедить нас, или исполнять, — он не делает ни того, ни другого» (Платон, *Критон*, 51-2)¹².

Современные примеры спорных законов, разделяющих людей, — законы об абортах и разводе. Но основой всякой деятельности в нашей стране, равно как и во всем англоговорящем мире, является общее право — разумный естественный закон, который мы воспринимаем как данность. Часто ли мы думаем о действии договорного права, когда покупаем билет на автобус или поезд? В действительности всякий раз, когда мы покупаем или продаем что-либо, наши поступки подпадают под действие законодательства о купле-продаже товаров. Обычно мы вспоминаем об этом, только если что-нибудь случилось

и заходит речь о судебном разбирательстве, в ходе которого нарушение будет исправлено решением суда первой или апелляционной инстанции, основанном на здравом смысле. Мы даже не подозреваем, в какие юридические дебри погружаемся, когда переходим оживленную дорогу в специально отведенном для этого месте. Садясь в автомобиль или общественный транспорт, мы знаем, что в случае причинения нам вреда по неосторожности нас защитит деликтное право. Никто не может прийти в дом к другому человеку, иначе как по его приглашению или по решению суда. Покидая свое жилище утром, никто из нас и подумать не может о том, что к моменту нашего возвращения в него может вселиться другая семья. Мы считаем право собственности само собой разумеющимся, хотя в истории других стран были черные страницы, когда правами законных собственников пренебрегали в пользу привилегированных этнических групп.

Итак, Священное Писание, естественный закон и наша врожденная способность чувствовать правоту образуют триаду доказательств, из которых вытекает вывод о существовании в мире Богом установленного порядка — своего рода Божественного правления. Сущность третьего из упомянутых элементов этой триады заключается в том, что мы интуитивно понимаем, что правильно, а что нет. Джеймс Эдвард Джеффри де Монморанси, некогда занимавший должность Куэйновского профессора¹³ сравнительного правоведения в Университетском колледже Лондона, писал об этом так:

«Представим, что кто-либо — даже будь то мужчина или женщина самой низкой нравственности — оказался бы

в ситуации, исход которой не является предметом его или ее личного интереса. Если такого человека спросить, считает ли он определенные действия правильными либо неправильными, то он даст ответ на этот вопрос, следуя принципу *mens conscia recti*¹⁴, заложенному в каждом человеке в той мере, которая, собственно, и делает его способным отвечать на такие вопросы. При этом они могут безразлично относиться к последствиям неправильных действий. ...Истоки всеобщей способности различать дурное и хорошее темны и таинственны, но очевидно, что человек не в состоянии полностью и до конца пренебречь ею. Разгадка тайны не заставит ждать себя долго — хотя бы потому, что нашему веку свойственно выявлять и воспроизводить универсальные закономерности и модели поведения.

Впрочем, положение оказалось бы еще более странным, если бы всеобщего представления о порядке вообще не было. Его отсутствие стало бы исключением из базового закона, управляющего универсумом. Постепенно мы все больше узнаем о строении Вселенной и свойствах образующей ее материи. Существование материи всегда подчиняется определенному порядку, что не случайно. Это неотъемлемое свойство физической энергии, которое близко сознанию человека. Многие люди, если не большинство людей, считают наличие порядка свидетельством присутствия во Вселенной некоего независимого от нас внешнего Разума, который непрестанно интересуется нашими делами. Люди называют этот Разум Богом»¹⁵.

На стенах платоновской академии, основанной во Флоренции в XV веке, были

выбиты слова философа и священника Марсилио Фичино (1433–1499): «Всякая вещь имеет благое предназначение. Радуйся тому, что имеешь, не дорожи имуществом, не ищи себе почестей. Избегай излишеств, избегай суеты — и снова радуйся тому, что имеешь»¹⁶. На языке законов и суверенной власти правильное называется справедливым. Корень слова «справедливость» (англ. equity. — Прим. пер.) происходит от санскритского «ека», что в переводе означает «один», «единый». Если справедливость установлена, закон обретает целостность и становится основой для осуществления правосудия. Власть суверенна, если она справедлива к людям, или, точнее, создает условия для справедливых отношений между людьми. Из приведенной выше цитаты Фичино следует, что справедливость всегда остается частью Божьего замысла, а властители должны лишь устранять препятствия для его реализации. Знаменитая Петиция о праве в Великобритании 1628 г. была инструментом, прибегнув к которому подданный мог защитить себя от произвола Короны. Важнейший момент в подготовке петиции — ее заверение министром внутренних дел, в ходе которого он выражает свое одобрение формулой: «Да свершится справедливость». «Само будущее нашего мира зависит от того, примем ли мы окончательное решение о верховенстве Божественных законов над государственными», — писал профессор Раймонд Уилсон Чемберс¹⁷. Ту же мысль развивает Марсилио Фичино, чье учение сыграло определяющую роль в становлении культуры Ренессанса:

«Благодаря Платону я осознал, что человеческой мудрости подчас достаточно, чтобы должным образом направлять умения, целью которых является благополучие отдельно взятого человека. Но искусство, целью которого является благо государства, под-

*Власть суверенна, если она
справедлива к людям, или, точнее, создает
условия для справедливых отношений
между людьми*

властно лишь Господу. Мы должны признать, что на этом поприще есть лишь один Мастер. Я понимаю, что нет явлений, которые Господь обделил бы Своим вниманием, но общественные и государственные дела являются предметом Его особой заботы. В таких делах человеческая мудрость вовсе не повелительница, но лишь служительница Господа.

Обратимся к мифу из диалога Платона “Протагор”. Прометей — земное провидение — овладел всеми умениями, за исключением умения управлять государством. Он сказал, что это умение людям передаст сам Зевс через своего вестника Гермеса. То есть оно — дар Божественного провидения, который бывает ниспослан людям как ангельское вдохновение. Платон выражает ту же идею через сравнение: как бессловесные твари не могут справедливо управлять друг другом, но нуждаются для этого в человеке, так и люди не могут управлять друг другом, но нуждаются для этого в Боге. Идея мифа воспроизводится и в других текстах. “Сердце Царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его”, — говорит Соломон

(Прит., 21, 1). Она повторяется в строках Евангелия: “Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше” (Иоан., 19, 11), “Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены” (Рим., 13, 1). Дионисий Ареопагит называл архангелов учителями и наставниками земных вождей. Давид, управляя своим царством, обращался к Псалмам, поскольку понимал, что “напрасно ночью бодрствует страж, если Сам Господь не хранит город” (Пс., 127,1). Божественной мудростью проникнуты слова царя Соломона: “Мною цари царствуют, и повелители узаконяют правду” (Прит., 8, 1). Поэты и ораторы уподобляют тех, кто отправляет власть, кормчим корабля, которым нужна защита свыше, поскольку ветра и волны все время грозят выбросить их судно на скалы...»¹⁸

Итак, «Давид, управляя своим царством, обращался к Псалмам». Нам же следует искать истинный порядок управления нашим королевством в тексте Коронационной службы. Таким образом, основой основ британской конституции является величальный гимн.

Значение слов не сводится лишь к семантике. За добрым словом следует доброе дело, а нагромождения бессмысленных слов скрывают под собой хаос и неопределенность. Вне всякого сомнения, власти под силу производить манипуляции со словами, в результате которых они приобретают значение, противоположное исходному. Джордж Оруэлл приводит ярчайший пример владения этим искусством в своем пугающе провидческом романе «1984». Главный герой, Уинстон, видит из окна белый фасад здания Министерства правды, на котором выведены слова:

ВОЙНА — ЭТО МИР
СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ — СИЛА¹⁹

Извращено не только значение слов. Сама конструкция языка, низведенного до «новояза», не оставляет возможности для иной трактовки их смысла. Сайм, приятель Уинстона, работает над одиннадцатым изданием словаря новояза. Они встречаются в грязной столовой Министерства правды, где Сайм с воодушевлением рассказывает Уинстону о своей работе: «Неужели вам непонятно, что задача новояза — сузить горизонты мысли? В конце концов мы сделаем мыслепреступление попросту невозможным, для него не останется слов. Каждое необходимое понятие будет выражаться одним-единственным словом, значение слова будет строго определено, а побочные значения упразднены и забыты. В одиннадцатом издании мы уже на подходе к этой цели. Но процесс будет продолжаться и тогда, когда нас с вами не будет на свете. С каждым годом все меньше и меньше слов, все уже и уже границы мысли...»²⁰

Только великий страх может подталкивать людей к сужению «границ мысли» ради укрепления «политической благонадежности». Солженицын прав, говоря, что путь избавления от этой напасти прокладывает литература. Необходимо прививать детям желание читать шедевры английской словесности — в особенности тексты Шекспира, Библию короля Якова и, само собой, Коронационную службу. По словам писательницы Филлис Дороти Джеймс, «дав людям язык, вы наделите их способностью контролировать сам ход жизни»²¹.

Язык Книги общих молитв и Коронационной службы — язык истинного

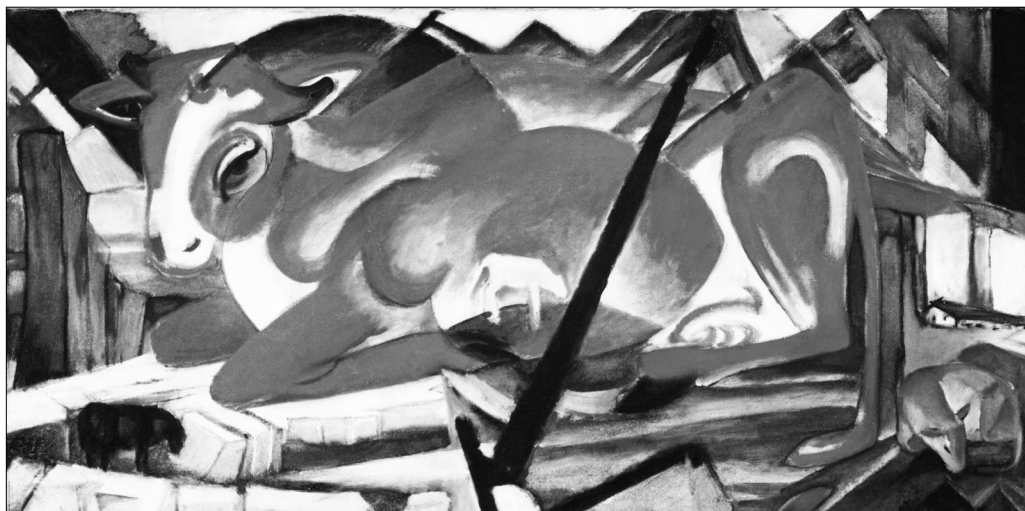
правления, неизменно скрывающегося за фасадом партийной политики. Это язык, которым взывают к нам древние и великие институты общественно-политической жизни, в большинстве своем появившиеся еще в Средневековье и ныне ставшие предметом насмешек. Все они, пережив эпоху Возрождения и Реформацию, сделали той основой, которая и поныне позволяет торжествующе шествовать нашему государству. В их ряду — монархия, парламент, общее право, суд присяжных, церковь, университеты, гражданская служба, вооруженные силы. Монархия становится пожизненным предназначением для носителя короны в силу действенности слов Коронационной службы и в особенности присяги. Язык прецедентов, определяющих развитие общего права, в своей красоте сравним с лучшими образцами поэзии. Тот, кто назвал «Комментарии» Блэкстона поэмой о праве, был абсолютно прав. Носителем истинного языка англиканской церкви был Уильям Тиндейл (ок. 1494–1536. — *Ред.*). Наши университеты — старинные университеты — на протяжении столетий исполняли свое предназначение, обучая воспитанников не прагматическому искусству приумножения капитала, но наделяя их универсальными знаниями о мире²². Люди с классическим образованием традиционно пополняли ряды государственных служащих. А корабли королевского военно-морского флота шли в атаку, семафоря флажками: «Англия ждет, что каждый из ее сынов исполнит свой долг».

Нужно чтобы время от времени кто-нибудь напоминал нам о существовании институтов, объединяющих нашу нацию, как, например, это однажды бы-

ло сделано в передовой статье «Национальный интерес», опубликованной в *The Times*:

«В Великобритании носителем суверенитета является “Корона в Парламенте”²³. Действующая система парламентской демократии предполагает, что правительство, формируемое парламентской партией большинства, находится у власти ограниченный период времени. Смена состава правительства происходит мирным путем на регулярной основе вследствие изменения баланса политических сил, определяющего одну из партий парламента как партию большинства. Помимо прочего, приверженность принципам парламентской демократии выражается в лояльности правительству, сохраняемой государственными служащими и учреждениями. Их лояльность не зависит от того, какими политическими силами сформировано правительство, поэтому новый кабинет министров может рассчитывать на их благонадежность в той же степени, как и предыдущий. ...Министры преследуют политические цели и преимущественно действуют с оглядкой на партию большинства, которая наделяет их лишь временными полномочиями апеллировать к институтам государства, существование которых не имеет определенного срока, то есть к монархии, государственной гражданской службе, вооруженным силам. Смена правительства на них не сказывается, и они готовы работать с теми, кто прежде составлял оппозицию»²⁴.

Сами слова Коронационной службы способны оказать на нас благотворное и живительное воздействие, какое они оказывают и на институты, без которых не было бы нашей нации.

Франц Марк. Вселенская корова. 1913

Давайте сравним язык обращения Короля Георга VI от 3 сентября 1939 г. о вступлении Великобритании во Вторую мировую войну с языком аналогичного обращения, зачитанного Гитлером. Подданные Короля Георга услышали такие его слова: «...мы должны поступить так, как считаем правильно, и благоговейно вручить нашу судьбу в руки Господа. ...Да благословит и сохранит Он нас всех». Гитлер же обратился к частям вермахта на Западном фронте и народу Германии в следующих выражениях: «Уже два дня немецкая армия на Востоке ведет боевые действия против польских агрессоров, сражаясь за мир, который станет гарантией жизни и свободы народа Германии. Если вы исполните свой долг, через несколько месяцев мы одержим победу на Восточном фронте. И тогда вы почувствуете всю мощь Нацистского государства, ставшего на вашу защиту»²⁵.

Лорд Деннинг, выдающийся британский юрист и мастер словесности, в завершение одной из своих книг приводит следующее рассуждение: «Спо-

ры и дебаты, равно как чтение и размышления, не помогут нам в поисках правды и справедливости, если мы чуждаемся религии и добродетели. Религия обращается к человеческой душе, которая способна познать, что есть правда и что есть справедливость, тогда как право представляет собой лишь несовершенную попытку воспроизвести их в нашей повседневной жизни. В мире без религии не будет места правде и справедливости. Мы почти забыли о вере наших отцов. Не дадим же ей кануть в небытие, ведь в ней наше спасение»²⁶.

Подобно американским детям, изучающим историю Конституции США, мы должны помнить (и напоминать своим детям) об исключительной ценности текста Коронационной службы. Данная книга служит таким напоминанием, так же как и работа Эдварда Ратклиффа «Коронационная служба в Англии», где он пишет: «В определенном смысле Коронационная служба представляет собой краткое изложение истории взаимоотношений народа и монархии

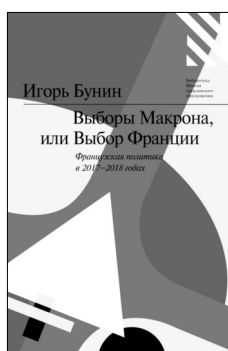
Англии. То, что по крупницам разбросано в юридических и исторических источниках, появлявшихся постепенно на протяжении тысячелетий, раскрывается в Коронационной службе во всей полноте и единстве»²⁷. В Коронационной службе признается и почитается приоритет Богоданного права над гражданскими законами. Она напоминает нам об источнике всех законов, истины и справедливости. Мы должны помнить слова, в которых заключается истина, определяющая дух общего права. Вопрос в том, будет ли использоваться этот прекрасный язык в ходе будущих коронаций — ведь огорчительное тяготение нашей церкви к примитивизации богослужения очевидно. К счастью, слова клятвы вечного служения Богу, приносимой вступающим на трон монархом, инкорпорированы в текст Акта Парламента (Акт о коронационной клятве 1689 года). А Его Королевское высочество принц Чарльз трепетно относится к английскому языку и едва ли захочет внести в текст Службы существенные изменения.

Перевела с английского
Екатерина Захарова

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Blake R., Louis R. (Eds.). *Churchill: A Major New Assessment of His Life in Peace and War*. — Oxford: Oxford University Press, 1993. — P. 6.
- 2 Solzhenitsyn A. *The Oak and the Calf*. — New York: Collins and Harvill Press, 1980. — P. 10.
- 3 S.I. 1969. № 321.
- 4 В данном случае приводится формулировка, которую использовал судья Аткин в решении по делу *Hambrook v Stokes Bros.* [1925] 1KB 141.
- 5 Domat J. *The Civil Law in its Natural Order*. Vol. 1. — Boston: Luther Cushing, 1850. Chap. 1. Sect. VIII.
- 6 [1917] AC 406.
- 7 [1932] AC 562.
- 8 Lewis G. *Lord Atkin*. — London: Butterworths & Co, 1983. — P. 57 *et seq.*
- 9 Ibid.
- 10 Blackstone W. *Commentaries on the Laws of England*. Vol. 1. — London: Legal Classics Library, 1983. Introduction. Sect. 2.
- 11 Bentham J. *A Comment on Commentaries // Idem. A Comment on Commentaries and a Fragment on Government*. Sect. 3. — Oxford: Oxford University Press, 1977.
- 12 Перевод М.С. Соловьева. — *Прим. пер.*
- 13 Именная профессура в Университетском колледже Лондона. — *Прим. пер.*
- 14 Разум стремится к правде (лат.) — *Прим. пер.*
- 15 Montmorency J.E.G. de. *The Principles of Law*. — London: Benn's Sixpenny Library, 1929. — P. 11
- 16 *The Letters of Marsilio Ficino*. — London: Shephard-Walwyn Ltd., 1971. Vol. 1. — P. 40.
- 17 Chambers R.W. *Under God and the Law*. — Oxford: Basil Blackwell, 1949. Cover note.
- 18 *The Letters of Marsilio Ficino*. — London: Shephard-Walwyn Ltd., 1994. Vol. 5. — P. 50–51.
- 19 Orwell G. 1984. — London: Penguin Books, 1984. [См. русский перевод В.П. Голышева: Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. — *Прим. пер.*]
- 20 Ibid., p. 55.
- 21 См.: *The Salisbury Review*. Summer 1999. — P. 5.
- 22 См. предисловие к работе кардинала Ньюмана: Newman J.H. *The Idea of a University: Defined and Illustrated*. — Oxford: Oxford University Press, 1976.
- 23 То есть власть исходит от монарха, а парламент как государственный орган опосредует королевскую власть в законодательной сфере. — *Прим. пер.*
- 24 National Interest // *The Times*. 1985. February 25.
- 25 Цит. по: Blake L.L. *Sovereignty: Power Beyond Politics*. — London: Shephard-Walwyn, 1988. — P. 89.
- 26 Denning A. *The Changing Law*. — London: Stevens & Sons, 1953. — P. 122.
- 27 Ratcliff E. *The English Coronation Service*. — London: Skeffington & Son, 1937. — P. 20–21.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Игорь Бунин. *Выборы Макрона, или Выбор Франции: французская политика в 2017–2018 годах.* — М.: Школа гражданского просвещения, 2018. — 200 с.

Это последняя книга выдающегося российского политолога Игоря Михайловича Бунина (1946–2018). Она посвящена теме, которую он любил и прекрасно знал — французской политике. В центре внимания автора — фигура Эмманюэля Макрона, избранного в 2017 году президентом Франции. Это событие стало одной из главных неожиданностей европейской политики последних лет — молодой технократ, для которого это были первые выборы, стал лидером одной из ведущих стран Старого Света. В книге подробно характеризуется президентская избирательная кампания во Франции, включая драматические и непредсказуемые «праймериз» голлистов и социалистов, показываются причины победы Макрона и анализируются его первые шаги в качестве главы государства. Книга может быть полезна всем, интересующимся проблемами современной политики и электоральными процессами.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга принадлежит перу Игоря Михайловича Бунина, безвременно ушедшего из жизни в возрасте 72 лет. Творческий путь этого выдающегося социолога, политолога, общественного деятеля был посвящен проблемам современной истории как Франции, так и России. Такое двойственное призвание стало далеко не случайным. И.М. Бунин окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в 1970 году — в период, когда политическая жизнь СССР вступила в долгую полосу брежневского застоя. Между тем бурные события мая 1968 года во Франции, получившие широкий резонанс во всем мире, не могли не привлекать пристального внимания учащейся молодежи и в нашей стране. Неудивительно, что первые шаги в деятельности И.М. Бунина как научного сотрудника ИМЭМО, затем Института сравнительной

политологии и проблем рабочего движения АН СССР, обе его диссертации — кандидатская и докторская — были посвящены Франции.

Крутые перемены, произошедшие в начале 1990-х годов в России, сместили фокус научных интересов И.М. Бунина к отечественной проблематике. Именно он стал пионером применения в России современных методов политических технологий не только в теории, но и на практике — в ходе подготовки избирательных кампаний всех уровней и в большинстве регионов. В качестве эксперта-консультанта, генерального директора, а затем президента фонда «Центр политических технологий», директора информационного сайта «Политком.ру» И.М. Бунин приобрел заслуженную известность и уважение ведущих акторов российской политики самой различной партийной принадлежности. Его заслуги были отмечены орденом Дружбы, благодарностями правительства и мэра Москвы.

Вместе с тем И.М. Бунин не забывал и своего первоначального призвания — изучения проблем политической жизни Франции, которая вступила в полосу длительного системного кризиса. Такой «возврат к истокам» стимулировался тем, что симптомы порой аналогичных кризисных явлений наблюдались и в России. Именно этим и объясняется появление серии аналитических материалов Бунина о подготовке, основных этапах и первых итогах президентских и парламентских выборов 2017 года, которые нашли высокую оценку не только на родине, но и во Франции, где автор был удостоен звания кавалера ордена Почетного легиона.

Эти выборы открыли новую главу в политической истории страны. Если анатомия режима Пятой республики, созданного более полувека назад генералом де Голлем, — это асимметричный баланс главных ветвей власти с преимуществом исполнительной и ключевая роль главы государства как верховного арбитра между ними, своего рода «республиканского монарха», полностью сохранилась, а президентская вертикаль даже укрепилась, то физиология — партийно-политическая система, отношения центра с регионами, государства с гражданским обществом — претерпела коренные перемены.

Обе главные системообразующие партии — республиканцы справа и социалисты слева, регулярно сменявшиеся у власти на протяжении последних десятилетий, потерпели сокрушительное поражение. Оно усугубилось тяжелым внутренним кризисом обеих — как идейным, так и организационным, который ставит под вопрос их будущее, а вместе с тем и сохранение прежней биполярной партийной структуры в целом.

Результатом стала самая радикальная с 1958 года смена верхнего эшелона французской политической элиты. С авансцены общественной жизни ушли сразу три поколения бывших депутатов, министров, премьеров, президентов, которые начинали свою карьеру 30–40 лет назад.

В борьбе за важнейший пост президента победу одержал 40-летний Эмманюэль Макрон — самый молодой глава государства во Франции

после Наполеона III. Между тем как он сам, так и его центристская партия «Вперед, Республика!», созданная по существу в ходе предвыборной кампании, были до этого практически не известны основной массе избирателей. Более половины ее депутатов, составивших абсолютное большинство в нижней палате парламента — Национальном собрании, никогда ранее не избирались и вообще являлись не профессиональными политиками, а выходцами из среды чиновничества, деловых кругов, организаций гражданского общества.

Радикальное обновление возрастного, гендерного, профессионального состава французского политического класса сопровождается пересмотром традиционных правил игры в борьбе за власть, как и смысла многих базовых ее понятий — левых и правых, консерватизма и прогресса, взаимосвязи внутренней и внешней политики.

Причем на сей раз при переходе от одного электорального цикла к другому речь идет не просто о смене политического репертуара, предвыборных декораций, действующих лиц и исполнителей. Всего за полтора года — с мая 2017-го до октября 2018 года — новый президент и назначенное им правительство Эдуара Филипа провели через парламент 77 важных законопроектов, которые затронули самые разные стороны жизни французского общества. Они касаются борьбы с коррупцией и терроризмом, норм трудовых отношений, налоговой системы, иммиграционной политики, народного образования и многого другого. На очереди реформы пенсионного обеспечения, фискального режима, страхования от безработицы, наконец, частичная ревизия действующей Конституции 1958 года.

Молодой, энергичный и амбициозный президент развернул повышенную активность на международной арене: всего за год после прихода в Елисейский дворец он успел совершить 46 зарубежных поездок, посетил 29 стран, обогнув тем самым планету в общей сложности 5 раз, не считая его участия в конференциях и сессиях международных организаций. Не меньшее число иностранных гостей побывали за это время в Париже. «Франция вернулась!» — вызывающе заявил Э. Макрон на очередной сессии Всемирного экономического форума в Давосе.

Результаты проведения новых законов в жизнь скажутся не скоро, а издержки за них гражданам приходится оплачивать уже сейчас. Между тем справедливость распределения выгод и цены перемен между различными социальными категориями населения вызывает протесты экономически наиболее уязвимых групп. Это заметно отражается на рейтингах глав государства и правительства: если сразу после победы Э. Макрона на президентских выборах в мае 2017 года его программа и личные качества находили положительную оценку 62% опрошенных, то к осени 2018 года эта цифра снизилась до 31%, а число недовольных, наоборот, превысило 63%.

Этому способствовали конфликты интересов у ряда членов правительства, демонстративная отставка самого популярного среди них — министра экологии Н. Юло, скандал в связи с незаконным применением насилия личным телохранителем президента А. Беналлой и прочие промахи новых властей, во многом связанные с отсутствием у них опыта и профессионализма.

В этой связи у самих французов, как и у иностранных наблюдателей, возникают естественные вопросы о причинах, характере и перспективах происходящих в стране перемен, которые имеют не только внутреннее, но и международное измерение.

Радикальное обновление возрастного, гендерного, профессионального состава французского политического класса сопровождается пересмотром традиционных правил игры в борьбе за власть

В какой мере приход к власти Э. Макрона и самому его фигуру (происхождение, взгляды, карьера, программа действий и методы) можно считать лишь преходящим эпизодом, «миражем в пустыне» — результатом случайного стечения обстоятельств, которые вполне могли бы сложиться по-иному? Или же речь идет об объективно назревшем, хотя и затянувшемся процессе модернизации социально-экономической модели, сложившейся во Франции в первые послевоенные десятилетия и неспособной ныне дать ответ на вызовы глобализованного мира XXI в., что потребовало коренной ломки прежнего политического инструментария и смены связанных с ним элит.

Следует ли в данной связи рассматривать как свершившийся факт переход от прежней биполярной партийной системы Пятой республики к нынешней безальтернативной гегемонии центристской «лево-правой» партии власти, опирающейся на верхний слой городского среднего класса, который успешно вписался в глобализацию, евростроительство, цифровую революцию? Либо она рано или поздно распадется под давлением национал-популистских движений на крайних флангах политического спектра (как это уже произошло в ряде стран Евросоюза, а отчасти даже в США или Великобритании), тем более что социальный состав «народного» протестного электората обоих все более схож?

Окончательные ответы на все эти вопросы даст только время — сегодня, как ни парадоксально, известная доля истины есть в каждой из всех четырех перечисленных гипотез, которые только на первый взгляд выглядят взаимоисключающими. Тем не менее уже сейчас неоценимую помощь в поисках таких ответов окажет российскому читателю предлагаемый его вниманию комплекс глубоких и блестящих по форме

аналитических очерков И.М. Бунина о подготовке выборов 2017 года во Франции, ходе кампаний и их результатах.

К большому сожалению, внезапная неожиданная кончина И.М. Бунина не позволила ему завершить начатый труд, придав ему объем и форму полноценной научной монографии. Тем не менее издатели не сочли себя вправе вносить какие-либо существенные изменения в яркий, оригинально-личностный авторский текст, ограничившись его сугубо технической корректировкой и постраничными комментариями.

Ю.И. Рубинский,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель
Центра французских исследований Института Европы РАН

Алексей Макаркин. Люди казенного века. М.: Школа гражданского просвещения, 2019. — 312 с.

В одной из песен Олега Митяева есть слова «Правит нами век казенный», смысл которых выходит за пределы бытового понимания. Для России, например, XX век был действительно веком казенным, когда во всех сферах с разной степенью жесткости государство доминировало над обществом, человеком. В этой книге собраны жизнеописания живших в ту пору наших соотечественников — людей очень разных, вовсе нелегальных, чья судьба нередко ставила перед выбором того или иного пути в часто драматических обстоятельствах. Какими нравственными качествами обладали герои очерков, сохранившие способность поступать по совести? Автор старался избежать мифотворчества и правдоучительных нарративов, предлагая читателям самим оценить поведение персонажей в реальных исторических контекстах.

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена люди мечтали о золотом веке, который, как правило, относился ими к прошлым временам. Исключения были — от средневековой мечты о тысячелетнем царстве Божиим на земле до коммунистической утопии о всеобщем благоденствии и равенстве без Бога. Но эти исключения подтверждают правило — хорошо было тогда, когда жили наши великие предки. Для последних римлян золотым был II век, времена династии Антонинов, а римляне периода расцвета империи апеллировали к золотому веку республики, Катону и Сципионам. А те, вполне возможно, считали подлинно великими бородатых консулов ранних республиканских времен.

Недавнюю же свою историю люди нередко считают «железным» веком (разумеется, не в археологическом смысле), связанным с многочисленными испытаниями. Такая характеристика XX столетия в России на первый взгляд выглядит полностью справедливой. Беспрецедентные в прежней истории человеческие жертвы — Первая мировая, российские жертвы которой (больше полутора миллионов) оказались несравнимы с кошмаром Второй мировой, на которой, по официальным данным, погибли 27 миллионов. А еще братоубийственная Гражданская война, вслед за которой была еще одна — беспрецедентная война власти против собственных граждан, миллионы казненных, высланных, умерших от голода, который можно было предотвратить.

Сейчас нередко российскую революцию сравнивают с французской, где тоже было немало жестокостей, от казни короля и королевы до расправ над монархически настроенными крестьянами. Но разница состоит в том, что уже термидорианский режим, сменивший якобинскую диктатуру, начал смягчать политику, отменив массовые казни (исключение было сделано для эмигрантов, взятых в плен во время боевых действий на полуострове Кибера), а Наполеон де-факто провозгласил национальное примирение. Реставрация Бурбонов, в свою очередь, не привела к полному реваншу легитимистов. В СССР же сталинский термидор (по терминологии Троцкого) сопровождался не только сохранением, но и ростом террора в полном соответствии с концепцией об усилении классовой борьбы в ходе строительства социализма.

В то же время можно ли назвать весь XX век для России железным? Послесталинские периоды истории серьезно отличались друг от друга. Хрущевская десталинизация, брежневское нефтяное благополучие (плюс «раскрепощение» с 1974 года крестьян, которые стали получать паспорта), горбачевская либерализация, переросшая в бурную демократизацию, ельцинский прорыв в демократию с последующим разочарованием. Вспомним и Россию императорскую, в которой постепенно происходили процессы социальной модернизации, но власть трагически запаздывала с политическими переменами. В наше время демонстративного консерватизма такое запаздывание иногда принимается за доблесть, но от этого его последствия не становятся менее печальными.

Скорее прав Олег Митяев, в одной из песен которого есть слова «правит нами век казенный». Казенный — в смысле доминирования государства над человеком, которое может происходить в разных формах, с разной степенью жесткости. Это доминирование временами ослаблялось, порой казалось, что оно ушло в историю, но потом быстро восстанавливалось. Комиссары в кожанках доводили государственный произвол до предела, бюрократы в галстуках его ослабляли. Профессор Александр Валентинович Оболонский в своей книге «Человек и власть:

Джорджо де Кирико. Загадка дня. 1914

перекрестки российской истории» (М.: Академкнига, 2002) писал о глобальном противостоянии двух взглядов на мир — системоцентризма и персоноцентризма. В системоцентричной шкале индивид либо вообще отсутствует, либо рассматривается как нечто вспомогательное, способное принести большую или меньшую пользу лишь для достижения

неких надличностных целей. При персонцентризме все явления рассматриваются через призму человеческой личности.

Системоцентризм позволяет соединить на первый взгляд несоединимое. Отсюда такой уродливый симбиоз, как «православный сталинизм», когда Христа заменяет государственный интерес. А также попытки создания дихотомии «государственники-антигосударственники», когда в число первых попадают и цари, и красные вожди, большевики делятся на плохих (Троцкий, Бухарин, нередко и Ленин) и хороших (Сталин, Молотов и их соратники, вплоть до Берии), а либералы соседствуют с террористами. Если развить метафору из солженицынского романа «В круге первом», то можно сказать, что людоед мимикрирует под волкодава. Такому подходу свойственно не только презрение к историческим реалиям, но и забвение нравственных ценностей, которые укоренены в российской историографии со времен карамзинской «Истории государства Российского». Понятно желание немалого числа людей после распада СССР и в условиях дискомфортной для них глобализации найти опору в мифах, в том числе тоталитарных, но это понимание не должно превращаться в их оправдание.

Как и многие гуманитарии моего поколения, я еще со студенческих лет в дихотомии «красные-белые» выбирал белых — помню, как на фото-выставке, посвященной Первой мировой войне, вглядывался в портреты расстрелянных и выживших генералов и офицеров. Тогда же впервые увидел фотографию погибшего на Первой мировой князя Олега Константиновича, о котором тогда вообще не было никакой доступной информации. Сейчас некоторые фотографии стоят в комнате, где я пишу эти строки. И князь Олег, и расстрелянные красными в 1918-м генералы Рузский и Радко-Дмитриев, и умерший во время голодовки в тюрьме в 1921-м генерал Клембовский, и генерал Шуваев, скромный и честный военный министр времен Первой мировой, преподававший затем в советской военной школе и казненный в 1937-м в возрасте 83 лет, и другие.

Постепенно романтика стала уходить, заменяясь пониманием большей, чем казалось, сложности процессов того времени, восприятием Гражданской войны прежде всего как трагедии. И в этой книге немало биографий людей, участвовавших в ней с красной стороны или обязанных своими карьерами революции, открывшей многие социальные лифты. Но основной подход — белый террор плох, но красный хуже — остался у меня прежним. Конкретные преступления, совершенные белыми, нельзя равнять с целенаправленной политикой по ликвидации целых сословий, которая была смыслом красного террора.

Сказанное не означает, что правы те, кто проклинает весь советский период российской истории. Системоцентричный «казенный век» ломал судьбы одних людей и давал шанс другим — причем среди и тех и других были и талантливые, и бездарные, и герои, и мерзавцы. Была

уничтожена среда, в которой были возможны свободные интеллектуальные дискуссии; из страны вытолкнули Сикорского, Зворыкина, Ипатьева, но на смену им приходили не только идеологизированные бездарности, но и молодые люди, ставшие гордостью отечественной науки.

В Великой войне для общей победы объединились и православные, и атеисты, и коммунисты, и несогласные с ними. Объединились временно: после войны надежды многих крестьян на избавление от колхозов и интеллигентов на либерализацию режима не оправдались, наоборот, началось очередное закручивание гаек. А было немало людей, которые не верили в возможность перемен, но все равно шли на войну, потому что противником было зло абсолютное, более страшное, чем сталинский режим — при всех общих признаках советского и немецкого тоталитаризма. Во-первых, потому что Гитлер не предусматривал сохранения России как независимого государства — ставка делалась на уничтожение значительной части населения и колонизацию территории (не случайно, что для него было неприемлемым создание любого, даже самого лояльного, российского правительства). Во-вторых, при всей своей бесчеловечности сталинский режим не предусматривал полного физического уничтожения целых групп населения: дворянство, купечество, зажиточное крестьянство уничтожались как сословия, гибли многие люди, но дети получали шанс не только выжить, но и, если повезет, устроить свою жизнь.

Политика Гитлера была совершенно иной: если евреи были обречены на гибель, то русские — на резкое сокращение численности и полное бесправие для оставшихся в живых. Гиммлер считал, что «ненемецкие народы востока» необязательно учить читать, достаточно уметь расписаться, считать до пятисот и слушаться немцев. Неудивительно, что украинские национальные деятели, мечтавшие при помощи немцев воссоздать свое государство, были отправлены в Бабий Яр через несколько месяцев после уничтожения евреев.

Но есть еще один вопрос, самый, пожалуй, непростой. Верен ли известный афоризм, что «война все спишет», что участие в войне оправдывает преступления, которые совершал человек. Это ключевой аргумент в оправдании Сталина. Думается, что аргумент глубоко ложный, так как никакие заслуги не могут сделать бывшее небывшим, не способны воскресить погубленных людей. И еще — в истории церкви был эпизод, когда в X веке византийский император Никифор Фока попросил Константинопольского патриарха причислить к лику святых всех воинов, погибших на войне против мусульман, чтобы поднять боевой дух армии. Патриарх ответил отказом: он понимал, что среди солдат и командиров были разные люди и прославлять всех было бы неверно. Этот пример может быть актуален и для современной России — только речь идет не о церковной канонизации (Сталина счи-

тают святым только внецерковные маргиналы), а о гражданском прославлении в качестве национального героя.

Примечательно, что в советском обществе было немало случаев, когда радикалы, стремившиеся разрушить весь мир насилья (и объективно создававшие новый, намного более жестокий), эволюционировали к умеренности, пересматривали свои взгляды. Легче всего цитировать одиозные высказывания Бухарина, обосновывавшие уничтожение своих соотечественников, но нельзя забывать его выступлений за более умеренный курс перед коллективизацией спустя десятилетие после красного террора. Недоучившийся студент Сырцов, бывший одним из организаторов кровавого «рассказывания», затем стал прагматичным управленцем. Каминский, тоже ушедший в революцию со студенческой скамьи и в жестоком якобинском стиле управлявший Тульской губернией в годы Гражданской войны, в 1930-е годы заслужил уважение ученых на посту наркома здравоохранения. К Сталину это не относится — он если уменьшал обороты машины террора, то временно, из тактических соображений, а затем возвращался к «душегубству» (говоря словами Мандельштама).

Это к вопросу о том, что между системоцентризмом и персоноцентризмом не всегда есть четкая грань, даже в судьбах конкретных людей. Не стоит также делать поспешные выводы и создавать то светлые, то ужасающие легенды. Такое уже было многократно — и разрушение светлых образов приводило к «иконоборчеству» (вспомним посмертные судьбы того же Бухарина, которого в перестройку даже сравнивали с Христом, или маршала Тухачевского). И наоборот, зловещая легенда ведет к эффекту запретного плода: после того как в течение десятилетий замалчивался вклад Берии в атомный проект, публицисты стали делать из него безупречного государственного деятеля, забывая о многочисленных преступлениях, которые совершал маршал с Лубянки.

В этой книге делается попытка избежать мифотворчества, апологетических нарративов и показать, как даже в системоцентричном мире люди оставались людьми, как они принимали решения, как думали и сомневались. В ней представлены 28 биографий россиян, живших в XX веке, — через призму их судеб хотелось порассуждать о вопросах, не только важных для истории, но и актуальных для современных россиян. Мне хотелось бы выйти за рамки сугубо биографического жанра, особенно распространенного в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Тогда существовал огромный запрос на любые факты о людях, чьи судьбы замалчивались в течение десятилетий. Сейчас произошло насыщение, и простой рассказ о судьбах вряд ли отвечал бы задаче автора. «В истории мы узнаем больше фактов и меньше понимаем смысл явлений», — писал Ключевский, поэтому хотелось бы поговорить о смыслах. Для этого в начале каждого очерка ставится проблема, а потом делается попытка ее анализа на основе конкретной человеческой судьбы. В том числе поэто-

му отдельные аспекты биографий героев рассмотрены подробно, а другие лишь обозначены пунктиром.

Среди персонажей книги нет хрестоматийных фигур, присутствующих в школьных учебниках. О них не только многое известно, но и многое написано в последние десятилетия, сказать что-то новое для требовательной читательской аудитории непросто. Меня больше интересуют люди, условно говоря, второго ряда, о которых отечественный читатель знает куда меньше. Поэтому герои книги — не Столыпин, а Кривошеин, не патриарх Тихон, а митрополит Петр, не Каппель, а Войцеховский, не Сахаров, а Григоренко. Надеюсь, что книга хотя бы частично сыграет просветительскую роль, познакомив читателей с интересными людьми. Смыслы смыслами, а принципа, что люди любят читать о людях, как минимум со времен Плутарха никто не отменял. Насколько удалось выдержать фактологический баланс, понять мотивации героев, судить читателям.

Мне хотелось быть объективным, насколько это возможно для человека со своими симпатиями и антипатиями. Писать полностью без гнева и пристрастия не удавалось даже Тациту, провозгласившему этот принцип. Но я старался анализировать всю совокупность известных мне фактов. В начале 1920-х годов была интересная дискуссия в переписке политика Ираклия Церетели (одного из героев этой книги) и историка Бориса Николаевского о том, можно ли исследовать проблему масонства в условиях масонофобии как большевиков (правивших в России), так и реакционеров (активных в эмиграции). Никто из участников переписки не был масоном, но Церетели как политик был предельно осторожен, не желая давать аргументы оппонентам, а Николаевский отстаивал право историка на свободное исследование даже «неудобных» вопросов. При работе над этой книгой я исходил из логики Николаевского, открывающей большее пространство свободы для автора.

При подготовке списка персонажей использовался алфавитный принцип — по одной персоналии на каждую букву, исключая те, на которые либо нет имен и фамилий, либо их немного, и приходилось бы заниматься «натяжками», чтобы соблюсти формальное представительство. Как правило, я ориентировался на первую букву фамилий, кроме случаев с монашествующими и представителем дома Романовых — в этих случаях приоритет отдается первым буквам имен (что соответствует и энциклопедическим правилам).

Понятно, что выбор в таком случае — как и во многих других — является субъективным, выражающим авторский интерес к той или иной персоне. Нехватки «кандидатов» для жизнеописаний не было — напротив, в ряде случаев приходилось делать непростой выбор. Например, буква «В» — был большой соблазн рассказать яркую биографию Александра Абрамовича Виленкина, юриста, солдата (полный георгиевский кавалер!), из-за своего еврейства долго не производившегося в офицеры,

заговорщика. Но все же возобладали суровый образ генерала Войцеховского, выведшего белую армию из Сибири. Главным аргументом стало то, что о Виленкине уже писал Борис Акунин, в том числе выведя его под именем Льва Миркина в последнем романе фандоринского цикла «Не прощаюсь» (и, кстати, даровав литературному герою более счастливую смерть, чем была суждена Виленкину). Таких вариантов было много — из биографий людей, о которых хотелось бы написать, можно было бы составить еще одну книгу.

Все герои книги — мужчины, что связано с «мужским» характером XX века для страны. Если бы женщины играли более значительную роль в принятии политически и об-

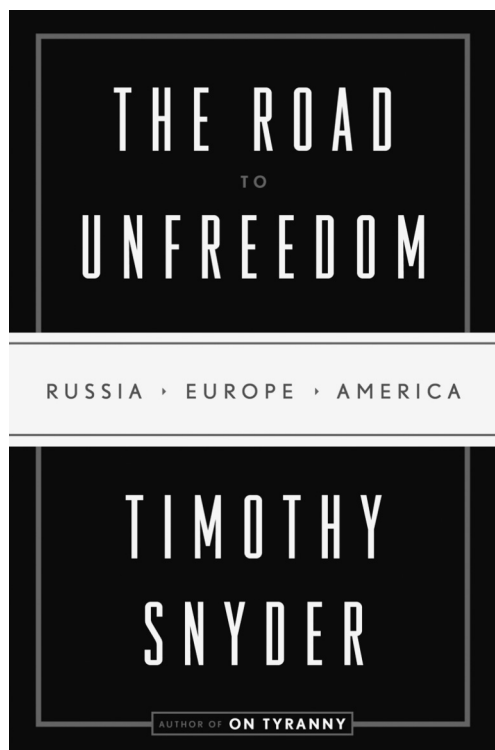
щественно значимых решений, то, быть может, и жертв было бы меньше. Но пересмотреть историю невозможно. В книге представлены биографии людей политики и войны, науки и религии. В ней нет поэтов и писателей, артистов и художников. Это сделано сознательно — хотелось уйти от безразмерности, сделать книгу более цельной, более «политичной». Все же ее автор хотя и историк по образованию, но политолог по профессии.

«Жизнь учит лишь тех, кто ее изучает» — эти слова Ключевского были актуальны для его времени, которому было свойственно куда больше оптимизма, чем нашему. Тем более они важны для современных людей, у которых рациональное знание, умение рассуждать, вести диалог нередко заменяется эмоциями и желанием присоединиться к большинству, быть в мейнстриме. Поэтому особенно значим опыт «казенного века», история произвола людей власти и способности других людей сохранять чувство собственного достоинства в самых трудных ситуациях.

Автор благодарен Елене Михайловне Немировской и Юрию Петровичу Сенокосову, основателям и руководителям московской Школы гражданского просвещения, за возможность в течение многих лет выступать на семинарах школы и за издание этой книги. Борису Игоревичу Макаренко и Сергею Анатольевичу Никольскому — за любезное согласие стать ее рецензентами. Хочу сказать доброе слово о своих учителях в области истории и политической науки — это Юрий Николаевич Афанасьев, Наталья Ивановна Басовская, Игорь Михайлович Бунин, Герман Германович Дилигенский, Алексей Юрьевич Зудин, Борис Семенович Илизаров, Аркадий Иванович Комиссаренко, Сергей Михайлович Каштанов, Кирилл Георгиевич Холодковский, Корнелий Федорович Шаццлло. Когда-то Корнелий Федорович призывал меня «воспарить» над фактами — надеюсь, в этой книге мне удалось это сделать.

Было немало людей, которые шли на войну против зла абсолютного, более страшного, чем сталинский режим — при всех общих признаках советского и немецкого тоталитаризма

Дорога к несвободе

Timothy Snyder. *The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America*. New York: Tim Duggan Books, 2018. — 360 p.

Имя Тимоти Снайдера, профессора-историка из Йельского университета, хорошо известно читателям, интересующимся историей XX века. Его книга «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным», которая в 2015 году была издана на русском языке киевским издательством «Дуліби», вызвала горячую дискуссию в русскоязычном сегменте Интернета сразу же после выхода в свет базовой англоязычной версии, состоявшегося пятью годами раньше. Американский историк, разумеется, не мог рассчитывать на то, что в державно укрепшей России предложенное им фактическое уравнивание двух злодеев, Гитлера и Сталина, встретит всеобщее понимание. И действительно, ему тогда основательно досталось: выражаясь мяг-

ко, о Снайdere и его произведении высказывались очень неоднозначно. Интересно, что, когда в прошлом году московское издательство Сogrus выпустило перевод его новой работы, «О тирании», реакция отечественной публики оказалась куда более сдержанной, потому что на этот раз, как могло показаться читателю, автор менее выражено покушался на «нашу победу и ее выдающегося творца». Но вот теперь, вполне по Гегелю, триада, похоже, замыкается: за только что вышедшую книжку Снайдер вновь получит — крепко и неизбежно.

Причем не спасет его даже то, что, переигрывая в названии заголовок известного трактата «Дорога к рабству» Фридриха фон Хайека, он более мягок, поскольку его дорога, в отличие от дороги знаменитого предшественника-либерала, ведет пока не к рабству, а всего лишь к несвободе. Кроме того, даже законченному русскому патриоту будет приятно увидеть имя своей родины вписанным в один ряд с Европой и Америкой — а именно это и зафиксировано на обложке новой книги. Россия на марше, говорит автор, она разносит свои консервативные бациллы по всему миру, и это правда. Но вот дальше у Снайдера начнутся вполне прогнозируемые проблемы, причина которых кроется в базовых идеях этой работы, которые невозможно скрыть за политически корректным названием. И дело даже не в том, что Россия здесь выступает одним из главнейших «героев» повествования: неминуемую критическую оценку вызовет сама методология, предлагаемая американским историком, причем заранее можно сказать, что хотя бы отчасти критика будет заслуженной.

Например, приступив к чтению, лично я был незамедлительно озадачен тем, какое непомерное внимание автор уделяет фигуре русского консерватора и поклонника тоталитаризма Ивана Иль-

ина. (В книге, несмотря на бедность ее иллюстративного ряда, состоящего в основном из географических карт, даже его фотография предлагается, причем не просто так, а в тандеме с фотографией Ленина; не желая оскорбить Ильина, позволю себе все же сказать, что калибр этих персонажей весьма разнится — и не в пользу философа-монархиста.) Если верить Снайдеру, то именно Ильин был вдохновителем, а то и творцом буквально всех идейно-политических инициатив, имевших место в путинской России: согласно автору, чтение его текстов сориентировало нынешнего президента на то, чтобы сделать охранительство фундаментом внутреннего курса, нацелило его на внешнее противостояние с НАТО и Западом, укрепило православные устои мировоззрения лидера и даже подтолкнуло его к конфронтации с Украиной и «конфискации» у нее Крымского полуострова. В повествовании Ильин предстает поистине демонической фигурой, «раскрывшей над Россией свои совиные крыла», чем-то вроде зловещей амальгамы Глеба Павловского и Владислава Суркова, из могилы подсказывающей российскому президенту, как завести нашу Родину в тупик.

Это удобная доктрина, поскольку с ее помощью можно объяснить любую несуразность российской политической жизни. Но у нее есть и крупный недостаток, неизменно присущий универсалистским трактовкам подобного типа: как и любые иные разновидности всеобъемлющего знания, она упрощает действительность, рисуя ее более примитивной, чем есть на деле. Кроме того, сами несущие конструкции, на которых базируется теория Снайдера, довольно шатки. Из того факта, что Путин цитирует Ильина в своих президентских посланиях, отнюдь не следует, что президент его реально читал. И вообще, представление о том, что пестрый ковер российской политики ныне вышивается под доминантным влиянием книжной премудрости какого-

то бывшего белогвардейца и поклонника Муссолини, излишне эту политику облагораживает, ибо делает ее избыточно идейной. Между тем пристальное наблюдение за происходящим в России в последние десятилетия способно убедить скорее в том, что мотором многих властных решений и действий выступает, увы, элементарная корысть, голое стремление к выгоде в различных ее разновидностях. Колоссальный перепад между тем, какие ценностные ориентиры пропагандирует, говоря словами Юрия Пивоварова, «русская система», и тем, как она практически себя ведет, служит лучшим свидетельством безыдейности нынешней эпохи в самом высоком смысле этого слова. Кстати, Снайдер и сам это косвенно подтверждает, детально описывая производство лжи, поставленное на поток российской пропагандистской машиной. И причем же тут Ильин, спрашивается?

Вместе с тем для исследователя путинского правления новая книга американского историка будет представлять несомненный интерес. В ней собраны многочисленные факты, в особенности касающиеся украинской войны (хотя и не только), в российском информационном пространстве упоминаемые редко или вообще им игнорируемые. Поскольку же этот труд Снайдера на русском языке не появится никогда — разве что украинцы его издадут для нас, читать его придется в оригинале. Кстати, не сомневаюсь, что кого-то это чтение сможет побудить и к знакомству с трудами самого Ивана Ильина — бесполезного и мрачного мыслителя позавчерашнего дня, лишь в силу исторической случайности затесавшегося в интеллектуальный контекст России XXI века. И это хорошо, поскольку ничто не убеждает в убожестве величия лучше, чем непосредственное и детальное знакомство с величием убожества.

*Андрей Захаров,
доцент факультета истории,
политологии и права РГГУ*

*Владимир Рыжков,
к.и.н., профессор НИУ
«Высшая школа экономики»,
председатель движения
«Выбор России»*

Контрапункт

КОНТРЕВОЛЮЦИЯ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

Известный российский экономист Сергей Алексашенко, открытый и компетентный критик внутренней, экономической и внешнеполитической политики российских властей эпохи Владимира Путина, в 2013 году уехал из России, столкнувшись с угрозами для жизни. В 2017 году он попал под прицел правоохранительных органов (по пустяковому и надуманному поводу) и лишен возможности приезжать в свою страну. Тем самым он вынужденно повторил путь множества известных и менее известных россиян, различными способами вытесненных из страны за последние, все более репрессивные годы. Теперь бывший заместитель министра финансов и первый заместитель главы Центрального банка России живет в Вашингтоне, занимаясь российскими исследованиями в либеральном Институте Брукинга. Вынужденное пребывание за пределами родной страны — типичная российская история, уходящая в седую глубину веков — от князя Андрея Курбского до Александра Герцена, Владимира Ленина и Александра Солженицына. Конфликт свободного гражданина и интеллектуала с авторитарной властью, сопровождаемый изгнанием свободолобца за границу, — классический русский сюжет, сам по себе много говорящий о переживаемых нами временах.

Оборотная сторона печального классического сюжета об отторжении и изгнании — появление из-под пера вынужденных беглецов большого количества важных и классических текстов о России и мире (непревзойденной вершиной жанра остаются «Былое и думы» и другие ослепительные труды Герцена). Взгляд на родину издали, с дистанции пространства и времени, достаточное для работы время, как и возможность живого диалога с передовыми представителями

западной мысли, нередко давали изумительные результаты, зачастую труднодостижимые в милой суеде родных равнин и перелесков.

Сергей Алексашенко потратил три года на написание своего большого «забугорного» текста, который вышел теперь в России (пока что власти не добрались еще до книгоиздания, остающегося, в общем, неподцензурным) под наименованием «Контрреволюция» (Алексашенко С. **Контрреволюция: как строилась вертикаль власти в современной России и как это влияет на экономику.** — М.: Альпина Паблишер,

2019. — 408 с.). Контрреволюция — демонтаж достижений демократической и рыночной революции 1980–1990-х годов в России, случившийся в нулевые годы. Книга — подробный рассказ о развороте страны от демократии, реформ и рынка обратно к авторитаризму и государственной, по преимуществу, экономике. А также попытка объяснения причин произошедшего.

Наше общество испытывает острую нехватку таких книг. Затянутое в утомительную текучку жизни, в поток непрерывных, микроскопических изменений, клонящихся, однако, все в одну и ту же сторону — ограничения свобод и все большего принуждения человека со стороны государства, оно не успевает осознать и осмыслить социальную реальность, подумать и продумать — куда, почему и зачем мы все идем. С каждым годом людям становится все хуже, бедней, тревожней, дороже, с каждым годом все труднее представить себе привлекательное будущее для страны, себя и детей — но почему? Кто виноват? Что виновато? Что делать? Поэтому так нужны толстые и серьезные книги, отвечающие на эти вопросы без кривляния, пустозвонства и легковесности. Пришло время больших серьезных книг и больших серьезных идей. Таких книг очень мало, и долг граждан-интеллектуалов в наши дни — писать их. Книга Алексашенко — одна из таких больших книг, без которых невозможен серьезный разговор о России и о ее будущем, а значит, невозможно обсуждение и решение проблем страны.

Алексашенко — профессиональный экономист прежде всего. Однако попытка чисто экономического анализа развития России оказывается принципиально невозможной. Выясняется, что объяснить экономические процессы можно только в процессе выявления глубокой взаимосвязи между экономикой, обществом и политикой, притом при явном доминировании последней. Российская экономика — прямое продолжение и отражение российской политики «другими методами». Для понимания России недостаточно методов экономической науки и методов политической науки, взятых по отдельности, — только комплексный подход дает удовлетворительный результат. Мы говорим о многоаспектном анализе. Мы говорим об использовании методов и достиже-

Фрида Кало. Автопортрет с обрванными волосами. 1940

ний политэкономии, истории, психологии, права, социологии, экономики. Труд Сергея Алексашенко — прекрасный пример комплексного анализа, вбирающего в себя достижения самых разных общественных наук.

Каким образом и почему возникла «путинская» (понимаем всю условность этого термина) модель авторитаризма, имперской иерархии,

монополистического госкапитализма, неправового силового государства и конфронтационной внешней политики? В восьми главах книги Алексашенко детально прослеживаются ключевые сюжеты становления современной российской модели единовластия и государственного контроля над экономикой и обществом.

Путинское вот уже двадцатилетнее пребывание у власти отчетливо делится с экономической точки зрения на две равные половины. С 1999 по 2008 год — быстрый экономический рост (ВВП вырос на 94%, или на 7% ежегодно), «русское экономическое чудо», связанное с сохранением либерального экономического режима, созданного в 90-х, очень выгодной внешнеэкономической конъюнктурой (рост цен на нефть, газ и пр.), а также доступностью западных длинных и дешевых денег. И вторая половина: десятилетие экономического застоя 2009–2018 годов, когда общий рост экономики составил лишь 5%. Торможение экономики началось еще до крымско-украинских событий 2014 года, главной причиной торможения стал спад инвестиционной активности бизнеса, в свою очередь вызванный политическими причинами — ухудшением правовой среды, защищенности прав собственности, монополизацией экономики государством и ухудшением условий для конкуренции. После 2014 года Россия оказалась к тому же отрезана от западных рынков капитала и стала страной, находящейся под санкциями, что еще больше усугубило хронический инвестиционный кризис. Связь политики и экономики очевидна — разрушение и без того очень слабых демократических и правовых институтов, начавшееся в 2000 году, привело к ухудшению делового и инвестиционного климата, ухудшению настолько сильному, что экономический рост остановился в 2012 году и не возобновился по сей день (ведь причины остановки не устранены и даже официально не признаны).

Путь Владимира Путина к власти сам по себе уже был авторитарным, хоть и завершился победой на еще сравнительно свободных президентских выборах весны 2000 года. Речь идет, во-первых, о твердом решении Бориса Ельцина, его семьи и его команды сохранить власть в руках «своего человека», передав ее преемнику, которым и был выбран Владимир Путин. Во-вторых, о готовности использовать для победы преемника любые методы, включая запугивание, компромат, клевету и прямое силовое давление на оппонентов (победа любой ценой). В-третьих, о стремлении подавить или кооптировать различные отряды элиты — с целью обеспечить торжество принципа «победитель получает все», или практически властную монополию.

Стремление удержать власть в своем кругу, готовность применять любые методы и властная монополия как основная политическая цель предопределили политическую и экономическую природу эпохи Путина с самого начала — уже на заре 2000-х. Это в корне противо-

речит расхожему представлению о том, что авторитаризм Путина — следствие спонтанных, непреднамеренных, всегда сугубо ситуативных решений, которые со временем едва ли не случайно привели нас к властной и экономической монополии. С этим не представляется возможным согласиться. Спонтанность, случайность и ситуативность различных отдельных решений не противоречат факту *единого вектора* принимаемых руководством страны решений. Если общий вектор властной воли всегда направлен на укрепление властной монополии президента, ослабление альтернативных центров силы (в экономике, элитах, оппозиции и пр.), обессиливание демократических институтов (парламента, федерализма, местного самоуправления, свободных честных выборов, свободы СМИ), недопущение реальной независимости судебной системы, то любые отдельные ситуативные решения всегда будут выстраиваться во вполне определенную *авторитарную стратегию*. Что и было в полной мере реализовано Владимиром Путиным и его командой, состоящей главным образом из земляков и силовиков, притом уже с самых первых дней пребывания у власти.

Стратегия демонтажа демократических и правовых институтов была *полусознательной и волевой*. Это значит, что не существовало единого продуманного *плана* авторитарного отката (тем более «дорожной карты» на годы вперед), но при этом с самого начала существовал твердый *умысел* на реализацию такого отката. Три главных обстоятельства помогли реализации антидемократического умысла Путина и его группы: быстрый экономический рост начала 2000-х, конформизм и трусость политических и экономических элит, слабость гражданского общества, оказавшегося неспособным дать отпор сокращению прав и свобод.

Первой мишенью авторитарной атаки Кремля (еще позднеельцинского) стала свобода слова. Весной 1999 года был впервые атакован медиахолдинг Владимира Гусинского «Медиа-Мост» с его популярным телеканалом НТВ. Сразу после прихода Путина к власти весной 2000 года Владимир Гусинский был арестован, подвергся давлению, потерял контроль над НТВ и вынужденно покинул страну. С 2000 года он больше ни разу не приезжал в Россию. Летом 2000 года Борис Березовский потерял контроль над Первым каналом ТВ, а летом 2002 года потерял и свой канал ТВС. С этого момента полный контроль над основными телевизионными каналами страны перешел к президентской власти. В Кремле стали проводить регулярные совещания с руководителями СМИ, определяя повестку дня и направления политической и пропагандистской борьбы. Так возродилась система систематической государственной пропаганды через ведущие СМИ. «К 2008 г. когда президентом страны стал Дмитрий Медведев, все новостные телеканалы оказались под контролем Кремля либо напрямую через

государственную собственность, как в случае с «Первым каналом» и каналом «Россия», или косвенно: через собственность госкомпаний, как НТВ, и собственность друзей Владимира Путина, как РЕН-ТВ и «5-й канал» — справедливо заключает Алексашенко. Остается добавить к этому, что такой же разгром и захват произошел в регионах в отношении независимых региональных СМИ, которые оказались в течение нескольких лет подмяты губернаторами и региональными силовиками.

Ключевой механизм авторитарного контроля, часто упускаемый из виду, — созданная Кремлем «власть над законом». Получив уже в 2000 году полный контроль над Госдумой и Советом Федера-

Для понимания России недостаточно методов экономической науки и методов политической науки, взятых по отдельности, — только комплексный подход дает удовлетворительный результат

ции, то есть полный контроль над законодательным процессом, президентская власть превратила принимаемые законы в главный инструмент нарушения основополагающих прав и свобод граждан. «Захват закона» и «управление через закон» сделали законодательство чисто политическим инструментом принуждения, репрессий против оппозиции и гражданского общества (об этом подробно — недавно вышедшая книга Елены Лукьяновой «Конституционные риски»). Закон из универсального регулятора и защитника прав и свобод превратился в изменяемый как угодно часто и в каком угодно направлении инструмент нарушения прав и свобод человека. Разумеется, сотни такого рода «законов» прямо нарушают требования Конституции, но поставленная под полный контроль Кремля судебная система во главе с Конституционным судом отказалась от своей главной миссии — защиты конституционных норм и принципов, защиты конституционных прав и свобод граждан России. Законы, превратившиеся в политический инструмент и утратившие связь с конституционными принципами, стали тем самым основным инструментом беззакония.

Место советских репрессивных законов о «контрреволюционной» и «антисоветской» деятельности занял закон «О противодействии экстремистской деятельности», намеренно определивший экстремизм предельно нечетко и давший тем самым возможность силовым структурам преследовать в уголовном порядке практически любую оппозиционную деятельность, даже простое высказывание мнений (принят в 2002 году). В 2012 году был принят антиконституционный закон об НКО — «иностранных агентах», позволивший начать преследование наиболее активных и критически настроенных неправительственных организаций. С 2012 года в России начали осуществ-

латься систематические политические репрессии и появились (впервые после распада СССР) политические заключенные. Число политических репрессий и политзаключенных с тех пор непрерывно растет. На начало 2019 года, по данным правозащитного центра «Мемориал», в России в местах заключения по политическим мотивам находятся 52 человека, 182 человека преследуются за религию, 65 преследуются без лишения свободы и еще имеется 91 вероятная жертва, не вошедшая в списки. Речь идет, таким образом, о сотнях граждан России. С 2012 года число уголовных дел и приговоров по политическим статьям выросло со 147 в год до 469 (2018 год). По оценкам Сергея Алексащенко, число людей, преследуемых за «политику» в путинской России, уже сравнимо с брежневско-андроповскими репрессиями в СССР в 1970-е годы.

Глава 4 книги рассказывает о демонтаже российского федерализма и возвращении страны к унитарным и имперским практикам управления территориями. И в этом случае важно подчеркнуть *ясный умысел* руководства страны. Сам Владимир Путин, как и его администрация во главе с Александром Волошиным (1999–2003), в принципе отвергали ценность федерализма как системы разделения полномочий и ответственности, договорно-правовых отношений федерального Центра и субъектов Федерации. «В своей среде они неприкрыто говорили о том, что Россия — никакая не федерация, ею никогда не была и должна оставаться унитарным государством». Их не смущало, что Конституция 1993 года учредила новую Россию как государство федеративное, отход от требований Конституции стал их целенаправленной и осознанной политикой.

Первыми же решениями Путина-президента стало создание не предусмотренных Конституцией семи федеративных округов во главе с полпредами президента и реформа Совета Федерации, поставившая его в полное подчинение Кремлю. Сами сенаторы подчинились практически безропотно, навсегда потеряв с того момента свое политическое влияние. Совет Федерации из «палаты регионов» превратился в законодательную «палату при Кремле». Губернаторы были удалены с политической сцены страны. В 2004 году были отменены выборы губернаторов, главы регионов стали назначаться региональными парламентами по предложению президента, то есть фактически самим Путиным. Вместе с политической властью регионы теряли финансовые ресурсы для самостоятельного развития — с 2000 по 2018 год доля доходов регионов в консолидированных доходах бюджетной системы была снижена решениями Москвы с 55 до 40%. При этом 97% расходов регионов регламентируются теперь предписаниями из столицы. Подавляющее большинство регионов имеют в результате далеко не достаточные ресурсы для развития и значительно зависят при этом от финансовой помощи федерального Центра. Это модель не федерации, а унитарного государства.

Федерализм — важный институт политического плюрализма и демократии. Его ликвидация стала одной из основ укрепления авторитаризма и имперской модели управления (управления из центра без согласия людей на местах).

Несостоявшаяся судебная реформа стала одним из главных провалов (ошибок? намеренных ошибок?) реформаторов в 1990-е годы. К моменту прихода Владимира Путина к власти в России не существовало самостоятельного независимого суда. В нулевые годы подконтрольная Кремлю судебная система была полностью достроена как часть властной вертикали, а Конституционный суд послушно одобрял и одобряет любые антиконституционные законы, принимаемые подконтрольным парламентом по команде из администрации президента и из силовых ведомств, ссылаясь при этом на «развивающийся социально-исторический контекст», то есть, иными словами, на меняющуюся политическую конъюнктуру. Стоит особо выделить признание судьи Конституционного суда Владимира Ярославцева об авторитарном характере российской власти, о том, что центр принятия всех решений в стране находится в администрации президента, что органы безопасности могут делать что хотят, а судам остается только утверждать их решения. «Органы безопасности — вот кто правит...»

В шестой главе своей книги Сергей Алексашенко подробно восстанавливает историю уничтожения в стране политической конкуренции. Уже в 2001 году был принят новый закон о партиях, который дал Кремлю возможность закрыть любую политическую партию и отказать в регистрации любой новой партии. В результате число партий быстро и искусственно было сокращено до семи. В 2002–2003 годах система избирательных комиссий была выстроена в административную вертикаль, а система подсчета голосов ГАС «Выборы» перешла под контроль спецслужб. Кремль открыто использовал административный ресурс для помощи партии «Единая Россия» и оказывал давление на оппозицию и ее спонсоров из бизнеса. Массовый характер принял отказ кандидатам от оппозиции в регистрации для участия в выборах. В 2003 году впервые были организованы массовые фальсификации на думских выборах — по оценкам специалистов, «Единая Россия» получила дополнительно 4,5 млн сфабрикованных голосов, что значительно увеличило число ее мандатов в Думе. После присоединения к ЕР множества независимых депутатов, победивших в округах, партия власти впервые приобрела конституционное большинство (304 депутата из 450), что позволило ей (т.е. президентской власти) монополизировать законодательный процесс. На президентских выборах 2004 года никто не выдвинул против Путина серьезного оппонента, а сам он получил, по оценкам Сергея Шпилькина, около 9 млн дополнительно нарисованных голосов. На думских выборах 2007 года фальсификации еще выросли — за ЕР дополнительно нарисовали и вбросили около 13 млн голосов. На прези-

Лионель Фейнингер. Восстание. 1910

дентских выборах 2008 года за Дмитрия Медведева фальсифицировали около 14,5 млн голосов.

Своего исторического максимума фальсификации итогов выборов достигли на думских выборах декабря 2011 года, когда за ЕР было вписано и вброшено более 15 млн голосов! Широкая огласка массовых фальсификаций привела к массовым акциям протеста по всей стране в декабре 2011 года (протестное движение Болотной–Сахарова). После возвращения Владимира Путина в Кремль в 2012 году режим еще больше закрутил гайки, политическая конкуренция была задушена еще сильнее и в Думе, избранной в 2016 году, «Единая Россия» получила

рекордное число депутатских мест — 343. При этом практически весь состав депутатского корпуса был заранее составлен в администрации президента, прочие думские партии победили только в тех округах, которые были им заранее «отданы» АП. Контроль над партийно-политической системой принял абсолютный и тотальный характер. Лояльная думская оппозиция (КПРФ/ЛДПР/СР) в сумме имеет лишь 25–35% мест в парламенте, что лишает ее реального политического влияния, а парламент является местом штамповки нужных исполнительной власти законов, и не более того. Равные и честные выборы в России невозможны. Парламент не выражает больше интересов российского народа, превратившись в послушного выразителя интересов хозяина Кремля.

Безоговорочная монополия президентской власти полностью преобразила и экономическую модель страны. Вслед за властной монополией была быстро построена государственная монополия в экономике. Государственно-монополистический капитализм является экономической опорой и прямым отражением авторитарной власти, предоставляя ей неограниченные финансовые ресурсы. Подавление экономической конкуренции и активность силовиков обеспечивают невозможность для любой оппозиции сбора средств от частного бизнеса на свою политическую деятельность. Одновременно с этим доминирование государственного сектора экономики и преобладание трудовой занятости в госсекторе обеспечивают государству возможность политического контроля над зависимыми слоями населения. Так политические структуры выстраивают под свои интересы структуры экономические. Частная собственность является на деле условной, права на частную собственность могут быть в любой момент прекращены государством, если будет принято соответствующее политическое решение. Так выглядит в общем виде политэкономия путинской России.

В этой России широкое распространение приобрел процесс «государственного рейдерства», то есть захвата частной собственности методами силового давления государством или структурами, близкими к правящей элите. Самым громким, но далеко не первым и далеко не единственным примером такого рода стало дело частной нефтяной компании ЮКОС 2003–2006 гг. Для контроля над основными активами и ресурсами страны была выбрана модель создания огромных и непрозрачных госкорпораций, в руки которых за несколько лет перешли тысячи успешных частных компаний. Сергей Алексащенко подробно показывает этот процесс на примере захвата и поглощения государством таких фирм, как ЮКОС, Сибур, Sakhalin Energy, РУСИА Петролеум, РуссНефть, Рыбинские моторы, ВСМПО, АвтоВАЗ, Евросеть, Теле2, Башнефть, аэропорт Домодедово и др. В результате доля госсектора в ВВП России значительно выросла (по некоторым

оценкам, превысив половину экономики), а главными экономическими игроками стали крупные государственные и квазичастные монополии. Бизнесу запрещено самостоятельно участвовать в политических процессах, а частная собственность в реальности не является таковой, будучи заменена на право «пользования активами» по доброй воле (пока она есть) властей. Все крупные сделки в российской экономике согласовываются в Кремле, как и итоги любых важных выборов. «Владимир Путин создал систему, в которой, по сути дела, российское государство вновь получило контроль над всей собственностью в стране». При этом против бизнеса практически всегда применяются силовые квазиправовые методы давления — обыски, аресты, уголовные дела. Насилие стало основным регулятором отношений собственности, контрактов, рыночных отношений. Риски для бизнеса чрезвычайно возросли. А коль скоро оказалась невозможной защищенная законом и судом частная собственность, то невозможной стала и подлинная свобода — политическая и гражданская.

Государственный рэкет стал массовым, широко растекся по всей стране, став обычным совместным предприятием силовиков, чиновников и судей. Против бизнесменов любого масштаба широко применяются аресты, посадки, допросы и обыски. Хозяйственные споры криминализованы, заниматься предпринимательством стало просто опасно. Ежегодно против бизнесменов возбуждаются *сотни тысяч уголовных дел*. В 80–85% случаев бизнесмены, против которых возбуждаются уголовные дела, теряют в итоге свой бизнес. Это, в свою очередь, привело к резкому снижению деловой и инвестиционной активности в стране, стало основной причиной экономической депрессии последнего десятилетия. Сергей Алексашенко делает ключевой экономический вывод: «использование силового ресурса для передела собственности и отсутствие работающей судебной защиты прав и интересов граждан сегодня составляет главное препятствие для развития российской экономики».

Украинский кризис 2014 года, решение Владимира Путина о присоединении к России украинского Крыма, гибридная война на востоке Украины привели к тяжелым для России последствиям. Страна оказалась под санкциями — финансовыми, экономическими и технологическими. В результате часть российского бизнеса боится инвестировать в экономику, так как разрушены правовые и демократические институты и слишком велики риски, связанные с этим. Те же, кто готов и хочет инвестировать, оказались отрезаны от технологий и финансов Запада. «И та и другая тенденция ведут к торможению роста российской экономики... которое может оказаться затяжным».

После книги Сергея Алексашенко можно считать доказанной тесную взаимосвязь между политическим и экономическим развитием России последних 20 лет. По мере становления и укрепления неправового авто-

ритарного политического режима, по мере утраты судами своей независимости, разрушения гарантий прав частной собственности, ликвидации политической конкуренции, свободы слова, свободных выборов, федерализма и местного самоуправления постоянно ухудшались и экономические перспективы страны. Начиная с 2012 года экономический рост практически остановился, экономика вступила в эпоху долгосрочной депрессии (как поздний СССР). Алексашенко не находит веских причин для изменений российской внутренней и экономической политики в будущем, так как реальные реформы могут подорвать господство и властную монополию правящих групп. Россия будет все больше проигрывать

Государственно-монополистический капитализм является экономической опорой и прямым отражением авторитарной власти, предоставляя ей неограниченные финансовые ресурсы

экономическую, технологическую и социальную конкуренцию всем основным конкурентам, но зато элиты, сознательно отказавшиеся от реформ, сохранят свой контроль над страной.

Такое положение дел может сохраняться неопределенно долго, омрачая будущее новых поколений россиян. Изменить положение дел при этом может только само российское общество. Для этого оно должно ясно осознать причины наступившего застоя, природу и мотивы выгодоприобретателей глубоко несправедливой системы общественных отношений, сложившейся в нашей стране. Для осознания и последующего изменения социальной реальности необходимы глубокие и честные книги лучших интеллектуалов, как российских, так и зарубежных. Такие, как книга Сергея Алексашенко.

СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ О НЕСОВРЕМЕННОЙ СТРАНЕ

Еще одна большая и важная книга, которая в скором будущем непременно поможет России начать выход из экономической, политической и социальной депрессии, — новая работа известного российского экономиста Владислава Иноземцева «Несовременная страна» (**Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. — М.: Альпина паблицер, 2018. — 406 с.**). Центральный тезис книги состоит в том, что Россия есть вполне нормальная европейская страна, но при этом страна принципиально *несовременная*, т.е. живущая в других, более ранних, архаических эпохах. Которая «в наши дни заблудилась не столько в пространстве... сколько во времени. Она не столько ненормальная, сколько несовременная страна».

Иными словами, острые проблемы становления современного демократического государства, рыночной экономики, эффективных полити-

ческих и правовых институтов, социального государства с богатым человеческим капиталом объясняются прежде всего неверным позиционированием российского социума во времени. Пытаясь применять к вызовам 21-го века решения и рецепты из 17-го, 18-го, 19-го и 20-го веков, Россия раз за разом допускает серьезные просчеты, вызванные как раз неадекватностью современности институтов и практик давно ушедших эпох. Методы домодерна в эпоху модерна или даже постмодерна совершенно непригодны и требуют кардинального отказа от них, как ни сложно было бы сделать подобный выбор для элит и общества с несовременным мышлением. Иначе говоря, речь идет о необходимости реальной модернизации (осовременивания) России как обязательного условия ее общего успеха.

Примечательно, что книга также написана за границей, что автор также был вынужден покинуть Россию несколько лет назад, живет и работает теперь не в своей стране. Впрочем, книге это пошло только на пользу. Блестяще эрудированный Иноземцев в силу непосредственной близости и доступности ведущих зарубежных исследовательских центров сумел собрать в книге аргументы и данные огромной доказательной силы.

Автор атакует главные твердыни (если не сказать — святыни) «путинского» (на самом деле широкого общественного) социального и символического порядка, показывая, что именно господствующая в элитах и обществе приверженность ряду основополагающих представлений и традиций является непреодолимым препятствием для развития. Россия нуждается в шумпетеровском «созидательном разрушении» всего того, что стоит на ее пути в современность. Как отмечал Амартия Сен, принцип сохранения традиций и старых символов не может навязываться обществу властями, религиозными авторитетами или любителями древностей разного толка. Решение о сохранении традиций или отказе от них для задач развития и процветания должно принимать само общество в процессе свободной, открытой дискуссии. Традиционность лишается своей легитимности, если решение о ее поддержании не принято самими людьми в свободных общенациональных дебатах, включающих широкий круг граждан.

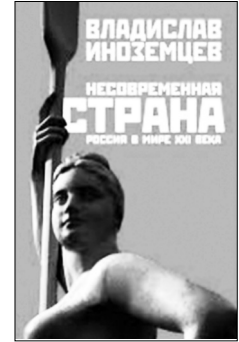
Несовременность России в наши дни не только не скрывается, ее не только не стыдятся — ее открыто манифестируют как наилучший из всех возможных выборов. Несовременность — сознательный выбор и главенствующий принцип правящих в России элит. Он снимает, с одной стороны, с них ответственность за плохое правление, коррупцию и отсутствие результатов в развитии. С другой стороны, закрепление и удержание практик и моделей минувших эпох обеспечивает элитам уровень богатства, господства и разврата, немыслимый в рамках рациональной и требовательной современности. Консервация несовременности обрекает большинство населения России на общественное и иму-

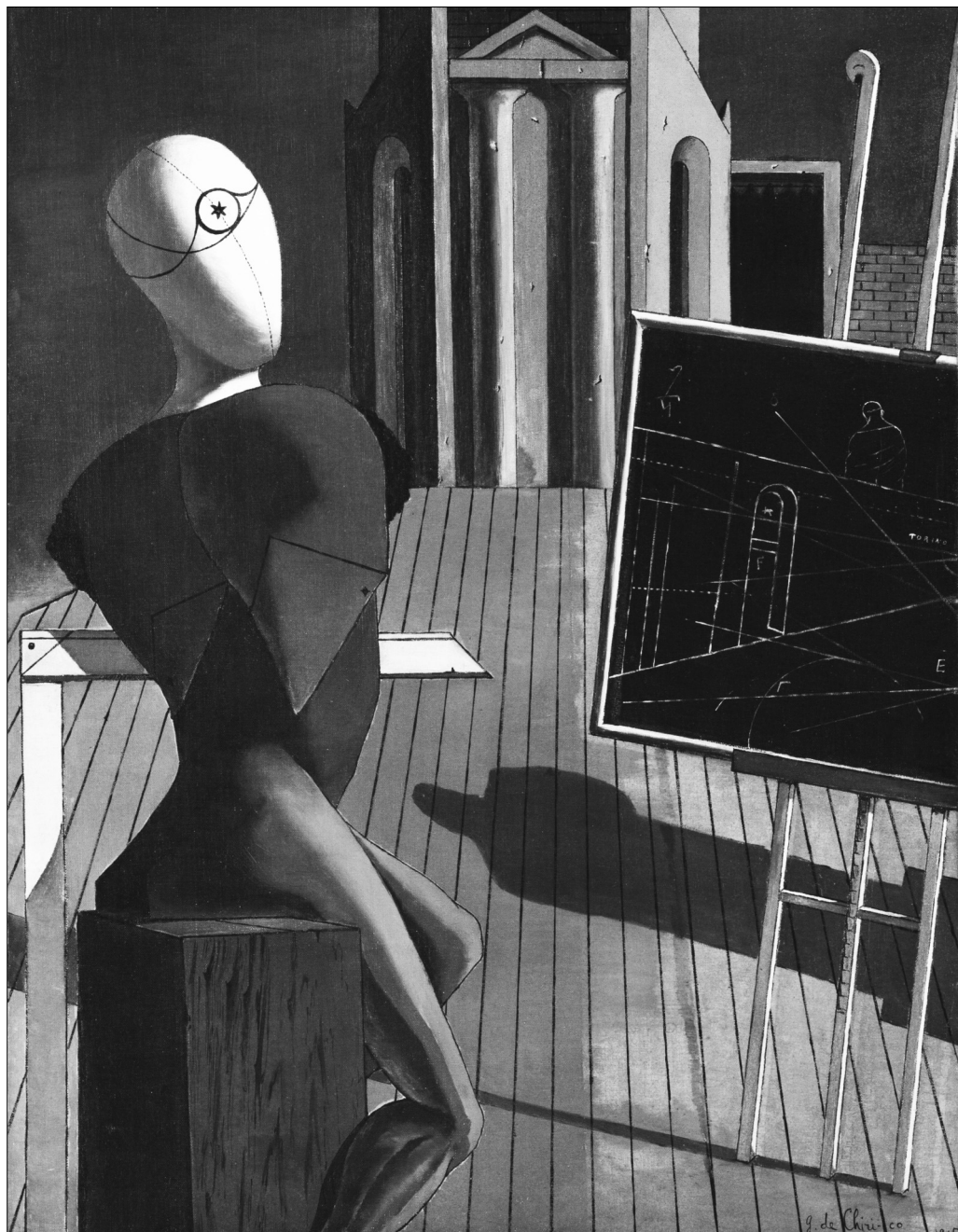
щественное прозябание, но при этом дает правящим элитам статус и образ жизни аристократии позднего Средневековья (князей-бояр с дворцами и поместьями, удачно дополненными современными мегаяхтами и суперджетами).

Анализируя особенности отечественной истории, Иноземцев отмечает, что постоянным свойством России была ее окраинность, периферийность относительно ведущих мировых центров власти и передовых социальных инноваций, что приводило ее к крупнейшим и вынужденным *рецепциям* (восприятию и перенятию) идейных, духовных, военных, технологических и управленческих принципов и практик. Три основные исторические рецепции Руси-России — византийская, монгольская и западноевропейская. При этом во всех случаях рецепции были частичными, приспособляемыми и перерабатываемыми на нашей почве особым образом. В их ходе терялись важные, даже основополагающие, аспекты перенимаемых моделей. Например, от Византии были восприняты восточное христианство и модель симфонии (слияния) власти и церкви, а не римские принципы универсального права и частной собственности. От монголов на Русь пришли прежде всего принципы исключительно жестокого произвольного (неправового) управления персоналистского типа, а также одержимость захватом и удержанием огромных территорий (когда наличие территорий важнее их освоения в общественных интересах). От Запада, начиная с Петра, брались в основном военно-технические достижения и модель иерархического бюрократического государства, при полном игнорировании европейских идей правового государства, признанной автономии личности (личной свободы), правового и демократического ограничения власти, городской автономии, свободного рыночного хозяйства.

Интересно, что многие базовые институты и принципы трех ограниченных и видоизмененных рецепций оказались исключительно живучими, сохраняясь и в наши дни, в новой реальности XXI века. Всякий раз передовые достижения соседних мировых центров рецептировались таким образом, чтобы парадоксальным образом только упрочить безраздельное господство правящих групп над подневольным населением, еще прочнее законсервировать примитивную социальную и политическую организацию отечественного социума. «Итак, история России представляет собой три волны рецепций, в каждой из которых страна перенимала символически и организационно значимые, но не изменяющие ее сущности элементы».

Подобная частичная (неполная, извращенная) рецепция означала и частичные (неполные, извращенные) результаты. Россия на время догоняла, т.е. приближалась к лидерам, но никогда не могла встать с ними по-настоящему вровень. Ее окраинная, вторичная, зависимая природа оставалась непреодоленной. После очередного чрезвычайно

Джорджо де Кирико. Ясновидец, 1915

затратного рывка вперед она вновь откатывалась далеко назад, что со временем требовало новой болезненной рецепции. Это предопределило явление, которое Иноземцев называет «вечным ученичеством» — важным измерением несовременности.

Приверженность элит и социума прежде всего к военно-политической мощи и захвату/удержанию территорий (что проявилось в истории

2014 года с Крымом) является в значительной мере наследием имперского периода и имперского сознания. Россия, номинально федеративное государство, на практике продолжает оставаться государством имперским, живя и управляясь как многонациональная империя с глобальными амбициями. Это принципиально смещает шкалу значимых общественных ценностей от приоритета развития, процветания, благополучия и свободы к приоритету обширности территории, военного паритета (если не доминирования) и самых разнообразных трактовок безопасности, т.е. удержания любой ценой имперского и авторитарного статус-кво. Подмена императива развития императивом величия (великодержавности) является ключевым блокиратором реформ и развития, движения России к современности. «Из этого состояния нет простого пути вперед — даже не в будущее, а хотя бы в современность, и потому Россия останется проблемой для себя и для мира на долгие десятилетия».

Государство занимает в российском социуме совершенно особое место. Если в европейской традиции государство стало продуктом усложнения, дифференциации общества, в ходе которых государство выделилось, отличилось от иных социальных структур (церкви, регионов, городов, корпораций, сословий, позже — структур гражданского общества), став публичным институтом и будучи тем самым ограничено и сужено с точки зрения власти, функций и статуса, что выразилось, в частности, в правовом конституционном процессе XVIII–XX веков, то в России исторически не возникло влиятельных социальных структур, способных отвести (навязать) государству очерченное, определенное и ограниченное место в социальном порядке. Скорее государство само структурировало социум как набор своих же функций (служилые города, служилые территории, служилые сословия, служилая интеллигенция, служилая культура и пр.), сохраняя полное господство над сложным, но при этом иерархически организованным и подчиненным задачам нераздельной и абсолютной власти обществом. Общество было и остается продуктом и функцией властимонолита, власти-абсолюта, власти-дозволяющей. Само понятие государства в России происходит от понятия «государь-господарь», т.е. высшей власти не как *определенного* (рационального и конечного) общественного института, выполняющего небезраздельные политические и управленческие функции в сложном и автономном от государства обществе, а как — буквально — хозяина, господина, собственника страны и населяющих ее людей (об этом — знаменитая «вотчинная теория» Р. Пайпса).

Соответственно Россия остается редким в наши дни социумом с принципиально неразделенными государством и обществом. В ней все слитно, а потому мутно и неопределенно. По этой причине проваливается признанный Конституцией принцип правового государства и

появление права как универсального регулятора общественных отношений — ведь право возможно только при наличии полномочных сторон правовых отношений, дифференцированного общества, человека и гражданина как признанного и сознающего себя таковым субъекта правовых (т.е. государственных и общественных) отношений.

Подобное формирование (российское «государство»), как всеохватывающая, безграничная (в правовом отношении) сущность, сделало невозможным и формирование общероссийской гражданской нации как сообщества, «овладевшего государством», сделавшего страну предметом своей опеки, управления и судьбы. Без разведения государства и общества, без правового определения прерогатив власти и общества, без внешнего со стороны общества контроля и спроса невозможен ни правовой, ни демократический порядок.

Неопределенный и потому всеохватный характер государства (власти), ее (власти) персонифицированный характер (страной правит и на страну время от времени претендует новый харизматический вождь, а не идеологическая партия), а также сырьевой характер экономики, при котором не народ кормит государство, а распределяющее ресурсы государство кормит народ — три основные объясняющие причины бытования российского авторитаризма. При таких структурных условиях невозможна оппозиция (как содержательная и важная часть общества и власти), а действуют лишь отдельные маргинальные диссиденты. Невозможны идеологические массовые партии (общество не дифференцировано, не имеет отношения к государству и не сознает свои интересы). В отсутствие политических структур и публичной сферы, в отсутствие общенациональных дискуссий о значимых социально-экономических вопросах выборы всякий раз превращаются в бессодержательный по существу референдум о доверии к действующей харизматической власти по принципу: доверяем — не доверяем личности лидера, почти вне всякой связи с реальной жизнью и политикой.

Нынешнее российское общество состоит из современных и свободных (вполне европейских во многих отношениях) людей, низовая модернизация в нем идет полным ходом. Однако общество свободных людей не сложилось в свободное общество. Россияне не видят связи между политикой и экономикой, между политикой и их жизнью, что определяет их низкий интерес к политике, к общим вопросам, к участию в партиях, выборах и пр. Адаптации страны к своим интересам и потребностям они предпочитают личную адаптацию к внешним условиям жизни в государстве, которые воспринимаются как естественные, предзаданные кем-то («государством»?) извне, предложенные им чуждой и никак с ними не связанной анонимной силой. Борьбе за универсальное право предпочитают индивидуальные договоренности (исключения из правил). Тем же, кто не соглашается считать внешнюю среду внешней, пытается

сопротивляться ей и менять ее, предлагается выбор между репрессиями и эмиграцией. Так возникает феномен сосуществования общества свободных людей, но при этом несвободного и атомизированного общества, с авторитарным и неправовым государством.

В таком обществе сохраняется тем не менее потенциал для общественно-политической модернизации в будущем. Владислав Иноземцев не видит в настоящее время реальных путей для изменений, покуда будет сохраняться нынешний

политический режим, в котором автор находит немало аналогий с корпоративным государством фашистского типа. Такой режим невозможно изменить изнутри, его остается только пережить. С уходом персоналистского ре-

Россия, слабея экономически, потеряв значительные территории, не сумела интегрироваться в европейские структуры и затеяла все более дорогостоящий для нее проект интеграции евразийского (постсоветского) пространства

жима обязательно появится возможность для системных изменений. Иноземцев призывает окружающий Россию мир в тот момент не повторять ошибок 1990-х годов и сделать все возможное для того, чтобы открыть пути свободным россиянам к свободному обществу, инкорпорировать Россию в современность в полной мере, прежде всего в части политических институтов и решающей роли гражданского общества и права.

Экономически Россия — страна прежде всего сырьевая, такой ее характер сложился более двухсот лет тому назад. Сырье и его экспорт выступают главным источником богатства страны, как и основным предметом перераспределения доходов между элитами и населением. Для преумножения источников сырья традиционно преследуется цель расширения территории. Авторитарная власть собирает сырьевую ренту и перераспределяет ее, удерживая тем самым политический контроль. Сырьевой характер экономики, территориальная экспансия и авторитаризм тесно взаимосвязаны, поддерживая и предопределяя друг друга. Ресурсное изобилие одновременно является ресурсным проклятием, блокируя способность к инновациям. Ресурсное хозяйство при этом предельно неэффективно. Потому Советский Союз рухнул под тяжестью сразу двух «холодных войн» — огромных расходов на оборону (12–15% ВВП) и расходов на освоение огромных северных просторов страны, что привело к громадным деформациям производственных пропорций. Склонность к огромным военным расходам и убыточным мегапроектам остается характерной чертой и современной России. Эффективность экономических решений как их основной критерий по-прежнему остается за бортом политики, что подрывает развитие.

Структурно Россия — «рыночная неэкономика». В ней есть рыночный сектор, но доминируют неэффективные государственные экономические структуры. Ресурсы делятся между а) населением в целях сохранения его пассивности и лояльности, б) элитами в целях их обогащения (что ошибочно называется коррупцией, а на деле является основным элементом политической системы), в) задачами безопасности, внешней и внутренней, ради сохранения статус-кво господства и присвоения богатств страны «властью» (т.е. правящими слоями). Иноземцев отмечает, что «фундаментальной чертой сложившейся в России системы является четкое разделение всего народного хозяйства страны на «рыночный» и «нерыночный» сегменты». Государственный сегмент примитивен, неэффективен и направлен на сбор сырьевой ренты. Здесь почти нет места рынку и современным денежным отношениям. Второй, рыночный сегмент носит вспомогательный характер, его вес составляет лишь около 30% ВВП. При этом он подчинен государству и беззащитен перед его волей. Это не современная экономика знаний и технологий, а скорее феодальное хозяйство, основанное на сборе и распределении ренты.

Ключевой тезис книги — о невозможности российской модернизации (глава 4). По крайней мере — в ближайшие десятилетия. Прежде всего в силу курса элит и общества на консервацию, традиции, манифестацию ориентации на прошлое, а не на инновации и будущее. Торжествует убежденность, что в стране и так все хорошо, и всегда было хорошо, а значит, менять что-то — только вредить России. Общество боится перемен, в нем невозможно найти сегодня субъектов модернизации, т.е. радикальных общественно-политических и социально-экономических преобразований. Консенсуса о неприемлемости сложившегося положения вещей нет — а значит, нет и социальных условий для модернизации. Элиты заинтересованы в защите статус-кво, позволяющем им извлекать доходы из денежных потоков без повышения эффективности экономики. Оптимальным партнером в модернизации мог бы стать Европейский союз как потребитель российского сырья и поставщик инвестиций, производств, рабочих мест и партнер по созданию конкурентоспособной индустрии. Но политические резоны правящих элит оторвали от него Россию, направив ее в сторону Китая, который не может дать ничего из этого, да к тому же не заинтересован в создании из России своего конкурента на мировых рынках промышленной продукции. «В результате в России сложилась ситуация, в которой регресс и отставание стали восприниматься как показатель успеха (не важно, куда мы идем, лишь бы не в том направлении, что и остальные)». Неразвитие стало целью и лозунгом не только правящей элиты, но и всей страны.

Это в полной мере относится и к внешней политике современной России. Она отличается истеричностью и все больше становится препятствием для успешного развития. Россия, слабея экономически,

потеряв значительные территории, не сумела интегрироваться в европейские структуры и затеяла все более дорогостоящий для нее проект интеграции евразийского (постсоветского) пространства. Она все больше оказывается в тени двух гигантских соседей (ЕС и Китая), втягиваясь при этом в мелкие изнурительные конфликты в «сферах своих интересов». Страна деградировала «до сугубо региональной державы», сохраняя при этом ментальность глобальной сверхдержавы. Внешняя политика отражает фобии и комплексы отечественных элит, что с каждым годом обходится ей все дороже.

Иноземцев исходит из наличия в современном мире стран «первого мира» — США, Китая и ЕС, на которые приходится львиная доля мирового ВВП, торговли, инвестиций и технологических инноваций. Россия в этой системе координат — держава «второго мира». Ее попытки компенсировать экономическую слабость наращиванием военной мощи (и расходов) лишь еще больше подрывают возможности страны (не говоря уже о качестве и уровне жизни населения). Единственно разумным выбором в такой ситуации стало бы максимальное сближение с одним из соседей «первого мира» в целях национального развития. Однако же ни с ЕС, ни даже с Китаем ничего подобного не происходит. Россию все чаще воспринимают как державу реванша, подрыва мирового порядка, что все больше изолирует ее, помещает под режимы санкций, закрывает привлечение инвестиций и любые другие программы сотрудничества и развития. Внешняя политика России все в большей степени сводится к обсуждению маргинальных тем, а круг друзей все больше сужается до мировых маргиналов и изгоев. Отношения с самым выгодным и естественным партнером по модернизации — Европейским союзом пришли к худшему состоянию за всю их историю. Россия фактически ввязалась в очередную холодную войну с Западом, исход которой с большой вероятностью будет таким же, что и в прошлом.

Подытоживая свой яркий и убедительный анализ, Владислав Иноземцев говорит о разделении современного мира на две части — современный и не(до)современный. Первый производит образы и технологии будущего, второй их потребляет (не будучи в состоянии производить). Россия попала во вторую часть, отказываясь признать это. В этом втором мире идет постоянная деградация систем управления, примитивизация экономик, а также отток наиболее способной и конкурентоспособной части населения (за постсоветские годы Россию покинули 2,6 млн человек, многие из которых процветают в странах первого мира. А всего на Западе сегодня постоянно живут 5,2 млн россиян).

В результате Россия попала в пугающую «воронку демодернизации». Ужесточение политического режима и рост произвола подрывают основы предпринимательства (об этом же пишет и С. Алексашенко) и увеличивают число людей, стремящихся покинуть страну. Это душит

рыночный конкурентный сегмент экономики и делает государство еще более рентным и авторитарным. Растущая эмиграция снижает человеческий капитал, рвет сети общественного доверия, делает общество еще более атомизированным и пассивным. «Попад в такую воронку, общество не может самостоятельно из нее выйти, становясь все менее современным». Спасти дело может только глубокая интеграция в мир, но это невыгодно правящим группам.

Демодернизация в современном мире становится не менее распространенным явлением, чем модернизация. Возникает *расколота́я цивилизация* с полюсами богатства и развития и безнадежной бедности и отсталости. Выбор элит в пользу второго пути является актом национально-го предательства.

Владислав Иноземцев считает своей задачей не предложить программу действий, а прежде всего — написать достоверную картину социальной и политической реальности, включая описание реального места России в мире. Предложенная им картина наверняка не понравится буквально никому. Ни властям, обвиненным не только в скудоумии, приверженности допотопным фобиям и комплексам, системном воровстве и пренебрежении народом. Ни левым, верящим, что усилиями государства «из самого себя» и исключительно внутри страны, методами очередной государственной мобилизации, можно успешно решить задачи развития и достойной жизни. Ни либералам, верящим в скорое падение «режима» под ударами задавленного, но живого гражданского общества. Ни международникам, усматривающим в российской внешней политике немало здравого смысла, вынужденных решений и «сильных ходов». Ни западным политикам, прямо обвиненным в упущенном ими шансе интегрировать Россию в современный мир в 1980–1990-е годы. Ни многим российским гражданам, представленным как узколобые и трусливые обыватели, не способные ни к объединению, ни к тому, чтобы подняться до понимания смыслов и целей общественного блага.

Однако именно в острой провокативности, в открытом взгляде, в кричаще жестких выводах, фактических доказательствах и состоит главная ценность книги. Ее пафос заключен в возгласе автора «Так жить нельзя!» во времена, когда отовсюду слышится только самоудовлетворяющее: «Это наш, особый путь, он самый лучший, и именно им мы продолжим идти». Если для возврата России на путь всесторонней модернизации требуется общенациональный консенсус о неприемлемости для задач сохранения страны и задач ее успешного развития сложившегося положения дел, то книга Владислава Иноземцева — важный вклад в формирование такого, несомненно нужного для России, консенсуса.

Публикуемый текст был написан для журнала Союза журналистов России «Журна-листика и медиарынок» № 1, 2019 (www.jourmedia.ru). Выпускница Школы 2000 г. Екатерина Жилиякова отвечает на вопросы постоянной рубрики журнала о том, что такое профессия журналиста. Печатается с сокращениями.

*Екатерина Жилиякова,
шеф-редактор журнала
«Муниципальная Россия»*

Несколько вопросов самому себе

1. Журналистика — это...

...характер. Это большой интеллект. И решение поставить свою жизнь на службу людям. Журналисты ведь очень разные. Есть герои, которые идут до конца и делают свою жизнь инструментом стояния за правду — это cream of the cream профессии. Есть журналисты, которые каждый день идут добывать новости, как шахтеры в забой. Это и раньше-то без Интернета и мобильных телефонов было не самым простым делом, а сегодня еще сложнее, но уже по другим причинам. Есть те, в ком превалируют интерес, здоровые риск и тщеславие и дипломатические способности — военкоры и журналисты-международники. Есть аналитики, которые подчас разбираются в предмете лучше специалистов. Есть колумнисты и ведущие авторских программ: они изобретают слова и образы, которыми мы потом описываем свою жизнь. Есть те, для кого сама жизнь — это слово. Как, например, не так давно скончавшаяся Зоя Ерошок. Если про большинство статей профессионалу более-менее понятно, как они сделаны, то разобрать на части текст «журналиста слова» практически невозможно: это сугубый талант. Но все вместе — это люди, «которым надо», иногда — которым надо больше всех. И это всегда умные люди с системным мышлением, которые раньше других видят то, что едва забрезжило на горизонте.

Александр Колдер. Кресло-слон с лампой. 1928

2. Почему вы пошли в журналистику?

Помните, как в фильме «День выборов»: «Почему послом именно в Тунис?» — «Ну а куда ж его?» Я пошла в журналистику, потому что не знала другой жизни, а эта была очень интересной. Мои родители работали собкорами ТАСС и «Советской торговли» сначала в Тюмени, потом в Краснодаре (а до этого мы жили еще в Ульяновске и Кызыле). Мы жили в собкоровском доме, нашими соседями и моими друзьями были собкоры и их дети. Отец мотался по командировкам, и это всегда были потрясающие истории: то он в Певеке работает в штабе спасения каравана судов, то рассказывает про Саяно-Шушенскую ГЭС, то пропадает на Самотлоре...

Мама, как все мамы, захватывала нас с братом на работу, и мы то сидели за кулисами и слушали интервью Эдиты Пьехи, или в редакции смотрели на человека со странным именем Тельман Гдлян, который потом разоблачил хлопковую мафию в Узбекистане. То мы едем в плацкарте из Ульяновска в Кызыл, то трясемся на «кукурузнике», то переваливаем через Уральские горы на тассовской «Ниве» по пути из Тюмени в Адлер. В доме постоянно бывали люди с удивительными историями, когда мы шли по улице, к родителям кто-то подходил и благодарил за то, что спасли от увольнения или помогли получить квартиру...

Мне очень хотелось быть такой, как родители. Уметь разговаривать человека, точно понять логику событий и описать ее, чтобы после статьи что-то изменилось. Ну и, честно говоря, я, как и многие журналисты, грезил

тем, что статьи в газетах — это лишь ступеньки на пути к большому роману. По счастью, с годами мне удалось истребить в себе это заблуждение.

3. Кого из героев материалов вашего издания (программы) вы помните и почему?

Тут у меня целая россыпь историй, но боюсь, что сегодня многие не поверят, что такое было возможно. Ну представьте: конец 1990-х, село в Оренбургской области, по земле которого проходит труба «Газпрома». И глава села Александр Митин идет в суд и отсуживает у района часть налогов от «трубы». На эти деньги ремонтирует ДК и реорганизует школу — да так, что дети поголовно поступают в вузы, а село еще и выдает им по второй стипендии. Или другое село, в Мордовии, — Камаево. Компания друзей и родственников со всей страны переехала сюда, чтобы заняться фермерством. И будто попала в фильм «Любить по-русски». Эти парни и в кустах с обрезками, встречая бандитов, лежали, и выбитые стекла в окна и в машины по разу в месяц вставляли. Но — выстояли. И однажды сами дошли до идеи самоуправления и выбрали себе президента (я не шучу) села — Николая Шлукина. Они тоже сделали из Камаево конфетку; Шлукин потом руководил сельским хозяйством района и был депутатом госсовета Мордовии; правда, его изношенное сердце долго не протянуло. Вы, наверное, встречали в магазинах фермерское масло из Ичалок? Ну вот, село Камаево Ичалковского района.

Или россыпь всеми любимых шоколадов известных брендов Alpen Gold,

Milka, «Воздушный», Toblerone... Для России их делают в Покрове. А начиналось все с того, что в середине 1990-х мэром нищего Покрова выбрали Вячеслава Рогова. Денег в бюджете нет, есть только полуразрушенные кирпичные стены знаменитой дореволюционной шоколадной фабрики Stollwerck. Рогов едет в Германию, притаскивает в Покров немецкие инвестиции и возрождает шоколадное производство. Ну все и завертелось... Спустя годы история для меня закольцевалась. В середине 2010-х я напросилась к знаменитому основоположнику российской урбанистики Вячеславу Глазычеву (ныне покойному): хочу ездить с вами и описывать, как вы работаете. А Глазычев перед смертью работал над двумя стратегиями развития: Москвы и Петушинского района Владимирской области, куда входит и Покров. К сожалению, петушинская стратегия так и не была реализована, но побочным эффектом работы стала раскрутка бренда — «Покровский пряник». В общем, все яркое обычно возникает на хорошо подготовленной почве.

Или раскрученный сегодня бренд — город Коломна, куда на экскурсии ездит «вся Москва», и не только за пастилой. Президент РФ именно в Коломне заявил, что в нацпроект «Комфортная городская среда» войдут малые и исторические города. А начиналось с того, что автор коломенского чуда Наталья Никитина защищала исторические здания от сноса и буквально на кухне восстанавливала дореволюционный рецепт коломенской пастилы, которую когда-то поставляли для императорского двора. Теперь Никитина — хозяйка музейного комплекса размером со всю Коломну, который буквально сконструировала по кусочкам.

Или моя любимая (и, увы, тоже покойная) глава Угличского района Ярославской области Элеонора Шереметьева: она в первый день пришла на работу с тазиками, потому что даже в кабинете мэра протекла крыша. А ушла, проведя в каждый дом водопровод, привлекла в Углич инвестиции, открыла десяток музеев... Или Глеб Тюрин, который третий десяток лет ездит по умирающим селам и воодушевляет их жителей на спасение поселений имеющимися силами. Просто погуглите «Нью-Ёркино»... Это целый пласт людей, которые изо дня в день кладут свою жизнь «за други своя». Надеюсь, что в обозримом будущем я таки выложу архив нашего журнала в открытый доступ, а может быть, наконец сяду и займусь книгой об истории российского постсоветского самоуправления.

4. Вы считаете себя свободным от самоцензуры?

У меня такая специфика, что вопрос цензуры особо остро никогда не стоял, в отличие от коллег из «нормальных» общественно-политических СМИ. Мы делали хотя и не в полной мере корпоративное издание — наш журнал скорее просветительский, но все же рассчитан на узкую профессиональную аудиторию. С такой повышенной клиентоориентированностью довольно странно звать на баррикады. Моей задачей было срежиссировать номер так, чтобы заставить читателей-муниципалов задуматься, воодушевить их и натолкнуть на новые идеи.

Хотя я горжусь, например, тем, что именно в «Муниципальной власти» была опубликована статья Андрея Замотаева о том, как мы не совсем

точно перевели Европейскую хартию местного самоуправления, которую подписывали, вступая в Совет Европы. Неточно — просто потому, что в нашем, как иногда говорят, менталитете тогда не было адекватных слов, и мы, не отдавая себе в этом отчета, перевели «местные сообщества» как «органы самоуправления». Но это, как говорится, совсем другая история.

5. Что (или кто) помогает не терять веру в себя и в профессию?

Честно говоря, тут я не знаю, что ответить, потому что никогда не думала, потеряла я эту веру или нет. Журналистика, как система обратной связи, — это неотъемлемая функция и часть общества. Ее бессмысленно запрещать и ограничивать: информация, как вода, всегда дырочку найдет. Telegram ограничили, но сидят-то все по-прежнему в нем. У приезжающих в Северную Корею отбирают мобильники и водят по улицам только в сопровождении, но все равно весь мир знает, какая там жизнь... Стало что-то непонятное происходить на главных телеканалах — все ушли в Интернет... Так что если не мы, то всегда найдется тот, кто не испугается и расскажет или задаст нужные вопросы. И конечно, я преклоняюсь перед настоящими расследователями — в нашей профессии это как нобелевские лауреаты.

6. Какие хулиганские поступки вы совершали в детстве или юности?

Были два судьбоносных не то чтобы хулиганства, но мятежа. Сначала я добровольно ушла из правительствен-

но-парламентской службы ТАСС. Меня грызла мысль о том, что работать у отцовских друзей — это все же слишком легкий путь, на котором я могу не состояться как личность. И еще в голове сидела мысль, когда-то внушенная все теми же старшими коллегами: у журналиста должна быть своя тема и большой багаж знаний по ней. Когда я написала заявление, тассовское начальство, знавшее меня с пеленок, оставшуюся до увольнения неделю разговаривало со мной очень аккуратно. По-моему, они не были уверены в том, что я не сошла с ума до такой степени, чтобы не начать на них бросаться: все-таки не каждый день видишь человека, который добровольно сходит с дистанции, ведущей прямоком в заведующие каким-нибудь европейским корпунктом. Но я до сих пор уверена в том, что поступила правильно, и на самом деле прожила очень интересную жизнь.

Я, конечно, очень смешно пустилась в свободное плавание — ушла-то я к часто бывавшему в нашем краснодарском доме Николаю Егорову, который стал министром РФ по делам национальностей и региональной политике. Но все же это были далеко не тепличные условия, и в министерстве ко мне относились без снисхождения. Но вскоре началась чеченская военная кампания, в которую была втянута команда Николая Дмитриевича. Меня сначала прикомандировали к объединенному пресс-центру при Минпечати (где мы работали вместе с Ирой Фроловой — известной многим как Бергсет, героиней прогремевшей несколько лет назад истории выхода замуж в Норвегию и побега оттуда с одним из двоих детей). А потом меня

вызвал один из замминистров и таким тоном, будто вручал награду, объявил: вам, Екатерина Викторовна, оказана большая честь — вы на несколько месяцев едете работать в Чечню. То бишь на войну. Я «взяла под козырек», закрыла за собой дверь и в тот же день в первый и последний раз в жизни купила себе липовую справку. Ибо действительностью я все-таки люблю заниматься осмысленной. Разумеется, когда через пару месяцев я «выздоровела», кредит покровительства был исчерпан навсегда, да и Николай Дмитриевич к тому времени уже ушел. Мне пришлось внутри министерства искать новую интересную тему для приложения усилий. И вот тут-то я и обнаружила компанию потрясающих людей: только что прошли первые прямые выборы мэров, и самых ярких из них — как правило, бывших ученых из «почтовых ящиков» — тут же выхватили в Минрегионнац развивать местное самоуправление по стране. Эти люди выстроили первую российскую муниципальную реформу, ну и заодно — мою судьбу.

7. Ваше самое яркое воспоминание?

Очень хочется написать: день, когда из моей тумбочки пропала стипендия на всю группу. Честно говоря, самое яркое воспоминание — мистическое и связано с поползновением написать роман. Как-то в очень трудный период жизни

после смерти мамы я написала пару рассказов, с героями которых происходили почти волшебные истории. А эти сюжеты взяли, да и сбылись в моей жизни (о том, что такое иногда происходит, говорили некоторые настоящие писатели). Хотя сбылось хорошее, да еще и в Париже, меня это «прозрение» слегка напугало и поставило точку на желании пографоманить.

Поэтому я расскажу про поразивший меня не так давно памятник мэру Варшавы — избранному в 1934 году Стефану Старжинскому. Старжинского называли «президентом пригородов» и на памятнике — карта «Большой Варшавы». Неудивительно, при нем за четыре года открылось более 40 школ, началось строительство первого метро, открыт Национальный музей, два парка стали публичными, снизилась безработица. В 1939-м, когда фашисты вторглись в Польшу, Старжинский отказался бежать, руководил обороной города, потом остался комендантом при немцах — только чтобы участвовать в организации первого подполья, но уже в декабре 1939-го попал в гестапо... После войны его именем назвали несколько школ, радиостанцию (во время обороны он выступал с радиообращениями к жителям), в 1970-е о Старжинском сняли фильм, а в 2003 году выбрали «варшавянином века». Я наткнулась на эту скульптуру случайно, но история вот такого, положившего жизнь за други своя мэра впечатлила надолго.

Публикуем выступление Леона Конрада на семинаре Школы для журналистов в Оксфорде 1 февраля 2019 года. Так Леон прокомментировал диалог, состоявшийся на круглом столе, о роли журналистов в современном мире.

Если в вашей работе есть правда, добродетель и красота, так ли уж важно, что именно вы делаете?

Готовясь к своему выступлению, я написал доклад, но, послушав дискуссию, решил говорить спонтанно, от сердца, обращаясь от своей души к вашим душам. Александр Шмелев передо мной говорил об этосе, пафосе и логосе. Он говорил об этосе, пафосе и логосе с точки зрения пропаганды. Он говорил об этосе, пафосе и логосе с точки зрения истинной журналистики. Я бы хотел поговорить об этосе, пафосе и логосе с точки зрения каждого из нас.

Что мы хотим сказать друг другу не просто словами, а от сердца к сердцу? Вот какой риторический вопрос волновал и тревожил меня, когда я слушал дискуссию. Эта тревога сначала зародилась во мне, но постепенно развернулась в ясный ответ. И этот ответ таков. Мы все несем свет. Без света мы ничего не разглядим сквозь витражи. Без света мы ничего не увидим через стеклянную призму. Без света мы ничего не увидим даже через увеличительное стекло.

Но как нам передать свет наших сердец и наших душ другим людям — так, чтобы он коснулся света в их сердцах и душах? Как?!

Один из проектов, над которыми я сейчас работаю, — книга о сторителлинге, о структуре историй, о том, как истории работают, и о том, зачем мы их рассказываем. Работая над книгой, я понял, что в наших историях — и в жизни, вероятно, тоже — во тьме свет сияет все ярче и ярче, а от вспышек ослепляющего света нас начинает окутывать темнота. Пророк Бахаулла* основал веру на видении, на откоро-

*Леон Конрад,
преподаватель риторики,
Лондон*

* Бахаулла (1817–1892), настоящее имя Мирза Хуссейн-Али-и-Нури — иранский религиозный деятель, основатель Веры Бахаи. — Прим. ред.

вении, ниспосланном ему ангелом. Но этот ангел явился Бахаулле в зиндане Тегерана — в то время самом страшном и мерзком месте на Земле...

В этом смысле совершенно не удивительно, что сегодня мы часто обращаемся к таким инструментам, как ирония, пародия или парадокс. Мы используем их не просто так — тем самым мы подчеркиваем абсурдность нашего мира. Вспомните язык абсурда «Алисы в Стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье». Целью языка абсурда истории про Алису было открыть правду — ту правду, которая не требовала доказательств. Самоочевидная правда, как ни странно, не так очевидна. Так же как и здравый смысл — он не так уж и здрав.

В этом кроется ответ на вопрос о предназначении журналистики — истинной журналистики, а не пропаганды, о предназначении ораторства — истинного ораторского искусства, а не самовосхваления. Этот ответ — язык. Живой язык. Живой язык блестит, искрится, сверкает, сияет ярким светом. Живой язык — как поток жизни, который размывает границы и объединяет нас в единое целое.

Живой язык — это живой парадокс. Он объединяет простоту и сложность, силу и слабость. Он основан на трех простых вещах, на трех всеобъемлющих принципах. Вы, наверное, думаете, что я назову этос, пафос и логос? Это не так. Я назову еще более фундаментальные вещи, на которые опираются этос, пафос и логос. Это три очень простые вещи.

Первая — *правда*. Если вы собираетесь использовать пародию, если вы собираетесь использовать иронию, если вы собираетесь лгать — пусть это будет правдивая ложь.

Вторая — *добродетель*. Служат ли ваши слова благой цели? Действительно ли эта цель благая? Вот те вопросы, которые следует задавать себе, когда вы обращаете дыхание в звук, звук в слово, когда вы опускаете ручку на бумагу или палец на клавиатуру.

Первой была правда, второй — добродетель, номер три — это *гармония*. Кто-то назовет это красотой. Красота основана на гармоничных пропорциях, на взаимодополняемости, на равновесии противоположностей. Это баланс между речью и молчанием, между тем, что сказано, и тем, что не сказано, между тем, что написано на бумаге, и тем, что осталось ненаписанным.

Если в вашей работе добродетель, правда и красота сойдутся вместе, чтобы скрепить исключительность бытия, единение, которое объединяет всех нас, несущих свет, то так ли это важно — что вы делаете или что вы пишете? Так ли уж важно, видите ли вы себя смотрящим через призму, или через увеличительное стекло, или через витраж? Так ли уж это важно, если ваша работа основана — на что я очень надеюсь — на этих всеобъемлющих принципах?

И поэтому я просто скажу: идите. И пусть ваши труды рожают свет.

CONTENTS

TO OUR READER

- Letter to Parents
Yuri Senokosov 5

SEMINAR

- What future awaits Europe?
Kalyso Nikolaidis
Shirley Williams
John Lloyd 7

BERLIN FORUM

- The European Spirit – Spirit of Openness
and Freedom
Catherine Lalumière 19
- A Return to Democracy?
Norbert Lammert 23
- A Challenge for All
Thomas Gomart 27
- The Importance of Searching for a Common
Language
Denis Volkov 31
- Political Systems in Eastern Europe and
Controversy of the Public and the Social
Mikhail Minakov 34
- Democracy, Rule of Law, Human Rights
Fredrik Löjdquist 37
- Discussion 40

THEME OF THE ISSUE

- « We elect, we get elected... »
Boris Makarenko 51

CHALLENGES AND THREATS

- Russia and Europe after Break-up
of the USSR
Carl Bildt 60
- Objectivity of Journalism
Kadri Liik 65

CIVIL SOCIETY

- Civic Education in the History of Russian
Political and Social Thought
Alexander Sogomonov 69
- Three Fronts of the Civil Society:
Conflicts Rising
Andrey Kolesnikov 110

A VIEWPOINT

- Civil Society after 2018: Is There a Chance?
Vladimir Ryzhkov 120
- A Crimean Story: Five Years Later
Andrey Lipskiy 126
- If You Would Have Peace Prepare for Peace
Olga Irisova 133

HORIZONS OF UNDERSTANDING

- The Rule
Leslie.L.Blake 138

ANNOUNCEMENT

- France: French Politics in 2017–2018
Igor Bunin 152
- Men of the Government-Issued Century
Alexey Makarkin 156

BOOKS

- Road to Non-Freedom
Andrey Zakharov 164
- Counterpoint
Vladimir Ryzhkov 166

NOTA BENE

- A Few Self-Questions
Ekaterina Zhilyakova 187
- When There Is Truth, Virtue and Beauty
in What You Do
Leon Conrad 193

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР:

ЭМОЦИИ, ИНТЕРЕСЫ, ЦЕННОСТИ

Наши авторы:

Андрей Захаров

Сергей Игнатов

Владимир Малахов

Сергей Медведев

Анна Перона-Фьельдстад

Сергей Петров

Еспер Роин

Владимир Рыжков

Петр Свительский

Роберт Скидельски

Александр Согомонов

Фредрик Эрикссон

Подписано в печать 25.06.2019.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 12,25.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Школа гражданского просвещения

107031 Москва,

ул. Петровка, д. 17, стр. 1

<http://www.civiceducation.ru>